Евгения Долинова

Радость с собой, беду с собой

Людям,
живущим
в вечном неуюте,
создающим
уют
для других...

ЕВГЕНИЯ ДОЛИНОВА

РАДОСТЬ С СОБОЙ БЕДУ С СОБОЙ

РОМАН

Москва · 1975

Долинова Е. А.

Д64 Радость с собой, беду с собой. Роман. М., «Современник», 1975.

287 с.

Уральская писательница Евгения Долинова в своем творчестве обращается к теме рабочего класса. Этот роман — «Радость с собой, беду с собой» — о строителях-железнодорожниках, оставляющих добрый след на земле. Каждый раз у них все начинается с «колышка», с первой палатки, с первого ломтя теплого хлеба, испеченного в сооруженной ими «своей» пекаренке.

Они бескорыстно, добровольно выбрали эту неоседлую, неуютную жизнь, чтобы там, где они побывают, хорошо и уютно жилось другим людям.

Д $\frac{70302-051}{М 106 (03)-75}$ 73—75 Р2

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая

Не бывало такой суматохи на небольшой сибирской станции Айкашет. Возле состава, собранного из стареньких вагонов и теплушек, с самого раннего утра хлопочут женщины, старики, ребятишки, тащат на руках, везут на санках узлы, чемоданы, рюкзаки, пухлые тюки, перехваченные ремнями и веревками. В ведрах позвякивает посуда.

Мальчишка бежит по перрону обеими руками прижав к животу обмотанную тряпкой корзину. Из-под тряпки вдруг высунула голову кошка с рыжей отметиной на лбу, смятенно вытаращила глаза. Вот высвободила лапу, отчаянно вцепилась в край корзины. Сейчас оттолкнется и выскочит. Мальчишка догадался — не выпрастывая рук, подбородком уперся в мягкую кошачью голову, затолкнул обратно, энергично дунул под тряпку и полез со своей ношей в вагон.

Черная дворняга, привязанная к лесенке, тихонько тявкнула, вильнула хвостом, просительно поглядела на мальчишку.

— Погоди пока тут, — еле вскарабкался тот с корзиной на подножку. — А то захочешь на двор, веди тебя...

Люди грузят в теплушки немудрящую мебель — столы, шкафы, табуретки, сетки от кроватей... Долго будут потом гадать местные жители, куда приспособить головки с никелированными шишками, оставленные строителями во дворе, или на крыльце, или в сенях притихших домиков. Долго будут ахать, удивляться — как это можно сняться с места, распродать нажитое по дешевке, а то и просто раздать соседям, и ринуться невесть куда — в необжитые места, где, говорят, только тайга да топкие болота.

— Цыганы! — наблюдая за погрузкой, качала головой вокзальная уборщица. В ведре у нее стыла вода, тряпку скорежило морозом, а она все смотрела и качала головой: — Как есть цыганы!

— Сравнила ухо с брюхом, сито с корытом,—сердито откликнулся стоящий неподалеку старый железнодорожник. — «Цыганы!» После цыган чего на поляне остается? — повернулся к женщине. — А эти, — кивнул на гудящий перрон, — всего нам понастроили, уладили, а сами дальше поехали.

— Гдей-то мужики ихние делись? — ничуть не обиделась на собеседника женщина. — Все больше бабы да ребятишки грузятся.

— Головной партией на новое место уехали, — миролюбиво пояснил железнодорожник.

— Мыкаются по свету, нигде ладом не поживут, — вздохнула уборщица. — Жалко людей!

— А это с какой стороны поглядеть...— подумав, возразил старик. — Я сам езживал с таким-то «Горемом», знаю...

— С чем? — не поняла женщина.

— Да вот с таким же строительным поездом. «Горемом» эта организация именуется. «Головной восстановительный поезд», значит. Не гляди, что по буквам не сходится. Я-то знаю.

Отъезжающие заканчивали погрузку. Старики уже заняли места и, как транзитные пассажиры, поглядывали в окна.

— Колька, отвязывай Жданку! Скоро поедем! — соскочила с подножки вагона женщина в клетчатом платке и куда-то побежала.

В тамбур вышел и важно, как на крыльце собственного дома, встал мальчуган. Собака у лесенки в тревожном ожидании юлила, вертела хвостом, радостно тявкала. От дальнего вагона отозвался Абдулко, и Жданка насторожилась.

— Ладно, пойдем. Его тоже отвяжут, — успокоил ее мальчик и потянул к лесенке.

Но Жданка не умела залезать на ступеньки. Она топталась на месте, приседала, намереваясь прыгнуть, но не решалась и жалобно скулила.

В дверях показался коренастый, светловолосый парень, взялся за поручни и, высунувшись далеко вперед, внимательно оглядел перрон, потом медленно, напряженно осмотрел станционные постройки.

Колька, заинтересованный его поведением, тоже огляделся, ничего особенного не заметил и вернулся к своим заботам.

— Леха, не может ведь Жданка-то, не видишь, что ли? — обратился он к парню.

Леха рассеянно наклонился, поднял собаку, сунул ее в тамбур, втащил наверх Кольку. И тут увидел Клавдию.

Она стояла у низенького штакетника. Заметив Леху, поманила его. Парень метнулся к ней с подножки, подбежал, схватил за руку.

— Погоди, Леха... Видишь?..

Из вокзала вышли начальник отбывающего строительного поезда Ступин, главный инженер Заварухин и кадровик Хохряков. Вслед за ними выбежал начальник станции, поочередно жал им руки и что-то говорил, говорил, торопясь. Выскочил на мороз в одном кителе, и строители, быстро распрощавшись, направились к составу.

— Пойдем, Клава!

Леха и Клавдия уже подходили к вагону, когда у подножки соседнего остановился главный инженер. Из дверей выглянула женщина в зеленой шапочке, но тут же скрылась.

Заварухин в меховых сапогах и пушистой ушанке на голову выше Лехи. Лицо красивое, гладкое. Коричневые глаза смотрят остро, но не могут скрыть смущения.

Инженер в упор посмотрел на Леху. Он хотел, чтоб механик ушел, но тот и с места не сдвинулся. Широко, как на физзарядке, расставил ноги в больших валенках. Поняв, что парень не уйдет, Заварухин взглянул на Клавдию.

Столкнулись карие растерянные глаза с синими — настороженными, насмешливыми. Мужчина не выдержал, стал смотреть чуть повыше, на заиндевевшие темные волосы, на белый лоб, на длинные, надломленные в середине брови. Заволновавшись, на миг снова встретился с синими глазами, скользнул взглядом по ярким губам и уставился в подбородок — округлый, порозовевший от холода.

Подбородок дрогнул, и Заварухин поднял глаза. Откровенная усмешка на лице женщины привела в себя. рассердила.

Выдохнул и спросил строго:

— Провожаете?

— Сама еду.

— То есть как?

— А так.

Главный инженер, не сумев скрыть замешательства, снова взглянул на Леху, потом на вагонное окно. С верхней полки, удобно опершись на локти, с веселым любопытством смотрел на начальство дед Кандык.

Заварухин неожиданно распалился:

— По-моему, мы все сделали для вас. Устроили на работу, оставили квартиру...

— Можете занимать мою должность, въезжать в мою квартиру, — отрезала женщина.

Прицепили тепловоз. Торопливый перестук пробежал по составу.

— На вас не оформлено никаких документов, — напомнил Заварухин. — Вы не числитесь больше в нашем коллективе... — не сумел остановиться вовремя.

Теперь глаза Клавдии смотрели тихо, недоуменно, и Заварухин не сразу понял, о чем она говорит. Он вмиг очутился в маленькой, наспех оштукатуренной комнате с окном, завешенным байковым одеялом, с узенькой койкой, над которой прибита потрепанная, подклеенная репродукция из «Огонька» — «Княжна Тараканова». А рядом с ним — живая женщина с распущенными, закрывшими всю спину и грудь темными волосами...

— Что?.. Что?..

— Это вы у нас без году неделя. А я, можно сказать, родилась в поезде...

Заварухин крепко провел ладонью по глазам, примял крупный нос, вгляделся в смутные очертания Лехиного лица. Когда лицо проявилось, отвернулся и неожиданно взял Клавдию за руку, перебрал ее пальцы, обтянутые черной теплой перчаткой.

— Не надо, — выговорил тихо. — Не надо лезть на рожон.

— Это вы на рожон лезете, — еле слышно ответила Клавдия. — В чем моя-то вина? Вспомните...

— Не ездите, — покачал головой Заварухин и снова притронулся к ее руке. На этот раз Лехе показалось, что главный хочет отвести Клавдию от ступеньки. Парень предостерегающе кашлянул, и Заварухин опустил руку.

— Что же, она здесь останется, а котомки ее с нами поедут? — застоявшимся голосом проговорил Леха.

Заварухин, пришедший в себя, спросил быстро:

— Почему ваши вещи здесь? Где они?

И глупо огляделся. Увидел старика в окне. Горячая волна залила лицо Заварухина.

— Ей начальство ехать приказало, — глядя куда-то в сторону, сообщил Леха, и Заварухин увидел, как уже опять насмешливо блеснули глаза женщины.

— Кто же это? — спросил он.

Клавдия достала из внутреннего кармана пальто аккуратно сложенную бумажку и подала инженеру. Тот развернул и стал читать торопливо написанные строки:

«Товарищ Маклакова! Между прочим, не вижу причин, по которым вас надо оставлять в Айкашете. Что еще за новая мода?!

Врио замначальника «Горема» П. Росляков».

— Петр Росляков? — невольно воскликнул Заварухин.

— Ага, — чуть усмехнувшись, кивнул Леха.

Протяжно загудел тепловоз. Зеленая вязаная шапочка далеко высунулась из вагона.

— Валерий! Валерий! Иди!

Заварухин круто повернулся, и шапочку будто сдунуло. Ни слова больше не говоря, главный шагнул навстречу своему вагону. Леха влез на подножку и помог подняться Клавдии.

Сначала медленно, потом все быстрее поплыли знакомые строения. Товарная контора... Будка вагонников... Кубогрейка... Вот небольшой состав въехал на стрелку, с одного пути перебрался на другой, засыпанный свежей щебенкой, и застучал колесами бойко и уверенно.

Старый железнодорожник долго смотрел ему вслед.

«Вышли на вторые пути. Сами их построили, сами по ним и уехали. Вот тебе и «цыганы»!

Глава вторая

Колька сел на постели, тараща глаза.

— Спи, спи, сынок, — метнулась к нему от окна молодая женщина с растрепавшимися во время сна волосами. Она быстро взглянула на верхнюю полку, на широкую спину мужа и снова стала уговаривать шепотом: — Спи, сыночек, рано еще. Отца разбудишь.

В вагоне уже слышались разговоры, пахло вареной картошкой. Колька выспался и ложиться больше не хотел. Из-под лавки немедленно вылезла Жданка, потянулась, зевнула громко и, встав лапами на скамейку, с неистовой собачьей радостью лизнула мальчишку в румяное вспотевшее лицо.

Колька звонко рассмеялся.

Александр Прахов перевернулся на спину и широко открыл глаза.

— Ну вот... Говорила ведь тебе, — мать укрыла Кольку одеялом, Жданку ногой запихнула под скамейку.

Прахов, не разводя губ, откашлялся и, не взглянув вниз, снова заскрипел полкой, повернулся к стене.

— Да и вставать уж пора, — откликнулась с боковой скамейки полная, опрятно одетая старушка с вязаньем. Две спицы в ее руках неустанно, быстро-быстро клевали друг друга острыми носами.

— Где и поспать нашим мужикам, как не в дороге, — заговорила женщина из соседнего купе. — Приедем на новое место, так ни сна, ни передыху им не будет.

Колька тихонько приподнялся, отвернул одеяло.

— Проснулся, Коленька, кровинушка наша, — вздох-

нула женщина и многозначительно, жалостливо поглядела на Елену.

— Картошку кушать станем, — отложила вязанье старушка. — Пойдем-ка, милок, умоемся.

Надела на Кольку тапки, взяла его за руку и увела с собой.

Вагон просыпался. С верхних полок слезали заспанные мужики, весело перекликались женщины.

— Кто это уж успел картошку-матушку сготовить?

— Баба Лиза раным-рано поднялась да постаралась.

В соседнем купе сверху спрыгнул Леха, покосился на полку, где с вечера спала Клавдия. Полка была пуста. Леха огляделся, вышел в тамбур. Здесь, у дверей, и нашел он Клавдию.

— Давно встала?

— Давненько...

Парень постоял с минуту молча, смотря на маленькие, мелькающие за стеклом молодые елочки. Все как на подбор, одинакового роста, они словно взяли друг друга за мохнатые лапы, загородили путь от ветров, от вьюжных заносов. Остренькие макушки у них — как штыки у часовых.

— Ну чего ты молчишь? — наконец обиженно произнес Леха.

— А чего говорить? — быстро обернулась к нему Клавдия.

— Как чего? Я же задал тебе ночью вопрос.

— Тот вопрос отскочит тебе в нос, — невесело рассмеялась женщина, но, уловив в глазах парня неподдельную тоску, положила ему на плечо руку. — Леха ты, Леха! Сколько тебе лет?

— Опять за свое! Говорил уже. Двадцать три будет.

— Когда будет-то? — снова рассмеялась Клавдия. — Через год без недели.

— А ты чего себя старухой выставляешь?

— Да мне уже под тридцать.

— Двадцать семь тебе.

— Ох, не в том даже дело, Леха, — потерла Клавдия лоб ладонью.

— А в чем? Не надоело тебе одной жить, худую славу на себя наматывать? А я бы никому тебя в обиду не дал.

— Я и сама не дамся, — усмехнулась Клавдия, и в синих глазах ее засуетились недобрые искорки.

— Люблю я тебя... Сколько раз говорить надо.

Клавдия увидела, как совсем по-детски дрогнули полные губы механика. И неожиданно обозлилась. Сердито отвела Леху руками, придавила его плечи к холодной стенке.

— Остынь ты, детеныш!

Рывком открыла дверь, хотела уйти в вагон, но в коридоре увидела одну горемовскую «вековуху»-сплетницу, на миг отпрянула, но тут же, закусив губу, шагнула вперед.

Леха наблюдал, как Клавдия шла по коридору танцующей походкой. Вот приблизилась к той бабенке, повернулась на одной ноге и двинулась обратно, теперь в упор глядя на Леху. Повернулась и, покачивая бедрами, — опять к ней. Та неуверенно, жалко улыбнулась кому-то и, запинаясь, направилась в свой вагон.

А Клавдия села на свободное место, увидела рядом Жданку, с силой притянула ее к себе и начала гладить кудлатую голову.

Леха тоже злился на ту завистливую сплетницу, считал, что она во всем виновата. В Айкашете Клавдия, как комендант, жила в отдельной комнатушке, а «вековуха» — в соседней четырехкоечной. Стенки в бараке тонкие, захочешь узнать секрет — приложись ухом к облупленной штукатурке и войдешь в курс дела. Наверняка подслушивала, подглядывала — за ней водилось такое. Потом присочинила с три короба, да и нашептала жене Заварухина. Та на дыбы, ультиматум мужу — или я еду с тобой в тайгу, или Маклакова. И пошло, и поехало! Аж до треста докатило. А там чего знают? Трест далеко. Порекомендовали — раз такое дело, целесообразно Клавдию Маклакову оставить на прежнем месте, на новое не брать. Будто котенок это. И, пожалуй, не поехала бы Клавдия, если бы Петр Росляков не оставил ей записку в самый последний момент перед своим отъездом с головной группой.

«Ай да Петька!» — несколько даже удивленно подумал сейчас Леха о бывшем геодезисте Петре Рослякове. Недаром у Заварухина брови вверх поползли, когда прочитал записку, — ошеломило его «распоряжение» молодого парня, неожиданно выдвинутого в руководители всего за три недели до отъезда на другую стройку.

«Ай да Ступин!» — не менее удивленно думал Леха

и о начальнике поезда: не очень-то баловал он горемовцев повышением, заместителей себе все больше со стороны брал. А тут вдруг! Уж с месяц ходит где-то в тайге начальником Петька Росляков. И Клавдия по его команде туда же едет!

Леха прошел по коридорчику и сел неподалеку от Клавдии на край скамейки.

Баба Лиза принесла огромную кастрюлю с картошкой. Горячий ароматный дух растекался по вагону, будил тех, кто еще дремал, покачиваясь на полках.

— Вставай, Саня, — негромко позвала баба Лиза, и Прахов вверху пошевелился, вытянул ноги. Жена его Елена засуетилась над корзинкой с продуктами, достала эмалированные тарелки, вилки.

— Пойду своих подымать, — сказала старушка.

Вскоре она вернулась с заспанным мальчуганом лет десяти и невысоким мужчиной в кожаной куртке на «молнии».

— Надю никак не разбудим, — раскладывая картошку по чашкам, сообщила баба Лиза. — А ты садись, садись, Василий Макарыч.

Своего зятя Василия Чуракова она не звала иначе как по имени и отчеству — из великого уважения к нему. Считала, что таких зятьев немного ходит по белу свету. Скромный, тихий, непьющий. Грубого слова от него не слыхала. И на работе лясы не точит, дело делает. Образования большого не имеет, а на должность главного механика поезда определен. Зря бы не поставили человека.

— Вот сюда, на мое место, садись, Василий Макарыч.

— А вы куда, мамаша?

— А я вот с краешку, с Колей сяду.

Никогда не забудет баба Лиза той услуги, которую оказал ей Василий Макарыч незадолго до отъезда из Айкашета. Другому бы зятю десять раз наплевать на то, что теще хлебца откусить нечем. А Василий Макарыч сам повез ее в Новосибирск, вырвали ей там худые корешки. обмеряли все и на третий приезд вставили новые зубы. И вот едет баба Лиза в тайгу с полным ртом, все еще опасается куснуть чего-нибудь твердое — не сломать бы какой зубок.

Главный механик окликнул Александра Прахова. Тот приподнялся на локте и поспешно сел.

— Сейчас спущусь, Василий Макарыч.

Кто с миской, кто с чашкой, кто с блюдечком подходили к бабе Лизе, и она, приговаривая, наделяла всех картошкой.

— Ешь, Настюра, ешь, голубка. А то похудеешь, Федор осердится.

Настя Мартынюк, толстенькая, румяная, залилась смехом.

— Ой, ну ты скажешь, баба Лиза, хоть стой хоть падай, — прижав пухлую руку к щеке, хохотала она. — Да как бы мне похудеть-то, баба Лиза, да хоть бы грамм на сто! — смешливо обвела она глазами мужчин, показывая пальцами стограммовую мерочку.

Те закрякали, заулыбались. Даже Прахов усмехнулся и обратился к главному механику:

— А что, может, стоит?

Елена живо вскочила, полезла под лавку, вытянула ведро с посудой.

— Да нет, Александр Егорыч, ни к чему. Не хлопочите, Елена Дмитриевна.

Елена застыла, не разгибаясь, ожидая команды мужа.

— Ну не надо, так не надо, — согласился Прахов, и Елена поднялась с колен. — С утра-то вроде и правда ни к чему.

Настюра с горячей картошкой пошла в свое купе, веселыми глазами вглядываясь в лица спутников, бросая на ходу: «С добрым утречком! Как спалось?»

Клавдия глядела на широкую Настину спину, на толстые, туго обтянутые чулками ноги.

«Коротышка, а мужика себе отхватила какого», — вспомнила она крупного кудреватого Федора Мартынюка. И невольно подумала о той, в зеленой шапочке... Тоже не больно удалась.

Кто-то принес банку с солеными грибами.

— Ох ты, груздочки-то какие ядрененькие! Вот это прикусочка так прикусочка! — похвалила баба Лиза и стала раскладывать всем понемножку, бросив, будто невзначай, в тарелку зятя лишний грибок.

Мужчины, завтракая, завели разговор о краях, в которые едут работать.

— Теперь ты надолго с мотовозом распрощался, Александр Егорыч, — сказал Прахову главный механик.— На трактор пересесть придется, на бульдозер, а то и на трелевщик.

Помолчал, а потом задумчиво проговорил, растягивая слова:

— Когда еще в тайге дорога-то будет, когда еще мотовоз-то загудит!

— А когда намечено, Василий Макарыч? — спросили из соседнего купе.

Главный механик, смеясь, зажмурился.

— Сперва столько болот засыпать надо, столько леса свалить!

— А мехколонна когда прибудет?—свесившись с верхней полки, поинтересовался корявенький мужичок.

— До мехколонны еще намахаешься, — ответил за Чуракова Александр Прахов. — Она тогда прибудет, когда ты ей местечко подготовишь, трассу вырубишь, лесины растащишь.

— Лес-то у нас, пожалуй, никто не валил, — засомневался мужичок.

— Ничего. Глаза страшатся, а руки делают, — закурил папиросу Прахов. — Еще ведь один такой поезд на стройке будет.

— Будет, — кивнул Чураков.— Мы вроде как десант, нас вперед, в глубь тайги забрасывают. А тот поезд в Шурде дислоцируется. От нее к нам дорогу потянет. А мы уж дальше, до самого Севера.

Главный механик полистал записную книжку и сообщил собеседникам:

— Фамилия у того начальника поезда Гурьянов.

— Ничего, — снова сказал Прахов. — Как-нибудь.

«Саня-то с Василием Макарычем оба мотовозы водили, а теперь вот Василий Макарыч уже с год как начальник над Саней», — подумала баба Лиза и подложила горячей картошки и тому и другому.

— Спасибо, мамаша, наелся.

— И я, баба Лиза, не хочу больше. Спасибо!

«Ничего, Саня, и ты достигнешь. На работу ты тоже ярый. Вот только куражливый стал не в меру. Ах ты, Саня, Саня...»

Ребятишки, наевшись, разыгрались, стали бегать по вагону. Неожиданно в круг разговаривающих вылетел Олежка Чураков и чуть не сел на колени Прахову. Тот рассмеялся, приподнял мальчишку за локти и, легонько подшлепнув, направил вдоль коридора. Олежка, хохоча, вприпрыжку откатил к своим друзьям.

Колька видел это. Задохнувшись от волнения и от мгновенной решимости, он зажмурился (будто не видит, будто совсем случайно), неловко выпрыгнул на середину купе к отцовым ногам и нарочно споткнулся о них, встал перед отцом на четвереньки и замер... И только бы шлепнуть сейчас отцу по синим заштопанным штанишкам, подтолкнуть бы, как Олежку, в коридор, — и не было бы на свете человека счастливее Кольки.

Но Прахов вытащил из-под него ногу, встал и потянулся за газетой. На полуслове замолчал Чураков, умолк верхний собеседник, стали расходиться по своим купе и остальные.

Только баба Лиза, глядя на Прахова с откровенным укором, проговорила:

— Ох, Саня... Других не бережешь, а пуще того — о себе не думаешь.

Глава третья

Второй год возят с собой эту беду горемовцы. Однажды вечером уснул Колька — был у него отец, проснулся — нет отца.

За одну ночь утратилось семейное счастье.

А счастье было. По большой любви женился Александр Прахов на Елене. Отбил ее у троих. И много лет бережно возил со стройки на стройку. Нелегко было Елене привыкать к этой неуютной жизни, тянуло в деревню к матери, в трехоконный домик с зеленым палисадником, в огород, где крутят головами желтые подсолнухи.

В деревне Елена только начала работать телятницей. Нравилось ей напрямик через луг ходить ранним утром на ферму. Там сонные телята, выпрашивая ласки и пищи, тыкались ей в ладони мокрыми носами, мычали приветливо. Бригадир хвалил Елену за старание, обещал отправить на учебу в город.

И женихи сватались неплохие — местный агроном и учитель из соседнего села.

Вдруг появился Александр Прахов, расположился со своим «табором» в восьми километрах от их Липаевки и

давай разрывать дерновые бугры, поросшие лютиками, вычерпывать ковшами экскаваторов залежалую землю и прокладывать путь от станции к торфяным выработкам. Из Липаевки тогда многие нанялись на стройку.

Елена встретилась с Александром в клубе. Строители пришли в деревню попить холодного молока и квасу, да и остались танцевать.

Первым Елену пригласил невысокий симпатичный паренек по имени Сеня. Потоптался с ней на одном месте, ничего не говорил, только изредка взглядывал на порозовевшую от смущения девушку и сам вспыхивал до ушей. Когда танец кончился, оставил ее посреди утоптанного пола, подошел к Александру, дернул его за рукав и выскочил на крыльцо.

— Ох, Санька, ну и девчонка! — ломая папиросы и спички, заговорил он. — В голубой кофточке. Слушай! — Семен схватил друга за руку. — Как бы мне познакомиться с ней, а? Может, сумеешь, приведешь ее сюда?

Оба они были уже в «поре». И тому и другому по двадцать шесть. С переездом никак не удосужились жениться, да и трудно было на них угодить. В «Гореме» кое-кто уже называл их «перестарками».

— В голубой кофточке, говоришь? — уточнил Прахов, направляясь в зал.

Старенький баян играл «Амурские волны». Он послушно врал вместе с неискушенным шестнадцатилетним баянистом: то сжевывал такт, то запускал «петуха» и с трудом выравнивал мелодию.

Александр ходил между танцующими парами, бесцеремонно всматривался в девичьи лица, искал ту, в голубой кофточке, — хотел помочь несмелому своему дружку.

«Ушла, видно, прокараулили», — решил он, не увидев Семеновой избранницы. И вдруг заметил другую, в самом углу. Она одна сидела на скамейке, в бледно-розовой кофточке, в черной юбке, собранной мелкими складками. Светлые волосы, подколотые сзади, недлинным пушистым хвостиком лежали на шее.

Александр пробрался к ней, тронул за плечо. Она быстро вскочила, подняла на него глаза. И все решилось в один миг.

— Струнки в тебе, видно, нету, — сочувствовали потом горемовцы Сене Рагожину.

— Какой струнки?

— А такой, чтоб звенела, да прямо в девичье ухо. И разница-то у вас невеликая: ты — Сеня, а он — Саня. В одной букве разминка, а вон, как все получилось.

Семен долго обижался на счастливого друга, отворачивался от него, а тот, наоборот, шутил, похлопывал по плечу:

— Ничего не знаю, Сеня, ты говорил в голубой, а моя в розовой сидела.

— Ну ошибся я, не разглядел. Мне в голубой показалась.

— Это потому, что глаза у нее голубые, — улыбался Александр и успокаивал: — Ничего, и тебе подберем подходящую.

Но Сене так и не повезло. Через год, махнув рукой, женился он на одной вдовушке, промаялся с ней месяцев восемь, да и сбежал—перевелся к мостовикам, уехал с ними куда-то. С тех пор ни на одной стройке не столкнулись дороги Александра Прахова и Семена Рагожина.

А Прахов на руках носил свою Елену. Оберегая и жалея, сумел перевести ее с работы на путях в секретари начальника. Сначала одним пальцем, а потом все бойчее и бойчее перепечатывала Елена приказы, запросы, жалобы то в трест, а то и прямым ходом в главк. Постепенно сошел с лица темный загар, крепко въевшийся в кожу вместе с ветром и солнцем на путевых припеках, снова мягкими и нежными стали руки. Александр побывал на курсах шоферов, получил права и стал работать на самосвале. Проезжает, бывало, мимо конторы, где сидит за машинкой Елена, посигналит, а она в форточку помашет белой рукой— и самосвал становится самолетом.

Родилась дочка Нюрочка. С рук не спускал ее отец. Многие поездовские женщины затаенно, а то и откровенно вздыхали, завидуя Елениному счастью. И неплохие у них мужья, а только не чета они Прахову с его отчаянной любовью к жене и дочке. Куда бы ни поехал, привозил Елене то сапожки на меху, то шаль пуховую, то отрез на платье. Даже белье сам ей покупал — красивое, с кружавчиками.

Росла дочка. Александр Егорыч уже водителем мотовоза стал, а умненькая, смышленая Елена на счетовода выучилась. Вот Нюрочке десять лет исполнилось, на пяти стройках она побывала, во многих школах поучилась. Рослая в отца, светловолосая в мать.

— Сыночка теперь тебе надо, Александр, — заводили разговор путейцы, когда Прахов привозил им на мотовозе рельсы, костыли, накладки...

— Надо бы, — соглашался механик.

— Не ошибись только, — подмигивали рабочие, — чтоб уж точно парень. Слышь, Саня?

— Да уж как-нибудь, — усмехался тот.

Появился сын Колька. Не было на его тельце местечка, не обласканного обветренными губами отца. Годовалого он сажал его к себе на мотовоз, разрешал «гудеть» и держаться за руль.

Так было три с лишним года.

Однажды позвали Праховых на свадьбу. Собрались они, сделали Нюрочке наказы, а Кольку отец сам уложил спать. Поиграл с ним, пощекотал бритым подбородком и ушел с матерью, нарядной и веселой: не часто они по гостям ходили.

Вернулись взбудораженные, с затуманенными головами. Уже на пороге дома Елена сказала мужу:

— Помнишь, я в последний-то раз без тебя к матери ездила?

— Ну... Помню...

— Так знаешь ли, кого там встретила?

— Кого?

— Семена Рагожина!

Елена игриво заглянула в глаза мужу и добавила многозначительно:

— Все еще один, Сеня-то! Упустил, говорит, я свое красное солнышко.

Александр разувался у порога. Он что-то пробормотал невнятное, а Елена продолжала:

— Их мостопоезд три дня в Липаевке стоял, так он все вечера у нас просиживал.

— Кто? — спросил Прахов.

— Да Сеня же Рагожин! — втолковывала ему Елена. — К маме-то, говорю, когда без тебя ездила, там и повидалась с ним.

Александр опять ничего не сказал, только чуть наморщил лоб, стараясь, видно, понять, о чем разговор.

Елена разобрала белую постель, непослушными руками взбила подушки, вытащила шпильки из волос, заплела косу и стала ложиться. Мимоходом взглянула на мужа.

Прахов стоял у порога с ботинком в руке и смотрел на нее очень странно. Так странно, что Елене стало не по себе.

А он продолжал смотреть, морща лоб, сомкнув губы.

— Может, квасу тебе?

— Не надо, ложись, — тихо проговорил Прахов.

Елена легла, прикрылась одеялом. Слышала, как Александр снял второй ботинок, поставил у порога и пошел к столу. Потом наступила долгая тишина. Только Колька посапывал во сне да где-то далеко на улице мяукала кошка. Елена не могла больше бороться со сном, прикрыла глаза. Услышав шелест бумаги, удивилась — наряд, что ли, сел писать?

Нет, не наряд выписывал в ту ночь хмельной Александр Прахов, не заявку писал на тетрадке в клеточку. Бессознательно перелистав ее, перегнул, дойдя до чистого листа, и оглядел стол. Потом лихорадочно стал искать глазами, шарить руками на окне, под газетами. Нашел огрызок карандаша. И написал на листке, прорвав бумагу, день рождения Кольки.

Рука на миг застыла над этой записью, потом пальцы впились в огрызок и начали метать цифры.

И получилась у него такая арифметика, что Колька не его сын.

Глава четвертая

В палатке все спали, наработавшись накануне до ломоты в плечах. А Петр проснулся, потому что кто-то дернул его за волосы.

Сел, огляделся. Спят. Кто же дернул?

Провел рукой по волосам, пощупал брезентовую стенку. Ясно. Волосы примерзли к ней. С вечера было жарко, а за ночь выстыло.

Петр дохнул. Белесая струя прорезала сумерки палатки. Оглядел широкие нары. Мишка Козлов с головой укутался одеялом, сверху еще набросил полушубок. Максим Петрович и Федор Мартынюк лежали, как валуны,— скорчились, подобрали под себя ноги. Только Костя

Плетнев спал на спине во всю длину и тихонько похрапывал, подняв подбородок. Ислам вообще не просматривался.

Петр хотел слезть с нар, затопить печку, но кисти рук вдруг заныли. Колючая боль прошлась по кончикам пальцев. Он снова лег, прижал локти к груди, а ладони с распухшими пальцами поднял, надеясь, что вместе с отливающей по венам кровью уйдет и эта нестерпимая боль.

...Нелегкой оказалась дорога к месту новой стройки. Отдохнули только в трясучем вагончике, добираясь из Айкашета до небольшого уральского города Шурды. Здесь на время оставили основную часть головной группы, механизмы и отправились к далекому колышку, от которого им предстояло начинать жить и работать.

Зима, а болото как следует не затвердело. В глубоких рытвинах, под пробитым гусеницами льдом, хлюпала вода, тракторы неистово трещали, заваливались в ямы. От великой трудности иной раз над болотом повисала такая длинная «трель» Кости Плетнева, что щупленький Ислам Шарипов не выдерживал и грозил трактористу кулаком:

— Ай, сатана, думал, ругань помогай тебе?

Ругань не помогала. Требовались руки. Шестеро усталых людей то и дело расходились от тракторов в разные стороны, искали какой-нибудь тверди, срубали чахлые карликовые сосенки, забивали их под гусеницы осевшей машины. И упорно шли дальше. Скоро в этих диких болотистых местах они будут строить железную дорогу. Придет время, и вокруг новой дороги, как грибы, начнут расти большие и малые предприятия. Лесники, нефтяники, газовщики, химики станут выпрашивать для себя тупички, а то и подъездные пути... Обработают дорожку как миленькую, оттянут от нее веточки!

В Шурде Петр прослушал лекцию об этих краях. Невозможно перечесть, сколько разного богатства собралось тут и над землей, и под землей. Легче, наверно, сказать, чего не имеется, но и это еще неизвестно — геологи докопаются до истины. А вышки нефтяников, полыхающие огни газовщиков Петр уже видел своими глазами. О древесине и говорить нечего: куда ни глянь — все она! Позарез нужна тут железная дорога.

Петр несколько раз энергично тряхнул кистями, достал из-под изголовья телогрейку, надел ее и осторожно спустился вниз на мягкий, густо устланный сосновыми

ветками пол брезентового жилья. При сероватом свете, проникающем через маленькое окошко, отыскал упругие свертки бересты, сел на пол, приготовился топить печку.

Печку еще в Шурде сделал Федор Мартынюк — из железной бочки, в которой раньше держали солярку. Приварил ножки из тонких труб, прорезал отверстие, прикрепил жестяную дверцу, и печку сразу прозвали «поросей».

Петр открыл дверцу, заложил дрова и поджег свиток бересты. Алые языки накинулись на полешки, забушевали в маленькой печке. Вот «порося» тепло дохнула на Петра, бока ее начали розоветь... Вот покраснели... Все шире становилось горячее кольцо вокруг нее, все острее аромат разомлевшей возле огня хвои...

На нарах шевельнулись и медленно, блаженно раздались в длину два «валуна». Не просыпаясь, перевернулся на бок Костя Плетнев. Из-под одеяла послышался сладкий зевок Ислама Шарипова. Лишь Михаил Козлов лежал как мертвый.

«Сейчас, сейчас я припеку тебя! — вглядываясь в бойкие языки пламени и набираясь от них яростной удали, ликовал у печи Петр. — Ты у меня вскочишь, товарищ старший прораб!»

В огненный зев «пороси» подложил еще три полешка и, расстегнув телогрейку, вышел из палатки на улицу.

Тайга стояла тихая и холодная. Низкое солнце с трудом пробивалось через ее глухие чащобы, выискивало просветы и золотило чешуйчатые стволы. Ели, сосны, березы тесно сплотились вокруг небольшой площадки. На ней, разметавшись ветвями, лежали поверженные деревья. Лежали беспорядочно, крест-накрест, со вздыбленными комлями. И лишь одна береза — прямая, белоствольная, — падая, вцепилась голыми ветвями в зеленые космы кедра да так и стояла, припав к нему.

Смущенно оглядев вчерашнее поле боя, Петр вспомнил, как смешно топтался плотник Максим Петрович возле каждого дерева, не зная, с какой стороны лучше приладиться, где сделать подпил. Пока он топтался, остальные отрубали на сваленных деревьях сучья, заготавливали дрова, достраивали нары в палатке. Но лишь пила Максима Петровича со звонкой трели переходила на глуховатую и вроде начинала давиться чем-то — бросали топоры и, не попадая в свои же следы-ямины, как медведи, заваливались в тайгу.

Максим Петрович последним оставлял позицию. Когда в месте среза образовывалась щель и становилась все шире — будто дерево зевало, откидываясь назад,— он бросал пилу и, путаясь в сучьях, неловко перелезал через стволы и бежал в сторону.

Петр снова взглянул на кедр, принявший на свое плечо надрубленную березу. Почему-то представилось — окончена работа, построена дорога... Они уже на новых местах, а люди, оставшиеся обживать эту тайгу, рассказывают прибывающим, как во время самой первой рубки упала на грудь кедра подпиленная береза и всю ночь держал он ее, умирающую, чтоб не было ей страшно и одиноко. И за эту доброту его оставили жить.

Сзади что-то прошуршало. Петр быстро оглянулся.

Между стволами поваленных деревьев спокойно разгуливали белые куропатки. Рылись мохнатыми лапками в утоптанном снегу, что-то поклевывали. То одна, то другая кокетливо склоняла набок головку и с любопытством поглядывала на Петра. И снова начинала деловито прохаживаться.

Петр ошалело глядел на них. Пересчитал. Шестнадцать штук. Как домашние куры, только петуха им не хватает!

У палатки заходила брезентовая стенка, и Петр, не раздумывая, замахал руками. Куропатки сначала сбились в кучу, уставились на человека. Потом, опомнившись, шарахнулись от него, проваливаясь в глубоком снегу, тяжело взлетали, со страху натыкались на путаный частокол подлеска.

Петр рассмеялся. Вот-вот в точности так же бегали вчера в тайгу и они, горе-лесорубы.

Из палатки вышел Ислам Шарипов. Маленький, щуплый. Рубаха болталась на нем, как на колышке. Спутанные черные волосы густой челкой опускались на лоб.

— Ай-ай-ай, холодна! — рассмеялся он. — Страствуй!

— Здравствуй! — обрадовался Петр. — Ты что это чуть не нагишом вылупился. А ну-ка марш одеваться! Тогда и выходи.

Тот появился в телогрейке и шапке-ушанке.

— Ислам! — возбужденно обратился к нему Петр. — Я сейчас угнал в тайгу шестнадцать куропаток!

— Кого погнал? — не понял Шарипов.

— Шестнадцать куропаток!

Из палатки в валенках, в ватных брюках и майке-безрукавке вылетел Михаил Козлов. Он картинно, как балерина, расставил руки с растопыренными пальцами, носком одной ноги уперся в колено другой и замер в этой нелепой комической позе.

Петр расхохотался и швырнул в него снежком.

— Слушай, старший прораб. Я сейчас угнал в тайгу шестнадцать куропаток!

— Не врио, — сказал Михаил и скрылся в палатке.

Петр быстро взглянул на Ислама. Тот улыбался. Он, может, и не слышал этого «не врио». Чертов Мишка все время при случае напоминает Петру, что он «временно исполняющий обязанности» заместителя начальника поезда. А самого Мишку, между прочим, тоже перед самой отправкой головной группы Ступин назначил старшим прорабом.

Он долго отказывался, заверял, что на путевых работах он орел, а на хозяйственной «в-ворона», но Ступин настоял, и Козлов нехотя принял дела. В те дни в новосибирской газете появилась заметка о том, что «начальник строительно-монтажного поезда Ступин, несмотря на трудность предстоящей стройки, смело выдвигает на руководящие посты молодежь».

Петр деловито осмотрел вырубку.

— Сегодня деревья валить не будем, — заявил он Исламу.

— Да-а, да-а, — закивал тот. — Вон как плохо поклал...

— А что ты хочешь, Ислам? — повернулся к нему Петр.— Дело для всех новое. Освоим со временем.

— Да-а, канешна, — охотно согласился Ислам.

— А сегодня растащим эту мешанину, распилим, уложим поленницы, подровняем тракторами площадку...

Ислам кивал.

— А если наши из Шурды приедут — ночью щиты разгружать будем, — все более входил в роль руководителя Петр. — А завтра, может, первый домик начнем ставить...

Ислам повертел головой, хотел, видно, посмотреть, на каком месте они будут ставить домик. Перед ним высилась неприступная, глухая стена тайги.

— Ну, может, послезавтра, — чуть умерил пыл Росляков.

— Как бы наши мужики, бабы болото не застрял, — озабоченно проговорил Ислам.

Петр, остановленный на скаку, задумался, но ненадолго.

— Слушай, — схватил он Шарипова за рукав телогрейки, — я сделаю так. Проснется Федор Мартынюк,— чуть приглушив голос, он посмотрел на палатку,—поест, и я пошлю его дежурить на болото. С трактором, конечно.

— Та-ак, — одобрительно кивнул Ислам.

Петр длинно выдохнул. Все! Решение принято. Так и нужно поступить. А то как-то получается, что Петр вроде и не заместитель начальника, многое делается помимо него. А теперь — все! Так и будет сделано, как решено.

— Ислам! — Петр глядел на Шарипова все еще возбужденными, но уже веселыми глазами. — А я ведь и в самом деле угнал в тайгу шестнадцать куропаток! Вот следы, видишь?

— Уй-юй! — сказал Ислам.

— Я боялся, что ты выйдешь и начнешь в них пулять, — не удержался Петр от признания.

— Зачем? — удивился Ислам. — Кормить кого?

В самом деле, большая семья Ислама, ради которой он поневоле стал охотником и рыболовом, была далеко отсюда, на небольшой сибирской станции Айкашет. Когда она еще прибудет в Шурду, а потом переберется сюда, в глухие, холодные леса Зауралья.

— Пока так... — Ислам улыбнулся. — Просто тайга глядеть буду.

Глава пятая

Ислам Шарипов появился в строительно-монтажном поезде шесть лет назад.

— Пряма из тюрма к вам, — сообщил он начальнику отдела кадров Хохрякову и вдруг решительно задрал рубаху и показал живот. На нем, валившемся, обтянутом серой пупыристой кожей, была выколота синим какая-то надпись. Не уместившись на животе, она завернулась на бока.

Хохряков надел очки, привстал, вытянув шею, и прочитал: «Всю жизнь на тибя работаю».

Трудно было чем-то удивить горемовского кадровика: кто только ни приходил к нему наниматься. Но этот бритый парень, с его ввалившимся животом, на который он «всю жизнь работает» и который предъявил в отделе кадров вместо трудовой книжки, пронял Хохрякова. Он отвалился на спинку стула и затрясся в мелком смехе.

Ислам одернул рубаху и тоже улыбнулся. Присел на краешек стула захыкал, совсем было захохотал, но вдруг наложил на лицо плоскую темную ладонь. Сквозь пальцы потекли слезы.

— Ты чего? — перестав смеяться, спросил Хохряков.

— Обидна! — растирая слезы по остроскулому лицу, всхлипнул Ислам.

— Чего тебе обидно?

— Пришел из тюрма обратно, а начальник сказал: не нада нам такой хулиган...

— За что же тебя посадили?

— Морда давал.

— Кому?

— Ему...

— Кому — ему?..

— Д-а-а, — легонько отмахнулся Ислам, — начальник мой...

— Вот этому самому, к которому обратно просился? — с интересом уточнил Хохряков.

Ислам кивнул.

Дверь приоткрылась, в нее просунулась голова.

— Можно зайтить, товарищ начальник?

— Погодите там, — махнул рукой Хохряков. — Так за что ж ты его? — снова обратился к Исламу.

Тот сердито раздул ноздри.

— Твоя какой дело? Нада было — морда давал, тюрма сидел.

— Так. Сколько же тебе присудили?

— Шесть месяц...

— Та-а-к, — протянул Хохряков. — Отсидел, значит, полгода и вернулся?

— Неделя отсидел.

— Как неделю? — удивился кадровик. — Ну, братцы! Когда ж ты брюхо-то наколоть успел?

— Там один... порошок давал, колол мине...

— А как же ты раньше времени освободился?

— Тюрма горел...

— И ты сбежал?

— Ни-и, — укоризненно взглянул на него Ислам. — Зачем? Спасал всех... Будил, таскал... — махнул он рукой.

Достал из кармана потрепаный кожаный кошелек, порылся в нем и подал Хохрякову документ, из которого становилось ясным, что осужденный Шарипов освобожден досрочно, за доблестное поведение во время пожара ему объявлена благодарность.

Хохряков облегченно вздохнул.

— А когда к старому начальнику пришел, показал ему это? — потряс он бумажкой перед носом Шарипова.

Ислам вдруг рассердился:

— Когда показал, кому показал? Сразу кричал: «Уходи, не нада нам такой хулиган!»

— И ты ушел?

Ислам не стал отвечать, отвернулся.

— Ну ладно, ладно, — успокоил его Хохряков, — давай свою трудовую книжку.

И опять удивил этот бритый парень старого кадровика. До того удивил и обрадовал, что сердце у него зашлось. Не так уж часто приходилось ему держать в руках такие книжки.

Новенькая, хрустящая, она была бережно обернута в белую бумагу. Но дело не в этом.

— Так ты восемь лет в одной дистанции пути проработал, у того начальника? — воскликнул Хохряков — до того поразила его одна-единственная запись в трудовой книжке пришедшего из тюрьмы человека. Он даже вскочил со стула и зашагал по кабинету.

— Да, — кивнул Ислам. — Вот и обидна...

— Ну ничего, ничего, — разглядывая книжку, подбодрил его Хохряков. — Так ты печник?!

Ну, братцы! Никто не нужен ему сейчас так, как печники. Достраивается поселок, завезен кирпич, а печки класть некому.

Хохряков — ему уже было ясно, конечно, он примет Ислама — перевернул страницу и... сел на первый попавшийся стул. На листках, где указывались награды и поощрения, не было пустого места. Благодарности, благодарности, благодарности... Почетные грамоты. Значок

«Отличный путеец», именные часы от министра путей сообщения и снова благодарности.

Хохряков не нашелся даже чего сказать, лишь искоса взглянул на худую руку парня, как палка торчащую из рукава.

— А часы-то у тебя где, именные?

Ислам смутился, махнул рукой.

— Э-э, пустяка... Зачем тебе?

Кадровик на минуту засомневался. Уж больно все необычно, и книжечка такая образцовая... Но только на минуту. Научился Хохряков за долгие годы разгадывать людей.

Очень скоро Ислам сидел за его столом и писал заявление, а Хохряков заглядывал через плечо и ворчал:

— Чего пишешь-то? Чего пишешь? «Саявленя»! Писать толком не умеешь и говоришь по-русски плохо.

Ислам обернулся к нему, неловко, высоко держа ручку над столом:

— Чего плохо? Чего тебе плохо? Понимал меня? Хорошо говорю!

— Вот сейчас хорошо сказал,— согласился Хохряков.— Ну, пиши, пиши...

С грехом пополам написали заявление.

— Родители есть?

— Ни-и, давно сирот...

— Жена есть?

— Ни-и... Девка есть! — оживился Ислам. Улыбнулся, развел руками: — Хороший девка, бальшой... — и спросил быстро: — Взять? Не взять?

— Ну, возьми женись, если хорошая девушка. Скоро на новое место поедем, вдвоем-то вам веселее будет.

— Канешна! — обрадовался Ислам. — Двоем веселее!

— Ну, — поднял вверх палец Хохряков,— теперь слушай...

Сегодня он явно отступил от своих правил. Только тогда, когда все документы Ислама были оформлены, он стал рассказывать, что у них за организация.

— Живем на перекладных. Через месяц-другой начнем сматывать удочки и отсюда. Двинем неведомо куда. Может, это будет восток, может, запад. Может, тайга, может, пески.

Ислам кивал.

— Всяко приходится, живем на чемоданах. Иной раз за год по два переезда.

Ислам кивал.

— Но зато, милый человек, после нас добрый след на земле остается, — все больше увлекался Хохряков. — С самой войны...

Не удержался, достал со шкафа и развернул перед Исламом незаконченную самодельную карту «Боевой и трудовой путь».

— Смотри...

И бережно повел пальцем по ломаной линии — сначала алой, потом зеленой.

— Я уж не буду рассказывать про военные годы. Они тут красным обозначены, — волнуясь, начал он. — А зеленая линия — это путь «Горема» в мирном строительстве. Так уж хоть про это немного...

И стал перечислять: вот тут, на Урале, построены подъездные пути к большому заводу... В этом пункте горемовцы развитие сортировочной станции произвели.. Тут вот вторые пути уложили... Здесь помогали в электрификации дороги...

Дверь приоткрылась, показалась чья-то голова с синяком под глазом.

— Подождите там! — прикрикнул Хохряков и закруглил неохотно: — Все тебе понятно про нашу организацию?

Ислам кивнул:

— Хороший организация. Куда он, туда и я.

Через несколько дней Ислам Шарипов появился в кабинете вместе с невестой Галией, девушкой выше его на полголовы.

— Во-от! — широко улыбнулся Ислам. — Я — кирпич класть, баба — раствор болтать, — сразу определял он на работу свою молодуху.

Хохряков с удовольствием посмотрел на большие крепкие руки девахи.

— Добро, добро, Ислам! Оформим.

— Там, крыльса, еще есть, — щедро повел рукой к дверям Шарипов.

— Что, еще навербовал? — обрадовался Хохряков. — Молодец! Веди их отсюда.

— Ни-и... Сам туда иди! Катомка там, чумадан, старуха...

— Какая старуха?

— Иди, иди, гляди! — ликовал Шарипов.

Хохряков вышел на крыльцо. Оно все было завалено мешками, чемоданами. На одном из них сидела сгорбленная древняя старуха со строгим горбоносым лицом, с глубоко провалившимися глазами. Низко над ними — черный платок.

— Вон там еще бегай, — указал Ислам, на поляну и закричал, загребая к себе руками: — Киль! Киль! Айда!

К крыльцу вприпрыжку подбежали трое ребят — девчушка и двое мальчишек. Ислам одернул у одного пиджачок, девчушке вытер нос рукавом своей рубахи. И заговорил с ними по-татарски.

Хохряков стоял как истукан, а когда пришел в себя, спросил совсем ненужное:

— А она... говорит по-русски?— и указал пальцем на старуху.

— Ни-и, — замотали головами Ислам и Галия.

— Ислам, ты обещал вдвоем,—давил он на слова. — Ведь пе-ре-дислокация же! На новые места едем!

— Да-а! — весело согласился Ислам. — Я так думал — двоем. Не знал я...

И начал представлять свою орду:

— Два брат Галия, сеструшка... И бабка ста-арый, бальной...

— Что ей, жить больше негде? — медленно разряжался кадровик.

Старуха вдруг, как ворона, быстро повернула голову, выпрямилась, как смогла, и надменно оглядела Хохрякова чуть помутневшими, но еще острыми глазами.

— Ни-и, — поспешно включился Ислам. — Сын ему есть...

— Дядька моя, — помогала Исламу подруга.

— Куриса, хозяйства... все есть,— выкладывал Ислам.

— Так почему же она с сыном не живет?

— Надоел, — объяснила Галия.

— Та-ак... Сыну, значит, матка родная надоела...

Но старуха опять так глянула на Хохрякова, что Ислам замахал руками:

— Ни-и! Ему, — указал на старуху, — сына жить надоел. С нами новая места ехать хочет...

— Ну, братцы! — только и смог вымолвить Хохряков.

Не захотелось ему «отчитывать» этого счастливого человека, прожившего в сиротстве и вдруг обретшего семью, да еще сразу такую большую. Он лишь сказал уныло:

— А ты говорил, она не понимает по-русски...

— Ни-и! — воскликнул Ислам. — Говорить не умей, а понимать — все понимай!

И он с гордостью посмотрел на нахохлившуюся старуху.

Спустя неделю, когда Ислам с Галией уже вовсю клали печи, удивляя всех мастерством и проворством, вкатился в кабинет Хохрякова грузный человек. Тяжело уселся возле стола.

— Слушай, — заговорил глуховато, — не нанимался ли к тебе такой худой-худой татарин. Ислам Шарипов?

Посетитель оказался начальником дистанции пути, в которой восемь лет подряд проработал Ислам. Хохряков насторожился.

— Нет, не припомню что-то, — отводя глаза к окну, забарабанил он пальцами по новенькой папке: как раз в ней и лежали Исламовы документы. Хорошо, что фамилию не успел написать.—А что? Набедокурил?

— Да так... — неохотно ответил посетитель. — Неувязка вышла. Я погорячился, Ислам обиделся. Да найти бы только... — вздохнул он.

Хохряков выразительно посмотрел на него, но промолчал.

— Понимаешь, — человек всем грузным телом повернулся к Хохрякову, стул застонал под ним. — Дистанцию к зиме готовить надо. Ислам печки клал — как песни пел. Положит кирпич — навечно... Ни дыму, ни копоти. Печных работ нет — на пути идет и там вкалывает на полную катушку. Понимаешь?

Хохряков все понимал и даже сочувствовал. И радовался, что не промахнулся. Вся Исламова «орда» была дорога сейчас его сердцу, — ладно, перетащат на новое место, не такое видывали.

— И вообще, нужен он мне, — посетитель полез в глубокий карман пальто и долго нащупывал там что-то.— Часы вот именные оставил. Передать бы надо.

У Хохрякова дрогнули руки, хотели протянуться через стол забрать часы. Еле удержал их.

— Где же искать его?.. — покряхтывая, поднялся начальник дистанции.

Хохряков тоже встал, легонько растирая грудь: там было неспокойно, мучила совесть.

— Он холостой?

Спросил и сразу понял, что сделал хитрый ход.

— Холостой, — с надеждой повернулся начальник дистанции.

— Ну вот, — облегченно выдохнул Хохряков, — а наш... вспомнил я, есть у нас Шарипов... Но у него, — Хохряков мысленно представил поляну с ребятишками, старуху на крыльце, — но у него раз, два... три... Да все шесть ртов у него! Семейный.

— Однофамилец, выходит, — грустно констатировал начальник дистанции.

— Однофамилец, — живо подтвердил Хохряков.

«А как же часы-то именные?»—уже слабенько напомнила совесть. «А часы именные Ислам у нашего начальника главка заработает», — успокоил ее Хохряков. И сам успокоился: дистанция пути на месте стоит, а «Горем» по свету ездит. Так уж лучше возить хорошего человека.

Когда за посетителем плотно захлопнулась дверь, Хохряков достал из стола новенькую папку и написал на ней нажимисто, четко: «Ислам Шарипов».

И рассмеялся.

Было это шесть лет назад.

Глава шестая

Сейчас Хохряков смотрел с верхней полки на возню Исламовых ребятишек. Четверо, мал мала меньше, они загородили весь проход, удобно устроившись на застиранном половичке. Старшенький, широконосый, похожий на отца, листал книжку, а остальные — две девчушки и годовалый карапуз — лезли к нему, разглядывали картинки, тянули книжку к себе.

Хохряков улыбнулся, вспомнив, что горемовцы считают стройки по Исламовым ребятишкам. Иной спорит, спорит о чем-нибудь, а потом на полном серьезе спросит для проверки:

— Ислам, который уж у тебя родился?

— Четыре штука...

— Во! Я и говорю, что на четвертую стройку с того года едем.

В самом деле, как только ехать—Галии родить. Или перед самой дорогой разрешится, или в пути выдаст, или по приезде на новое место подарит маленького Шарипова. И всего какую-нибудь неделю, редко две помесит раствор Исламу другая подсобная. А потом Галия приспособит в няньки сестренку свою младшую или брата и выходит на работу.

— С ума ты сошла, — закрывая бюллетень, каждый раз ворчит председатель постройкома Лазутина. — Нарушаю я с тобой всякие правила. До родов тебе полагается отпуск два месяца и после столько же. Случится с тобой что — мне отвечать придется.

— Ни-и, — заверяет Галия. — Ничего не будет.

— Все деньги все равно не заработаешь, — хмурится Лазутина.

— Ни-и! — машет руками Галия. — Зачем деньги?— и признается смущенно: — Стыдно мне. Все с брухом, все с брухом... Работать когда?

Хорошо думается под стук колес, хорошо вспоминается. Самое бы милое дело заняться сейчас дневником, записать мысли и соображения насчет передислокации. Шуточка ли, почти сто тридцать семей сорвались с места и дружно, без ругани, без шума, погрузились, разместились в вагончиках и поехали в темный лес. С ребятишками!

Вот по этому поводу был шум. Дней за десять до отъезда, когда уже головная группа находилась в тайге, из нового треста вдруг бумага — семейных не брать. Ступин возмутился:

— Придумали! Вывеску, что ли, повезем в тайгу?

И поехал в Горноуральск. Возвратился сердитый, совсем без голоса. Написал Хохрякову на бумажке: «Разрешают брать только с одним ребенком».

Ну, братцы! А их даже у главного бухгалтера четверо. У Ислама вон пятый наготове. Так что же — Ислама не брать?

Даже сейчас кадровик не может думать об этом спокойно, садится на полке, заглядывает вниз, машинально пересчитывает ребячьи головы.

— Малой где? — недосчитавшись, спрашивает Галию.

— Маруська себе таскал.

Или, скажем, Галию не брать? Да пусть она хоть каждый месяц родит, а никому не уступит Хохряков такого человека!

И так уже в Айкашете кое-кто присмотрел себе хороших горемовских мастеров. Кадровик домостроительного комбината облюбовал Максима Петровича. Еще бы! В их деле такие руки на вес золота. И плотничает, и столярит Максим Петрович. И дом срубит, и шифоньер такой смастерит, что не поймешь — самодельный или купленый...

Обхаживал его комбинатовский кадровик, уговаривал. За месяц до передислокации повел в один дом, показал квартиру, вложил в руку ключик. И пообещал место старшего мастера в одном из основных цехов комбината.

Об этом Хохряков тоже не может думать спокойно. Мнет в руках газету, складывает в четырехугольник, сует под подушку и снова ложится...

Вечерами после работы стал Максим Петрович исчезать из дома. Узнал про это Хохряков и однажды решил поглядеть, куда ходит плотник.

А Максим Петрович по тропочке, по тропочке прямиком к тому дому. Хохряков подождал, когда в окошках загорится свет, и все высмотрел. Даже обиделся за плотника. Не такую бы квартиру надо давать, если переманить вздумали. Она хоть и просторная, из двух комнат, но очень неказистая, стены кое-где до решетки облупились, на потолке пятно темное — видно, крыша худая.

А Максим Петрович встал на табуретку и скребкомскребком по тому пятну...

Расстроился Хохряков, не стал больше подглядывать. Но зато другие тот дом под контролем держали. Кто-нибудь да забежит с сообщением.

— Как игрушечка квартира-то стала. Колер красивый на стены положил Максим Петрович, три краски смешивал. А по нему, по колеру, шишечки серебряные реде-енько так разбросал. Осталось полы покрасить.

Ножом по сердцу эти вести Хохрякову, но молчал, ни о чем плотника не спрашивал, и тот пока ничего не говорил, в поезде работал как положено.

За три дня до отправки головной группы опять услышал Хохряков:

— Полы покрашены, высохли. Вещи укладывают, переезжать собираются.

И не стало это больше общим секретом. В открытую объявил Максим Петрович, что остается.

Как уговаривать человека? Никто не судил его. Квартиру дали, на работу хорошую определили, деньги пойдут

приличные. Может, кто и позавидовал семье плотника — не век же по свету мотаться. Не молоды уж.

А только в день отправки головной группы пришел Максим Петрович в контору во всем снаряжении, с рюкзаком за плечами, с чемоданчиком, в полушубке и меховой шапке.

Хохряков вскакивает на полке, прижимает ладонью широкую улыбку. Как вспомнит он про этот колер, про эти шишечки серебряные — ну, братцы, не может просто! Наводил, наводил их Максим Петрович на стенах, да и оставил — уехал в лес, к еловым да кедровым шишечкам. Вот тебе и все!

Записать бы про это в блокнот, да где там! Все трясется, дребезжит в старом двухосном вагончике.

В конце коридора хлопнула дверь. Кто-то быстро шел по проходу, задевая одеждой скамейки. Хохряков увидел, как Галия, порозовев, прикрыла платком живот, проворно соскочила со скамейки и вмиг растеребила ребячью кучку — старших подтолкнула вдоль коридора, младшего захватила под мышку и пошла в соседнее купе.

— Скажите, пожалуйста, где Хохряков?

Галия не успела ответить, кадровик сам откликнулся сверху:

— Здесь я, Зинаида Федоровна.

Он поспешно надел мягкие тапки, купленные женой специально для дороги, и стал осторожно спускаться.

«Ну, братцы!»

Лицо Заварухиной было заплакано. Под глазами вспухли голубоватые мешочки. Хохряков почему-то очень смутился. Он привык видеть жену главного инженера всегда аккуратно, красиво причесанной. А сейчас ее голова была туго стянута шелковой косынкой и от этого казалась маленькой, узкой, почти неестественной.

— Садитесь, Зинаида Федоровна. Что случилось? — неловко начал он.

Та с укором взглянула на него.

— Знаете ведь, товарищ Хохряков. Не хитрите.

Хохряков смущенно потоптался, хотел примоститься напротив Заварухиной, но здесь, высоко подняв острый подбородок, во всю длину скамейки лежала старая бабка Шарипова. Он не решился ее беспокоить и сел рядом с Зинаидой Федоровной.

Да, конечно, он знал, что случилось.

По всему составу, как перестук колес, быстро пробежала весть о том, что Клавдия Маклакова едет, а у Заварухиных новая ссора. Не спасла белая простыня, которой отгородила свое купе от людских глаз Зинаида Федоровна.

— Чем же я могу помочь? — спросил Хохряков.

— Мне непонятно, — заговорила та, досадливо поглядывая на людей, которые с интересом прислушивались к их беседе. — Мне непонятно, — повторила тихо, — разве для вас указание треста ничего не значит? Там решили как лучше, а вы по-своему сделали...

Хохряков покачал головой.

— Я все оформил, выдал Маклаковой документы, о работе для нее позаботился...

— Однако она едет в поезде.

Хохряков вздохнул, чуть поведя плечами. Он и об этом много думал на своей верхней полке.

Конечно, нехорошо все идет у Клавдии. После неудачного замужества изменился ее характер, стала дерзка, насмешлива. Иной раз ни к чему замутит мозги какому-нибудь мужику, тот начнет дома рявкать на жену, ловить Клавдию во всех проулках, а она и думать о нем забыла, другому подмигивает. До серьезного, правда, не доводит, а смуту сеет, злит женщин понапрасну.

На этот раз все по-иному вышло. Очень хорош собой Заварухин, а о Клавдии и говорить нечего. Хохряков помнит, как однажды главный инженер уставился на нее из президиума. Люди в зале уже пересмеиваться начали, а он все смотрит, никого, кроме Клавдии, не видит. С того и началось. А теперь вон как обернулось — оба виноваты, а казнить одну.

— Зачем вы так, Зинаида Федоровна? Не надо бы такто, — проговорил Хохряков. — Она, можно сказать, выросла в поезде. И отец ее с этим «Горемом» ездил, погиб на войне. И мать тоже. Скончалась четыре года назад.

Женщина молчала, растягивая тонкие кружева на платочке.

— А так Клавдия неплохая, — опустив руку на рыжую, торчащую из-под лавки голову пса Абдулки, продолжал Хохряков. — Работать умеет...

Он вдруг умолк, какое-то время сидел, напряженно глядя перед собой в коричневую полинялую стенку вагона. И неожиданно встал.

— Простите, Зинаида Федоровна, — поспешно сел обратно, — мне тут одна мысль в голову пришла.

— Какая? — Хохрякову послышалась надежда в голосе женщины.

Но не скажешь ведь ей, что пришла ему мысль назначить Клавдию командовать столовой. Бывшая заведующая в тайгу не поехала, любого на такую должность не поставишь. А Клавдия — человек свой. Грамотная, настырная. Тут и красоту со счетов сбрасывать не приходится: поедет в ОРС — чего хочешь добьется.

Ему хотелось сейчас же пойти к Ступину. Но женщина ждала ответа.

— И парторганизация поезда тоже, видимо, легко на это смотрит, — услышал он голос Заварухиной, и ее замечание неожиданно помогло Хохрякову собраться с мыслями, ответить так, как, ему казалось, следовало ответить.

— Не кажется ли вам, Зинаида Федоровна, — волнуясь начал он, — что главная вина лежит на Валерии Николаевиче? Почему же беспартийную наказывать, а коммунисту потакать? Выгонять из коллектива женщину, чтобы, значит, мужчине было спокойнее. Вот поразберитесь-ка с этим, Зинаида Федоровна. Вы ведь образованная, культурная.

Помолчал, не решаясь взглянуть на Заварухину.

— У меня всю совесть изъело из-за этой истории, — похлопал себя по груди.— Даже понять не могу, как я согласился увольнять Маклакову.— И признался почти доверительно:—Отлегло, когда узнал, что едет она в поезде!

Годовалый Шарипов, держась пухлыми ладошками за скамейку, пришлепал в свое купе и уставился черными глазами на женщину. Та быстро встала и направилась по коридору к дверям.

А Хохряков все сидел. Стук вагонной двери болью отозвался в сердце: и неправа Зинаида Федоровна, а все равно жалко — переживает человек.

Он поднялся, переобулся в валенки и, ни с кем не обмолвившись, ушел.

Вагон заговорил.

— Ай-ай-ай, что будет? — покачала головой Галия.

— А что будет? Может, все на том и закончится, — сказал пожилой мужчина, лежавший на верхней боковой полке, — Валерий Николаевич — инженер хороший, отпускать от себя такого жалко. Обойдется!

— Видать, Заварухин не больно на себя надеется, раз сам настаивал, чтоб не брать Клавдию,— поделилась своими соображениями одна из спутниц.

— Мой тоже когда-то на Клавку поглядывал,— призналась другая и вздохнула: — Жалко мне Клавку. Красивая, а в жизни как-то не везет ей.

— Да-а, не родись красивой, а родись счастливой...

— Ах, бедная Клавочка, чем она виновата, что красоту ей бог дал! — послышался сверху довольно ехидный голос. — Она ведь за мужиками не гоняется, они к ней сами льнут.

Женщины, сидевшие внизу, неодобрительно посмотрели на Наталью Носову — тридцатилетнюю, некрасивую, недобрую на язык.

— Понужать их надо, мужиков-то, — сказала одна из молодушек.

— Она и так понужает, — вступилась за Клавдию девушка с пучком светлых волос, перевязанных тесемкой.

— Ух, если бы не понужала!—послышалось сверху.— Было бы вам заботы!

Дверь вагона распахнулась, потянуло холодом. Вошел Хохряков.

— Хоть и не очень кстати я туда заявился, а дело все-таки обделал, — сказал он, потирая руки. Лицо его было оживленным. — Клавдию Маклакову назначим на новом месте заведовать столовой.

Наталья Носова приподнялась на локте. Волосы ее в мелких перманентных кудряшках растрепались, лицо опухло от долгого лежания. Не скрывая усмешки в своих небольших бесцветных глазах, она оглядела примолкших женщин.

— Ух ты, начальство теперь Клавдия у нас! — подмигнула Хохрякову.

— А что, разве плохо придумано? — Кадровик сел на краешек скамьи и начал загибать на руке пальцы: — Человек свой — раз, грамотный —два, чего захочет, того добьется — три...

— Это уж точно! — захохотала Наталья Носова. — Захочет — чужого мужика своим сделает.

— Да не хочет она совсем, — опять вступилась за Клавдию девушка.— Отвали ты от нее, Наталья!

— Да ты что, Маруська! Мы же подружки с ней. Это я насчет того: кому мужики дороги, пусть за них сами

крепче держатся. А то у Клавки уже сил не хватает отбиваться от них.

— Своего-то не бывало, так хоть про чужих поговорить, — бросила в адрес Натальи одна из женщин — молодая, полнотелая — и пошла по вагону.

— А мне и не надо! — отпарировала Носова.

— А хоть и надо, так что поделаешь? — сочувственно-ехидно вздохнула сидящая у бокового столика.

— Хватит вам, женщины, — похлопал ладонями по коленям Хохряков и взглянул на старую бабку Галии. Ему показалось, что веки ее вздрагивают, а платок вроде оттянут — ухо высвободила. Вспомнил — говорить по-русски не умеет, а понимать — все понимает. Лежит, наверное, наслаждается. Слушает, как тут косточки друг дружке перемывают.

— Покормите-ка меня, бабоньки, — обратился он к спутницам. — Я ведь холостой сейчас. Моя Мария Карповна в тайге где-то... — И весело передернул плечами.— Ух, замерзла, поди!

— Согре-е-ют, — засмеялась Наталья Носова. — Мужиков там хватает.

Глава седьмая

На таежной вырубке стояли уже две палатки и склад-времянка. Времянку пришлось мастерить по настоятельному требованию кладовщицы Марии Карповны Хохряковой. Прибыв из Шурды со второй группой строителей, она всю ночь просидела у огромного костра. Петр Росляков из-за этого не мог спать, выбегал, звал ее:

— Иди, Мария Карповна, в палатку. Ну, сама подумай, кто возьмет твое добро? Медведи и те залегли.

— Завтра же склад мне делайте, — одно твердила упрямая женщина.

Сделали ей из щитов небольшой складик. Затащила туда свое имущество и только тогда стала раздавать его строителям. Простыни и наволочки не дала: «Извозите, а постирать негде». Те, кому не хватило матрасов, настаивали:

— Дай простыню, Мария Карповна. Я пакли настелю да прикрою.

— Еще на паклю да простыню! — отмахивалась та.

Петр услышал пререкания и распорядился:

— Белье, Мария Карповна, выдайте всем.

— Еще чего? — возмутилась кладовщица, да, видно, вспомнила, что начальник теперь Петька Росляков: надулась, но выдала.

В тот вечер посветлело в палатках. Ислам никак не мог решиться лечь в белоснежную постель.

— Ай-ай-ай,—топтался он возле нар,—какой белый!

Петр легко приподнял его, уложил и сам плюхнулся рядом.

— Спасибо Петру Николаичу, — умащиваясь в чистой постели, сказал Федор Мартынюк. — Кабы он не дал указание, кукиш бы нам показала Мария Карповна.

Сказано это было с ухмылочкой. Петр чувствовал, что в последние дни тракторист не упускает случая подтрунить над ним. Нарочито подчеркнуто величает по имени-отчеству, а раза два без надобности назвал «товарищ начальник». И все из-за того, что Петр решился нарядить его с трактором на болото встречать своих.

— Я и сам собирался, — усмехнулся тогда Федор и пошел, покачивая головой: дескать, разбежался Петр Росляков, да зря, и без него всякий знает, что делать надо.

Максим Петрович не одобрял поведения Федора. Зачем насмешничать над парнем? Он ведь не заносится, наравне со всеми пластается на вырубке с утра до ночи. И решил одернуть Мартынюка.

— Вот именно, Федор, кабы не Петр Николаевич, валялся бы ты сейчас на голом матрасе. А в чистой-то постели и настроение у тебя хорошее, гляжу вон, и на шуточки потянуло.

— Я про то и говорю, что кабы не Петр Николаич...

— Спи уж, Федор, — повернулся на нарах Максим Петрович. — Чего-то ты сегодня разговорился.

Максим Петрович догадывался, что Мартынюк обижен, и без труда угадывал логику его размышлений. Федор — партийный. Раз. Со второго дня войны ездит с этим поездом — два; был простым путевым рабочим, стал шофером, трактористом, механиком — три; избирался в члены постройкома — четыре. Федору, может, и в голову не приходило рассчитывать на должность заместителя Ступина, образование-то среднее, давнее, многое подзабылось. А новым в технике Федор хоть и интересовался, но

за книжками долго не сидел, больше любил ходить с Настюрой в кино — ни одной картины не пропускали Мартынюки, если не были заняты на работе. Но когда в Айкашете на собрании объявили, что с головной группой в тайгу едет заместителем Петр Росляков, Мартынюк опешил. Максим Петрович видел, как менялось выражение на его крупном лице, как высоко поднялись брови, собрав в складки лоснящийся лоб. Федор оглядел всех в красном уголке и, видно заметив, что и остальные озадачены, откровенно громко крякнул и, махнув на президиум рукавицей, ушел.

Для всех это назначение оказалось неожиданным, но удивляться было некогда: в Айкашете начались сборы, на участках заканчивались последние работы. Ступин гонял своего молодого зама во все концы, заставлял вести телефонные переговоры с двумя трестами — у самого Ступина больное, застуженное когда-то горло совсем отказало, — в общем, началась передислокация, и тут уж не до обсуждений.

Так что с Федором все понятно. Никогда не скажет Мартынюк прямо, но про себя будет думать: неужели я, старожил поезда, недостоин? Неужели мальчишка лучше меня оказался?

А вот Ступин непонятен Максиму Петровичу. Все-таки молод и неопытен Петр. Как решился начальник послать на новое место сразу двух молодых командиров — бывшего геодезиста своим заместителем и водителя-путеукладчика Михаила Козлова старшим прорабом? Провожая головную группу, Ступин сказал Максиму Петровичу:

— Рад, что вы не ушли из поезда. Надеюсь на вас и на Мартынюка. Приглядите за молодежью.

И добавил невразумительно:

— Ладно. Потом разберемся.

«А ребята стараются изо всех сил...» — размышлял сейчас плотник.

Почему-то вспомнилось: года три-четыре назад на одной из восточных строек подобрал Петр Росляков забытую на участке взрывчатку с капсюлем, посовался с ней туда-сюда — не знает, где схоронить, везде опасно для жизни людей. Взял и уволок к себе в клетушку — дали ему отдельную комнатку в торце складского барака, чтоб мог готовиться к экзаменам в институт. Положил он взрывчатку под койку, да так и спал две недели, пока не

разыскал хозяев. Влепили тогда и взрывникам за халатность, и Петру по комсомольской линии за легкомыслие.

Горемовцы долго подшучивали над ним:

— Ну, Петя, говори спасибо, что неженатый ты, а то было бы пороху!

«Не-е-т, ничего парень... Зря уж ты... к нему... так-то Федор...» — засыпая, думал Максим Петрович.

Долго отдыхать в белых постелях не приходилось. Только заснут, только засвистят носами — в палатку вваливаются прибывшие из Шурды шоферы, приглашают разгружать привезенные щиты. Пока разгружают — забрезжит рассвет, берут люди топоры да пилы и опять за работу на целый день.

Как-то в обеденный перерыв Петр Росляков предложил Михаилу Козлову походить на лыжах по тайге.

Ушли в одиннадцать, а вернулись к ночи — долго блуждали, еле вышли к палаткам на выстрелы Ислама Шарипова. Виноватые, усталые, даже ужинать отказались, завалились спать.

Утром Петра разбудил аппетитный запах. В палатке никого не было. На «поросе» азартно булькала в банках мясная тушенка. Всмотревшись в часы на руке, Петр ахнул. Все вспомнил и шмякнул кулаком по остывшей Мишкиной подушке: «Черт, не мог разбудить!»

Спрыгнул с нар. В носках прошел по хвое к брезентовой двери, оттянул ее и осторожно выглянул наружу.

Прежде всего увидел: новый щитовой домик, собранный за два последних дня, стоял под крышей. Вчера, когда они отправлялись в тайгу, крыши не было. Высокий человек в черном полушубке и шапке-ушанке уперся ногой в пень. Перед ним на щитах сидели и курили горемовцы. Федор Мартынюк удобно устроился в кабине трактора, даже ногу на ногу положил.

— А видели бы вы, как мы пни корчевали, как крышу на домик затаскивали. Это же смех один, сплошная «Дубинушка»!

Федор говорил не сердито, добродушно, и люди посмеивались, дружелюбно поглядывая на гостя.

Тот слушал, кивал. Вот снял шапку, и Петр с удивлением увидел совершенно седые, почти белые волосы. А лицо было не старым — живым, загорелым. Всей пятерней человек энергично поворошил волосы и надел шапку.

Максим Петрович встал, тронул его за руку:

— Нет, уж вы садитесь. А то как-то неудобно получается — мы расселись, покуриваем, а вы стоите перед нами.

Гость опустился на щиты рядом с Михаилом.

Петр не знал, что ему делать. То ли притвориться больным, то ли выйти к ним как ни в чем не бывало.

— Просим пообедать с нами,— совсем близко услышал он голос Марии Карповны и отскочил в глубь палатки.

Женщина вошла, увидела его.

— Ой, Петя, и напугали же вы меня вчера. Ревела ведь я!

— Кто это? — хмуро указал Петр на двери.

— Начальник треста из Горноуральска. Весь путь от Шурды пешком прошел. Болота проверял. Ночевал в тайге.

— Давно здесь?

— Да уж часа два с нашими беседует. Все осмотрел, все выспросил.

— Почему меня не разбудили?

— Зачем тебя будить? Федор Мартынюк с Максимом Петровичем все ему рассказали. Начальник сам не велел тебя тревожить.

— Он знает, что ли, что я... ну... заместитель?

— А как же! — ответила Мария Карповна. — Сразу спросил, кто тут начальник будет.

Петр взглянул на нее так отчаянно, что Мария Карповна, все поняв, вздохнула и зашептала совсем по-матерински:

— Держи себя покрепче, Петя. Тебя назначили, ты и не сомневайся. А то так-то и примять тебя можно.

— С чего мне сомневаться? — начал было Петр, но Мария Карповна сделала рукой жест: мол, ты помолчи, послушай, чего тебе старшие скажут. Выглянула на улицу и заторопилась:

— Когда они наговорятся и придут — ты не тушуйся. Сам с начальником разговоры разговаривай. Ставь свои вопросы необходимые. — Она оглядела палатку. — Так, мол, и так, товарищ начальник, матрасов и подушек мало, простыней с наволочками не хватает. А люди все прибывают. Рукомойников нету, из банок друг дружке поливаем...

Она сдернула одну из простыней, показала Петру:

— За пять дней извозили, а постирать негде.

— Ну, да уж не с грязным бельем к нему лезть,— остановил ее Петр.— С этим как-нибудь сами разберемся.

— А тогда разбирайся пошибче, — заявила Мария Карповна. — И выйдет, что перво-наперво кубогрейку надо строить.

— Не все сразу, — отбивался Петр. — Тут вон ни крана, ни трелевщика... Тракторов всего два...

— А с этим мне что делать? — потрясла простыней Мария Карповна.

— А ты сдери их сегодня да в Шурду. Там и постираешь, — предложил Петр.

Женщина приоткрыла рот, задумалась, глядя на Петра. Крепко ухватила пальцами двойной свой подбородок, оглядела нары... И вдруг полезла на верхние, приговаривая:

— Давай тогда, Петя, сымай скорее наволоки, а я простыни стягивать стану. А то неловко при начальстве грязным бельем трясти.

Петр одним духом взлетел наверх, схватил подушку, начал развязывать на ней тесемки.

За этим занятием и застал их начальник треста, войдя со строителями в палатку. Петр сидел, свесив ноги в прохудившихся носках, подушка застыла у него на коленях. Подле Петра на четвереньках замерла Мария Карповна.

— А вот и Петр Николаич наш проснулись.

Петр метнул на Федора сверху яростный взгляд, отшвырнул подушку, соскочил с нар и плотно встал на мягкой хвое. Протянул руку:

— Здравствуйте! Мне уже сказали, что вы прибыли.

— Здравствуйте! Малыгин, — весело щурясь, отрекомендовался гость.

— А я Росляков.

— Очень хорошо.

Наступило молчание, только па «поросе» булькала тушенка. Петр склонился, заглянул в банки.

— Садитесь с нами обедать, а то скоро уж пригорать начнет.

Наверху ойкнула Мария Карповна — совсем забыла про тушенку! Женщина так и сидела там, прижав к себе кучу грязного белья — спускаться стеснялась. Не успели управиться!

— Мария Карповна, забросьте белье в машину, — отчаянно ныряя из одной холодной проруби в другую, распорядился Петр. — И возвращайтесь обедать, перед дорогой вам надо подкрепиться.

Мария Карповна подползла к краю нар и опять застыла, смущенная.

— Помогите! — небрежно бросил Петр Михаилу, стоявшему неподалеку.

Прораб шагнул к нарам и галантно подал Марии Карповне руку. Женщина судорожно вцепилась в нее и тяжело спрыгнула на пол. Мишка подчеркнуто деликатно подхватил кладовщицу и проводил к дверям.

Кто-то тихонько засмеялся, весело прищурились глаза начальника треста.

— Наш горемовский шутник, — снисходительно кивнул Петр на Михаила и, решив, что отступать нельзя, справился деловито:

— Товарищи, конечно, уже рассказали вам о наших нуждах?

— Да, мы хорошо поговорили, — раздеваясь, ответил Малыгин. — С техникой просто беда...

— Техника техникой, товарищ начальник. Вам уже, конечно, известно, в чем у нас особая нужда — я перечислять не буду. Но и быт — дело немаловажное. Вот сейчас наша кладовщица Мария Карповна поедет стирать белье в Шурду, а люди будут спать без простыней и наволочек.

— То есть как? — спросил Малыгин.

— А так, — совсем как Мария Карповна развел руками Петр. — Простыней и наволочек не хватает, матрасы тоже не всем достались — расстилают люди паклю и спят на ней.

— Почему же это? — удивился Малыгин. — Разве вы не разговаривали в Шурде насчет белья?

Петр, чтобы выиграть время, неопределенно повел плечами — ни с кем он в Шурде насчет этого не говорил всего добивалась сама Мария Карповна. А у него других дел хватало — не до наволочек.

— Как не разговаривали, разговаривали, — протянул Петр и взглянул на Мартынюка. Федор с явным интересом слушал беседу.

— Тогда в чем же загвоздка?

Петр вздохнул и сказал доверительно:

— Знаете ведь, товарищ начальник, как у нас делается: пообещают — не дадут... пообещают — недодадут...

— Где старший прораб? — вытаскивая блокнот из кармана, спросил Малыгин.

Михаил шагнул из угла на середину палатки.

— Как же так, товарищ... товарищ...

— К-козлов, — подсказал Мишка.

— Почему же вы на месте, в Шурде, не решили этот вопрос?

«Вон, оказывается, кто должен грязным бельем заниматься», — отметил для себя Петр и с любопытством поглядел на Михаила: как тот будет выкручиваться.

— Я с ними договорился, они п-пообещали, а кладовщику выдали наполовину меньше.

«Здорово я в самую точку попал!» — удивился Петр, пожалев, что отослал Марию Карповну: пусть бы послушала, как повернулось дело с бельишком.

И великодушно пошел на выручку другу, сказал лихо:

— Я думаю, мы с этим решим, товарищ начальник. Или я, или Козлов на днях побываем в Шурде...

— То есть как на днях? — нахмурился Малыгин. — А люди будут спать в грязных постелях?

— Завтра можно сгонять, — немедленно «переиграл» свое решение Петр.

— Не завтра, а сегодня, — Малыгин написал что-то в блокноте, вырвал листок и подал Козлову.— Постарайтесь вернуться быстрее.

Петру показалось, что Мишка, ликуя, подмигнул ему. Обрадовался! В кино сходит, в бане попарится, побреется.

Петр невольно провел пальцем по усикам. Совсем потеряли форму.

— Может, лучше Петру Николаевичу в Шурду съездить да попутно насчет света решить?— предложил Максим Петрович. — А то ни почитать, ни побриться.

Петр быстро взглянул на Федора Мартынюка. Тот несколько растерянно наклонился, достал из-под нар одну из коптилок и показал начальнику.

— Вот и все наше освещение. Пусть кто-нибудь съездит да уж разом и договорится обо всем.

После обеда Петр влез в кузов грузовика, уселся на доске, укрепленной на бортах. На колени положил новенькую черную папку на «молнии», купленную для документов еще в Айкашете. Папка от мороза немедленно задубела.

По колесу ловко взобралась в кузов Мария Карповна. Она наотрез отказалась ехать в кабине, и туда, смущенно качая головой, сел Малыгин.

Строители уже приступили к работе, но то и дело, будто ненароком, оборачивались к машине. Им явно по душе пришелся начальник треста. Первым в тайгу заявился, такое болото пешком прошел. И не сулит молочных рек да кисельных берегов. Не болтун вроде.

Грузовик тронулся и пошел переваливаться с боку на бок, наезжая на пеньки, доски, сучья. Марию Карповну сразу отбросило к борту, но она ловко выровнялась и цепко ухватила Петра под руку.

Глава восьмая

Уже неделю трепыхается небольшой состав из двухосных вагонов, неторопко бежит по заснеженным просторам, подолгу стоит, пропуская стремительные пассажирские поезда и длинные груженые тяжеловесы. Бывает, уснут с вечера горемовцы на какой-нибудь маленькой станции, ночью проснутся от толчка — «Ага, прицепили, поедем!» — перевернутся на другой бок и снова спать. Утром глянут в окошко — мать честная, опять «Да здравствует День железнодорожника!» Только лозунг этот, выгоревший на солнце, вылинявший от дождей, а сейчас присыпанный снегом, оказывается в другой стороне. Выходит, никуда не уехали. За ночь перетащили состав в тупик, чтоб не мешал, и оставили. Может, сутки простоит тут, в сторонке.

Да и то сказать, торопиться особенно некуда. Так уж подошло — в Айкашете все работы закончены, а на новое место сразу всем заявляться ни к чему: жилья нет, болота, слышно, не затвердели, технику перегонять трудно.

— Спите, мужики, отдыхайте,—советуют женщины.— Успеете наломать бока.

— Да у меня уж давно на них синяки, — оглаживает себя очкастый начальник производственного отдела с забавной фамилией — Бердадыш.

Женщины, посмеиваясь, смотрят на его взъерошенные волосы, на примятое во время сна лицо. Одна, чуть смущаясь, хватает край его клетчатой рубахи, заправляет под ремень.

— Вовсе уж вы у нас расхлябались, мужики. Только в огород вас, на пугало.

— Раз бока отлежал, давай сказывай нам чего-нибудь, — просит другая.

Бердадыш поправляет очки на носу, приглаживает волосы и начинает:

— У меня брат сродный в Новосибирске живет. Охотник заядлый. Вот опять собрался. Жена — ворчать: «Каждый выходной ты на охоту едешь. Я тебе на два рубля продуктов даю да три рубля на бутылку. Пять рублей получается. С охоты ты ничего не привозишь. Если бы я на эту пятерку купила двух кур, наша семья два дня была бы сыта». А брат мой сродный думает: «Милая жена, если бы ты знала, сколько я добавляю к твоей пятерке, так все бы соседи были сыты».

Хохочут люди. Откинув головы с модными прическами, смеются две девушки, «молодые специалисты» из отдела Бердадыша, а сами нет-нет да и взглядывают на белую простыню, повешенную перед последним, «заварухинским», купе. А если над перегородкой, не доходящей до верха, вдруг приподнимется рука с большими часами на широком ремне — щеки девушек розовеют.

Женщины давно уже приметили девичьи взгляды и даже немного развлекались этим в долгом пути. Они и сами посматривали на белую простыню, навостряли уши, заметив движение или услышав разговор. Сейчас там тихо, а в первые дни Зинаида Федоровна выговаривала мужу свои обиды. Как вот судить ее?

В другом вагоне Леха только что спустил с верхней полки Кольку Прахова и осторожно заглянул через низкую перегородку.

Клавдия не спала.

— Сказки твои слушала. Откуда знаешь их столько?

— Книжки такие покупаю, да и сам когда складываю.

Клавдия не ответила. Молчал и Леха, не решаясь заговорить. Да и о чем? На свою тему лучше не заводиться.

— С повышением тебя, — пробормотал он.

Клавдия быстро приподнялась, повернула к Лехе вмиг оживившееся лицо. Глаза играли, зубы блестели в улыбке.

Леха забыл, о чем спрашивал.

— Это же смех просто, правда, Леха?

— Какой смех? — бестолково повторил механик и, протянув руку, трепетно провел ладонью по темным волосам Клавдии.

Та немедленно отбросила его руку, но парень, неловко изогнувшись, отчаянно обхватил Клавдию, зажал в горячем кольце.

— Отпусти, — вырывалась она. — Дурак!

Леха разжал руки, откинулся на подушку.

— Злости в тебе сколько, Клава... — произнес еле слышно.

— Будешь злой, — ответила та сердито. — С тобой поговорить хотела, поделиться, а ты...

Леха снова свесил над ней светлый чуб.

— Не серчай... Говори, чего хотела.

Клавдия вздохнула, опять приподнялась, посмотрела на парня, и тот отвел глаза в сторону — от греха подальше.

— То совсем брать на новое место не хотели, то заведующей столовой назначают. Смешно...

Сказала тихонько, удивленно. Не только смеху, а и улыбки в голосе не было. Лехе показалась она вдруг маленькой, беззащитной. Так бы взял ее, положил рядышком на одну руку, а другой бы прикрыл ото всех. Но он и шевельнуться не смел.

— Почему смешно? Ты сможешь...

— Знаю, что смогу, — механик услышал в ее голосе прежние задиристые нотки. — Я не про это. А про то, что...

И замолчала. Леха не переспрашивал, поняв, что Клавдия и сама толком не знает, на кого хочет пожаловаться.

— Дорога у нас длинная, — осторожно начал Леха.— Взяла бы да и сходила к Хохрякову, узнала бы про все. Как, мол, с посудой дело будет, с продуктами... и прочее...

— Доставят, наверно?.. — откликнулась Клавдия.

— Что-то доставят, а что-то самой добывать придется. Мы ведь сразу котлопункт потребуем, есть запросим.

Леха говорил степенно, ласково. Клавдия слушала.

— Сходи, — все смягчал голос Леха. — Может, смету какую с Хохряковым составите...

— И правда, пойду я, Леша.

Клавдия села за перегородкой, стала прибирать растрепанные длинные волосы. Леха, чуть скосив на нее глаза, подсунул под себя руки, придавил их своим большим телом. А когда Клавдия, повязав голову пуховым платком, спустилась, — перевернулся, взбил кулаками комкастую подушку:

«А вот постараюсь, так и будешь моя!»

В одном из вагонов сидел у столика и просматривал какие-то бумаги начальник «Горема» Ступин. Он живо повернулся, услышал голос Заварухина, снял очки, легонько откашлялся.

— Доброе утро, Валерий Николаевич!

Ступин был уже немолод. Лицо худощавое, с шершавой обветренной кожей. На лбу и щеках несколько отметин — следы оспы. Поражало, что корявины оставались белыми даже тогда, когда лицо Ступина вспыхивало.

Заварухин огляделся. Его порадовало, что в купе никого не было. Люди разошлись по вагону, стесняясь, видимо, все время торчать на глазах у начальника. Главному инженеру хотелось поговорить со Ступиным с глазу на глаз.

— Очень хорошо, что вы пришли, — оживленно заговорил тот, жестами помогая своему сиплому голосу. — Я как раз собирался послать кого-нибудь за вами. Садитесь, пожалуйста!

И, не дожидаясь, пока Заварухин устроится, продолжал непривычно многословно:

— Я вот что думаю, Валерий Николаевич. Не пересесть ли мне в скорый поезд и не махнуть ли в Горноуральск? Пока вы добираетесь, я в тресте все дела утрясу. И, возможно, на стройку прибуду раньше вас. С Хохряковым я уже поговорил.

Заварухин быстро взглянул на Ступина и отвернулся к окну. Сказал суховато:

— Ну что ж... Поезжайте, конечно.

Как раз об этом и шел он поговорить с начальником. Только в Горноуральск намеревался поехать сам. Был бы Ступин потоньше, поделикатнее, предложил бы эту поездку главному инженеру. Ведь все знает, все слышит, но усиленно делает вид, что ничего не замечает. Весь поезд в курсе дела, а от него, видите ли, тонкая простынка все скрыла.

За последние дни Заварухин о многом передумал. Приходила даже мысль вернуться в сибирский трест, попросить другое назначение. Но быстро отбросил это — несерьезно. Да и манила его таежная стройка. И сейчас он просто хотел уехать вперед, сделать все, что нужно, в тресте и хоть немного отдохнуть от тягостных разговоров с женой.

«Может быть, сказать Ступину напрямик: видите, как у меня все сложилось. Не находите, что именно мне следует уехать на какое-то время?»

Но Заварухин знал: в Горноуральске у Ступина жена, дочь замужем, внук. После долгих скитаний он ехал на работу в свои края.

Подъезжали к большой станции. Ступин на ходу натянул полушубок из черной дубленки, пошел по проходу, приложив руку к горлу.

— Товарищи, — тихонько хрипел он. — Я уезжаю в Горноуральск, в трест. Валерий Николаевич остается.

Заварухин молча следовал за ним.

На соседнем пути стоял поезд «Владивосток — Москва».

— Очень мне повезло, — откровенно обрадовался Ступин.

Проводив начальника, Заварухин решил навестить Хохрякова и поднялся в узкий тамбур одного из вагонов. А с другой стороны, из противоположных дверей, прямо в руки к нему — Клавдия.

На миг они застыли, дыша друг другу в лицо. Но вот Клавдия опомнилась, обеими руками оттолкнулась от пушистого свитера, на котором знала каждую полоску, и выскочила обратно.

Валерий Николаевич постоял секунду с вытянутыми руками и, круто повернувшись, выпрыгнул на междупутье.

Так и не побывали ни тот, ни другая в этот день у Хохрякова.

А он, спустившись со своей полки, пристроился у маленького столика и на аккуратно разрезанных листочках писал объявления четким, красивым, нажимистым почерком.

«Завтра, в три часа дня, в шестом вагоне состоится общее собрание. Приглашаются все, желательно, чтоб присутствовали и дети школьного возраста.

Тема беседы: «История нашего славного коллектива». Докладывают ветераны поезда и Хохряков».

Исламовы ребятишки лезли ему под руку, заглядывали через плечо, а он все писал и удивлялся, как раньше не сообразил! Когда и проводить воспитательную работу, как не сейчас, пока все в куче. Сколько дней впустую прокрутился на полке! Ну, братцы, просто передать невозможно, как жалко потерянного времени!

Давно хотелось Хохрякову провести такую беседу, материал он собрал богатый. Особенно необходим разговор с молодыми, с теми, кто пришел в поезд позднее. Пусть знают, что попали они в коллектив, который начинал свой трудовой путь под бомбами, с самых первых дней Великой Отечественной войны. Пусть знают, с кем работают, и ценят это.

Он сам пошел по составу, расклеивая объявления и устно сообщая людям о собрании. И после его ухода в вагонах задумывались ветераны, вызывали далекие видения войны, воскрешали дела и события послевоенных дней.

К деду Кандыку Хохряков обратился особо. Старый путевой мастер с минуту стоял в растерянности, но скоро осознал всю почетность возлагаемой на него миссии.

— Недосуг мне, — бросил двум женщинам, с которыми только что резался в подкидного дурака.

И пошел в свое купе. Жену Митрофановну предупредил: «Не тревожь, мне к собранию готовиться надо». Покряхтывая, влез на вторую полку, с головой укрылся одеялом и притих...

Глава девятая

Все шире раздавался круг на таежной вырубке, все дальше отступали молчаливые сосны, ели, березы. С утра до ночи трещали трактора, выравнивая отвоеванную у тайги площадку. Кран вгрызался острыми зубьями ковша в мерзлую землю, делал неглубокий котлован, и сразу же на этом месте начинал расти щитовой домик.

Появился первый трелевщик. Строители ходили вокруг него, осматривали гусеницы, гладили лакированные

ярко-красные бока и черную, с антрацитным блеском спину. Еще не приходилось иметь дело с такой машиной.

Водитель из ремонтно-прокатной базы торопливо разъяснял горемовским механикам, чем трелевщик отличается от трактора. Водитель намеревался сегодня же отбыть из тайги домой, под Горноуральск.

Первым сел в кабину трелевщика Федор Мартынюк и двинулся по вырубке, немедленно разворотив кучу кирпича, сваленного в центре площадки.

— Ай, сатана! Зачем так?

Ислам Шарипов вылетел из домика, в котором складывал печь, и пошел на трелевщика со сжатыми кулаками. Тот попятился, с перепугу наехал на штабель новых щитов и замер в растерянности.

Костя Плетнев оживился, погасил окурок, обнажил в ухмылке широкие редкие зубы.

— А ну-ка, Федор, дай я покатаюсь!

Плотно захлопнул за собой кабину, погудел. У солидного трелевщика оказался неожиданно озорной, звонкий голос. Костя внимательно оглядел площадку, на которой задумал совершить свой триумфальный пробег. Спортполе хоть куда: где пни, где кирпичи, где бревна... И все-таки изловчился Костя и довольно ловко провел трелевщик между этими преградами. В конце вырубки развернулся, взрывая снег и землю, и прибыл обратно.

Строители хвалили его, Федор хмурился, приезжий водитель потирал руки — при таких способностях местных трактористов сегодня же можно будет отбыть домой.

Костя немного послушал дифирамбы в свой адрес и пошел к МАЗу. Надо кое-что подремонтировать, да и отправляться в рейс за щитами. Чего хотел Костя — то доказал: утер нос Мартынюку, который в последнее время ворчит не в меру, придирается то к Петру, то к Михаилу и на других фыркает.

Костя оглянулся. Федор опять уже сидел в кабине трелевщика. Плотно, по-хозяйски. Вполне можно догадаться, что Мартынюк не отступится от новой машины.

Ну и пусть. А Косте разве плохо навещать шурдинскую пельменную, пропускать там рюмочку с мороза? Беседовать с нефтяниками, с газовщиками? Дорогу на болоте они общими силами подправили, глубокие колдобины закидали сосенками, присыпали щебнем — и ничего, ездить можно.

Костя еще раз оглянулся на алого красавца, которого уже более ловко разворачивал Мартынюк, и поставил точку: МАЗ лучше, на трелевщике далеко не уедешь.

На лесной вырубке тоже стало веселее. В палатках теперь было светло, работала привезенная Петром маленькая передвижная электростанция — «жэска», так называли ее строители. Женщины из головной группы, перебравшись в тайгу, навели свои порядки. Завесили верхние нары цветастыми пологами, заставили мужчин сделать в палатке деревянный тамбур — стало уютнее, теплее. Узнали, что в трех километрах от вырубки есть небольшая речка, и отказались пить талый снег. Пришлось пробивать зимник и возить из речки воду в бочке. Потребовали баню. Петр с Костей Плетневым трое суток волокли трактором из Шурды вагончик с котлом, установили его на высоких бревнах, дооборудовали, затопили — и побежали женщины в дымную баньку, отмыли, выскребли скамейки и вволю напарились. А потом мужчины потянулись в горячий вагончик. Выходили из него веселые, отдохнувшие.

Праздник в тот вечер был в маленьком палаточном поселке. Озорные шутки до поздней ночи летали с верхних нар на нижние и обратно с острой добавочкой — мужчины не оставались в долгу. Даже песни попели в тот легкий вечер, уснули после часу ночи. А в четыре утра прибыли из Шурды машины со щитами. В разогретые постели завалились вздремнуть усталые шоферы.

На вырубке, кроме палаток, стояло уже несколько четырехквартирных домиков и барак. Максим Петрович с бригадой вставлял рамы, навешивал двери. Ислам Шарипов с подручными торопился, клал печи. А вокруг со скрипом и скрежетом падали деревья, тяжело уступали клочки промерзлой земли под людское жилье.

В один из таких дней на стройку неожиданно приехал Ступин. Вылез из вездехода, огляделся. И со всех сторон вырубки к нему пошли люди с покрасневшими от недосыпания глазами, с натруженными руками, но с ясными улыбками на лицах. В этот миг никто из них не вспомнил, что Ступин далеко не из тех, к кому можно в любой момент подойти с открытой душой и поделиться. Обычно в часы приема люди заходили к нему в кабинет робко и выходили через одну-две минуты, смущенные быстротой его решения, даже если оно было в их пользу: все каза-

лось, что не успели они рассказать начальнику главную суть своей беды. И вместо радости от помощи на душе оставалось чувство неловкости, будто получили эту помощь незаконно.

Сейчас они шли к нему, как к самому близкому человеку. Дикая морозная даль, трудности, с которыми здесь встретились, преодоление их в нелегкой борьбе — все это было как пропуск для единения с ним. С этим человеком, кроме того, прибыла самая первая весточка от своих — сейчас узнают, где они там едут, когда будут, как там жены, ребятишки... Может, и письма привез...

Ступин мгновенно ощутил всю непривычность такого общения со своими подчиненными и какое-то время стоял ошеломленный мыслью, что не сможет сообщить никаких особых подробностей — ему и в голову не пришло кое-что разузнать в поезде перед отъездом в Горноуральский трест. Он только мог сказать, что все, кажется, здоровы... поезд подолгу стоит на станциях.. продвигается медленно... Да, мог бы сообщить, что Клавдия Маклакова все-таки едет, но заводить разговор об этом не хотелось.

— Баба моя еще не родил? — терпеливо дождавшись своей очереди, спросил Ислам Шарипов и осклабился так широко, что глаза превратились в щелки.

— Нет... Кажется, нет... — «Уж об этом-то, наверно, было бы всем известно»,— пронеслось в голове Ступина.— При мне, во всяком случае, нет, — уже более жестко сказал он и почувствовал: снова выросла стена между ним и этими людьми. Увидел, как на их лицах сквозь гаснущие улыбки уже проступали усталость, отчужденность, разочарование.

И не остался равнодушным — усилием воли стряхнул неожиданную растерянность, непривычное смущение и прикрылся верным панцирем — деловитостью, интуитивно сознавая, что именно за это качество люди ценят его и, возможно, прощают многое.

— Пройдемте по стройке, товарищи.

— Может, перекусите с дороги? — неуверенно предложила Мария Карповна.

— Нет, нет, сначала по стройке.

Ночевать он не остался, уехал после обеда. Сообщил, что по договоренности с трестом берет небольшой отпуск без содержания — хочет побыть с семьей, пока в тайге не начались основные работы.

Максим Петрович, который сопровождал его во время осмотра строительной площадки, с чувством недоумения вспоминал потом об этом визите...

Обойдя небольшую вырубку, они вошли в палатку и сели возле горячей печки, на которой Мария Карповна оставила им обед.

— Рослякова вы, наверно, дорогой встретили, — угощая начальника, не выдержал Максим Петрович. Его удивляло, что до сих пор Ступин сам не упомянул об этом — ведь разминуться на болоте с Петром им было негде.

Ступин, начав есть, кивнул и, взглянув на Максима Петровича, проговорил несколько торжественно:

— Поздравляю вас с повышением.

Старый плотник смутился, не поняв, ирония или одобрение прозвучали в словах начальника.

— Росляков поставил меня бригадиром, — сказал негромко. — Не знаю, как посмотрите.

Ступин опять кивнул.

— Я не возражаю.

Наступило неловкое молчание. Максим Петрович, оставив еду, стал без нужды запихивать полешки в раскаленную печку, а Ступин — собирать на столе крошки и скатывать в шарик.

— Ну и как он тут?..

Максим Петрович ответил не сразу. Не торопясь, закрыл горячую дверцу, замел голиком мусор, ополоснул под рукомойником руки и только тогда плотно опустился на широкий пень, специально оставленный в палатке для сидения.

— Работает, — проговорил с нажимом и подправил пальцами взлохмаченные длинные брови. — Разве в тайге такой пейзаж был, когда мы прибыли сюда? — указал в окно на строящийся поселок.

Ступин кивнул.

— Уж который раз в Шурду мотается, — несколько даже сердито продолжал Максим Петрович. — Что-нибудь да раздобудет для людей... Пилу вон в Шурдинском леспромхозе выпросил...

Ступин, вздохнув, поднялся.

— Трудно, трудно... Знаю. Молодой, неопытный... Вот уж съедемся все вместе, тогда... тогда и видно будет...

Плотник с нетерпением ждал возвращения Петра.

Очень интересно ему было узнать, какой разговор состоялся у них при встречах на болоте, — по его расчетам, на обратном пути они должны были снова столкнуться, другой же дороги нет.

Росляков вернулся и сообщил: в первую встречу Ступин ни о чем не расспрашивал, держался за укутанное шарфом горло. Петр сам рассказал ему обо всем. А на обратном пути Ступин спал в кабине, не проснулся даже тогда, когда его шофер забрякал ведром, делясь бензином с водителем встречного грузовика.

— Ну и как ему наш «город»? — тихонько пытал поздним вечером Максима Петровича Росляков. — Ну что хоть он говорил? А «жэску» показали ему? А баню?

— Все показали...

— Ну и что он?

— Не ожидал, говорит, что столько сделано в короткий срок. Не снижайте, говорит, темпов, скоро наши приедут.

Тут старик не погрешил против истины — Ступин действительно сказал так, обходя вырубку.

Петр удовлетворенно вздохнул. На другой день он решительно заявил строителям:

— Домики штукатурить не будем.

— То есть как не будем? — опешил Максим Петрович, а Федор Мартынюк ехидно заметил:

— Ну, дела! Как сажа бела.

Михаил Козлов тоже посмотрел на Петра озадаченно. А тот порозовел, но стоял на своем. Разъяснил: штукатурные работы отвлекут силы от строительства домиков. А семьи все равно какое-то время будут жить в Шурде — принять их сюда нельзя, жилья недостаточно. Скорее всего, они приедут в тайгу в середине марта.

— А в марте здесь наступит весна, — съязвил Федор.

— Весна в марте не наступит,— отпарировал Петр,— но через полмесяца после их приезда наступит апрель. Живем же мы в палатках.

— Живем, как не живем. Волосы по утрам от подушки отдираем. А там с ребятишками приедут.

— Ребятишек можно укладывать поближе к печкам, — поддержал Петра старший прораб.

Мартынюк только языком цокал:

— Что же ты Ступину вчера на болоте такую глупость не ляпнул?

— Во-первых, он спал,—невозмутимо ответил Петр.— Во-вторых, я это сегодня ночью придумал.

Федор плюнул под ноги и пошел, но Максим Петрович остановил его:

— Погоди, надо все-таки решить — штукатурить или нет.

— Я рабочий класс. Тут вон начальство есть, пусть оно и решает, — насмешливо кивнул Мартынюк на Петра и Михаила.

Глава десятая

Городок Шурда оживился с прибытием небольшого поезда. Вот уже неделю стоит состав в тупике, и в привокзальной столовой повара не управляются с приготовлением обедов — спрос на щи и пельмени заметно увеличился.

Местные жители с интересом приглядывались к приехавшим. Порой заговаривали, расспрашивали — откуда, куда. Те охотно рассказывали — прибыли строить дорогу в тайге. Пока жилье не готово, здесь, в Шурде, поживут в вагонах.

— А ребята как?

— Которым учиться, в ваш интернат пристроили, которые помладше — с нами в тайгу поедут.

— Так ведь болота там, сказывают...

— Ага, болота. Их засыпать надо и дорогу по ним укладывать.

Какая-то шурдинская бабка усомнилась:

— Да как их засыпешь, экую прорву! Я вон лонись на ближнее по клюкву пошла, ведро-то поставила, а сама с кочки на кочку перелезала. Набрала, это, клюквы, вернулася, а ведра нету. Усосало его болото.

— Да ты заплуталась поди, не в ту сторону пошла? — посмеивались над ней.

— Пошто не в ту? В ту!

— Как же оно тебя-то не усосало?

— Ну, да я все ж таки на двух ногах!

— МАЗ вон у нефтяников на четырех колесах, да и то затянуло. Вертолетом доставали, бабушка! — сообщил один из шурдинских жителей.

— Да что ты?! Добыли?

— Добыть-то добыли, а его опять усосало.

— Батюшки!

От нечего делать горемовцы ходили по городку, рассматривали дома на улицах. Удивлялись, что стареньких, обветшалых совсем немного. В основном кряжистые, крепкие, с добротными воротами. Чувствовалось, что народ живет хозяйственный, оседлый, заработок имеет хороший.

Вот дом на четыре окна весь беленький, оштукатуренный, на высоком каменном фундаменте, под шиферной крышей. Резные наличники покрашены в оранжевый цвет.

— Кто же в этом доме живет? — поинтересовалась Клавдия и прочитала на табличке, прибитой к воротам: «Пролетарская, 16, Глазырин М. К.».

Калитка вдруг приоткрылась, и на улицу выглянул лысоватый человек лет пятидесяти или чуть постарше.

— Я тут живу. А вам что от этого? Ищете, что ли, кого?

— Да нет, дяденька, не ищем, — ответила Носова. — Дом у вас уж больно красивый. Стоим, глядим.

— Дом как дом, — посмотрел на крашеные наличники хозяин. — Пенсия у меня невелика, хоромы на нее не выстроишь.

— Да неужто вы на пенсии? — удивилась Наталья.

— По болезни мне пенсия положена. А вы кто такие будете?

— С поезда мы, дорогу строить приехали.

— А-а-а, — заинтересованно протянул хозяин.— Слыхал, слыхал. — И вдруг широко распахнул калитку. — А вы заходите-ка, заходите. Поглядите на мой двор.

Двор был большой. Под крытой частью в углах стояли лопаты, метлы, лари. Виднелись низкие двери в хлевушки и сараи.

— А чего нам на ваш двор глядеть? — пожал плечами Леха. — Мы в столовку опоздаем.

— Там разносолы не велики. А я грибками угощу, пельменей наварю, клюковкой попотчую...

Наталья Носова решительно шагнула к крыльцу.

— А и отведаем, раз приглашают, — сказала она.

— Прошу обратить внимание и на сенцы мои, — щелкнул хозяин выключателем. Под потолком зажглась маленькая лампочка.

Сени тоже были просторные. Вверху полки, на них старые чемоданы, корытца и еще какая-то утварь. Тесовая дверь, закрытая на висячий замок, вела, видимо, в кладовую.

Зашли в дом. Там было тепло и чисто. В подтопке большой русской печи пылали дрова.

— На печь мою запросто можно троих уложить,—продолжал хозяин.—Хоть вдоль, хоть поперек.

Клавдия, развеселившаяся от тепла и уюта, спросила:

— Зачем же троих-то, не знаю, как вас звать-величать?..

— Можно и двоих. А зовут меня Михаилом Клементьевичем Глазыриным. На воротах все обозначено.

Он похлопал ладонью по свежепокрашенным скамейкам:

— И тут запросто двое выспятся.

— Чего это вы нас по полкам-то раскладываете? — не выдержал Леха; хозяин рассмеялся, довольный: ему явно нравилось загадки загадывать.

— А ты погоди, погоди, — добродушно приговаривал он. Достал с полки большую кастрюлю, вылил в нее из чайника бурлящий кипяток, бросил щепоть соли, поставил на алое отверстие в подтопке. Снял с гвоздя сито и вышел в сени.

— Хозяйки-то нету, что ли?— звонким шепотом спросила Наталья и, отведя в сторону портьеры, заглянула в комнату.

В углу на тумбочке стоял большой приемник, прикрытый белой вышитой салфеткой. В другом углу — этажерка с книгами, рядом диван с валиками, обтянутый белым чехлом. Посредине стол. Из-под вязаной скатерти просматривалась его темная полировка. Стены оклеены обоями, по ним фотографии в рамках. Справа еще дверь — видно, в спальню.

«Хозяйки-то нету, что ли? — продолжала соображать Наталья. — Так опять вышитое все... и чисто кругом».

Глазырин внес сито, наполовину заполненное замороженными пельменями.

— Вот сейчас мы их в кипяточек, — он ловко бросил в кастрюлю горсть пельменей, потом еще, еще... Шумовкой повернул их разок и оставил.

Открыл настенный шкафчик, взял две тарелки, и опять в сени. Вернулся, неся в одной соленые крепкие груздочки, а в другой — горку заиндевевшей клюквы.

Накрыл стол. Наталья пересчитала посуду: всего по четыре, никого больше не ждет.

Снял с полки и обтер тряпкой литровую бутылку.

— Свое изготовление, уж не обессудьте.

«Какой обиходистый», — думала Наталья и терялась в догадках: есть у него жена или нет? Вроде есть и вроде нету.

— Давайте я помогу вам, — встала она со скамейки, но хозяин указал ей рукой на место.

Леха с Клавдией молча следили за ним, ни о чем больше не спрашивали. Леха здорово проголодался и решил не церемониться — не напрашивались, сам позвал.

Клавдия хитро поглядывала на Наталью, догадываясь о ее тайных мыслях. От всех скрывает Наташка, как хочется ей иметь своего мужика, злится, если говорят про это. А Клавдия-то знает...

Пельмени всплыли вверх, лениво перевертывались в ароматной пене, показывая набухшие белые бока. Хозяин половником начал выкладывать их в большую эмалированную миску. Долго гонялся за последним, самым прытким. Поставил миску на стол, а в кипящую воду запустил новую порцию.

Сел на табуретку и стал разливать по стопкам вино. Для Клавдии налил с верхом.

— Вот какого счастья я вам желаю! — поднял палец хозяин. — Чтоб жизнь у вас была полная, обеспеченная.

Наталья усмехнулась, а Леха быстро поглядел на Клавдию и на Глазырина. Вот в чем загадочка!

— Может, теперь про дело скажете? — напомнил хозяину. Но тот, похоже, потерял всякий интерес к делу.

— Дело — не волк, в лес не убежит. Мы лучше выпьем сейчас за здоровьице... как прикажете называть вас?..

— Не положено знать до поры до времени! — улыбалась Клавдия.

— А мы подождем, — многозначительно подмигнул он. — Нам не торопко. Вы теперь в наши края приехали, дорожки-то, может, и столкнутся.

— Наши края чуть не за сотню километров отсюда, за болотами, — уточнил Леха.

— Ну, и ничего. Сперва далеко, а дорогу построите — близко будет, — глядел на Клавдию Глазырин.

— Дорогу построим и уедем отсюда, — отрубил механик.

— А может, я остаться надумаю? — Клавдия явно подтрунивала и над Натальей, и над Лехой.

— Тебя не больно оставишь, ты пищишь да едешь,— услышала в ответ и резко повернулась к Носовой. Быть бы перепалке, да Глазырин вдруг настороженно шикнул на гостей.

В калитку стучали.

— Я открою, — опередила Наталья хозяина.

Дверь широко распахнулась, вошла плотная, краснощекая от мороза женщина в полушубке, покрытом синим миткалем. Быстро оглядела гостей, ничего не сказала, сняла шапку, швырнула на печь меховые рукавицы, сняла валенки — и их туда же.

— Здравствуйте, — бросила наконец. — Где красные тапки?

Хозяин живо вытащил их из-под припечка. Надела — и к рукомойнику. С мылом вымыла руки, крепко протерла полотенцем каждый палец и села на табуретку.

— Гости у нас? — внимательно всмотрелась в Клавдию.

— Это как раз с того поезда люди... — начал Глазырин.

— А-а, — хозяйка снова оглядела Леху и Клавдию острыми серыми глазами. — Ну и как? — полуобернулась к мужу. — Показал им наш двор, сенцы, амбар?..

— Показал.

— Ну и как? — теперь она обращалась к Лехе.

Тот пожал плечами, думая, куда девалась Носова. Шуба ее на гвозде висит, а самой нету.

— Двор как двор, — ухмыльнулся он.

Хозяйка уже аппетитно ела пельмени, которые положил ей на тарелку Глазырин, стопку отставила, на реплику Лехи никак не отреагировала.

— И сенцы как сенцы, — в тон Лехе вставила Клавдия. Глаза ее уже опять смеялись. — Вот только не придумаем, чего нам с этим двором и с этими сенцами делать? — развела она руками.

Леха весело рассмеялся: у Глазырина-то, оказывается, баба есть!

— Значит, ты толком не пояснил ничего? — не глядя на мужа и продолжая есть, сказала женщина.

— Не успел... Тут пельмени как раз закипели.

— Фаина где?

Хозяин кивнул на дверь, ведущую в горницу.

— Ела?

— Нет.

Опорожнив тарелку, хозяйка встала, зачерпнула из кастрюли пельменей, положила на край тарелки ломоть хлеба, вилку и подала мужу. Тот пошел с этим в комнату.

Вернулась Наталья. Лехе показалось, что она чем-то встревожена. Ничего, однако, не говоря, Носова села доедать свои пельмени.

— А со двором и сенцами вот что делать, — хозяйка взглянула на оживленное лицо гостьи и чуть смешалась — до того хороша была Клавдия, раскрасневшаяся, озорная.

Из комнаты вышел Глазырин, неся перед собой еду. Пожал плечами. Хозяйка скинула в кастрюлю часть пельменей, плеснула в оставшиеся бульону и снова отдала тарелку мужу. Глазырин направился в сени. Женщина, о чем-то подумав, ушла за ним.

— Кому это они? — удивился Леха.

Наталья вытянула над столом шею, прошептала:

— У них в огороде...

Но вошла хозяйка.

— А со двором и сенцами вот что надо делать...

И очень складно, по-деловому изложила свое предложение. Их дом, их двор строители могут использовать как перевалочную базу. Прибудут, скажем, из Горноуральска запасные части к машинам или инструменты... Где все это хранить, пока на место переправят? Шоферам переночевать надо. Где? Или кто в командировку в Горноуральск поедет — тоже тут до поезда отдохнуть может. Глазырина можно использовать как толкача. Он в Шурде всех знает. Сама она снабженец в одной организации. И от нее польза будет. Если в силах — всегда сделает.

Глазырину, конечно, нужно оклад положить и за постой и охрану горемовского имущества подбросить. Это все обсудить надо. А дом удобный, от вокзала близко.

Женщина говорила обстоятельно, гости ели пельмени, слушали ее с интересом. Глазырина все не было.

— Так это уж вам с начальством побеседовать надо,— наконец сказал Леха и сытно икнул.

Хозяйка пронзительно поглядела на него, потом на Глазырина, который вошел с пустой тарелкой.

— А вы кто же будете? — снова обратилась она к гостям.

— Я механик, — ответил Леха.

— А я путевая рабочая, — сказала Наталья.

Хозяйка презрительно глянула на мужа и резко поднялась с табуретки.

— А я была комендантом в общежитии, а сейчас меня заведующей столовой назначили.

Слова Клавдии, сказанные просто из озорства, все-таки произвели впечатление. Хозяйка посмотрела на нее внимательно.

— Вот и вы тоже. Получите продукты, куда с ними денетесь?

— И правда, куда? — смеясь глазами, оглядела всех Клавдия и в упор уставилась на хозяина. — Пустите меня с продуктами или... еще с кем переночевать в горницу, а?

— А это уж как договоритесь, — отведя глаза в сторону, кивнул тот на жену.

Леха обещал передать разговор начальству.

Как только вышли из ворот, Наталья схватила друзей под руки и зашептала:

— У них кто-то в огороде кашляет...

— А ты зачем в огород-то бегала?

Настроение у Лехи было отличное. У Глазырина-то, оказывается, баба есть! Она наломает бока, если муженек на других заглядываться станет.

Глава одиннадцатая

Заварухин по приезде в городок немедленно разыскал начальника шурдинского строительно-монтажного поезда Гурьянова, а тот познакомил его с представителем от

группы заказчика Клестовым — сердитым, просто взбешенным чем-то, маленьким человечком.

— «Горем»? — коротко спросил Заварухина Клестов и потыкал пальцем в спину человека, стоявшего в кабинете лицом к окну. — Вот! Полюбуйтесь! — заговорил тонким, почти женским голосом. — Вас уже к черту на рога забросили, а этот, — подбородком дернул в сторону молчавшего, — сел на сваю и ногами болтает. Где мост? Мост где?! — почти взвизгнул он и помахал над плечами пухлыми ладошками. — К весне крылышки прилаживать прикажете?..

Он забегал по кабинету, мелко перебирая короткими ногами. Остановился с презрительнейшей гримасой на лице и несколько раз осторожненько постукал пальцем о палец.

— Тюк, тюк... Тюк, тюк... — далеко вытянув губы, протюкал он. — Тьфу! — Забегал снова, сунув руки в карманы поношенного железнодорожного кителя. Заварухину он показался сейчас похожим на маленького Карлсона, «который живет на крыше», из знаменитой сказки шведской писательницы. Кажется, вот-вот загудит под кителем моторчик, закрутится пропеллер, и Клестов-Карлсон взовьется к потолку, сделает несколько кругов и улетит в форточку.

Начальник мостопоезда, которого отчитывал заказчик, пытался что-то говорить, но Клестов или зажимал уши, или махал руками, морщась и отворачиваясь: дескать, слышал я это, переслышал, мне мост через реку нужен, а не болтовня.

— И кранов у нас не хватает, — улучил момент мостовик.

Клестов, задохнувшись и покраснев, двинулся на него, но Гурьянов сделал шаг навстречу. Клестов, задрав голову, остановился перед этой преградой и, шумно выдохнув через нос, неожиданно подбоченился и пошел по кабинету, переваливаясь с боку на бок и приговаривая:

— Тюх... Тюх... Тюх... По чайной ложечке.. по чайной чашечке.

Он и впрямь походил сейчас на круглую чашку с ручками с обеих сторон.

— Это ты! — ткнул он пальцем в сторону Гурьянова.

Тот невольно улыбнулся, вызвав еще больший гнев заказчика.

— Так бы и проваландался до сих пор, кабы тот парнишка не подбросил тебе идею насчет ледовой дороги!

Гурьянов хотел возразить, но Клестов не дал:

— В ноябре уже лед подходящий стоял, можно было догадаться. А ты в кузовочках материал за речку перетаскивал. И меня тогда черт унес на самый край трассы!

— Так мы же рассчитывали... — начал Гурьянов.

— Парнишка за тебя рассчитал! Два месяца потеряли, да еще сколько бы на этого, — кивнул на мостовика, — пронадеялись.

— Мне сейчас в горком надо, вызывают... — послышалось от окна.

Клестов круто повернул голову к мостовику, какое-то время ехидно смотрел на него, затем указал на дверь.

— Иди, иди! Правильно вызывают! Пусть тебе всыплют по первое число, пусть спросят, почему ты краны с моста на пустячные объекты перебросил, почему у тебя заклепки «хребтят», с чего это лучшие кадры от тебя к другим хозяевам бегут... Гурьянов вон хорошо поднажился твоими кадрами.

Мостовик ушел. Как только за ним захлопнулась дверь, Клестов уселся на стул, взглянул на Заварухина.

— Десант, значит. В качестве кого?

Заварухин какое-то время молча, внимательно смотрел на Клестова, потом ответил сухо, иронично:

— В качестве главного инженера.

— Понятно, — кивнул Клестов и вздохнул: — Не одобряете моего поведения.

— Не одобряю.

Клестов задумался, положив на стол обе руки и крепко сцепив их короткими пальцами.

— Садитесь, пожалуйста, — смущенно предложил Заварухину Гурьянов и сам тоже сел.

— Мне уже за пятьдесят, — сказал Клестов и опять вздохнул. — Наверно, не научусь говорить красиво.

— Не обязательно говорить красиво.

— Вот мясо есть левой рукой тоже никак не научусь, — не обратил внимания на реплику Клестов.— Все делаю как положено. Вилку беру в левую руку, ножик в правую, — он показал, как это делает, — отрезаю от мяса кусочек, насаживаю на вилку, — выразительно ткнул пальцем в стол, — а в рот все равно ножик сую! — воскликнул с веселой отчаянностью.

Гурьянов рассмеялся, улыбнулся и Заварухин.

— Из вас вышел бы отличный мим, — сказал он.

— Я и заказчик неплохой, — уже серьезно проговорил Клестов. — Я ведь понимаю, в чем вы меня обвиняете. И не думайте, что измываюсь над интеллигентностью. И про мясо-то я ведь всерьез. Верите, — он хлопнул себя по груди, — из-за этого своего неумения второй раз отказался от заграничной путевки!

Теперь хохотали все трое. В дверь кто-то заглянул, и Гурьянов вышел к посетителю сам, не захотев, видимо, мешать начавшемуся примирению главного инженера «Горема» и заказчика.

— А теперь про этого мостовика...

Клестов поднялся, подошел к карте на стене и поманил к себе Заварухина.

— Вот здесь мы с вами находимся, — прикрыл пальцем надпись «Шурда». — Вот река, — показал на тонкую линию, отгородившую от населенных пунктов громадный, пустой, заштрихованный черточками и крапинками массив.

Быстрым жестом провел пальцем по этим диким местам снизу вверх и остановил его почти на самом краю карты, далеко на севере.

— Вот сюда должна прийти от Шурды железная дорога, — сказал он еще довольно спокойно.

Но на большее его не хватило. Полное круглое лицо начало розоветь.

— Эту дорогу будете строить вы, — направил палец на Заварухина, — и ты, — перевел его на тихо вошедшего Гурьянова. — А этот, — гневно кивнул на окно, у которого недавно стоял мостовик, — а этот тип, если после сегодняшнего горкома он еще останется на месте, не даст вам никакого ходу!

Он надел полушубок, нахлобучил на голову облезшую заячью шапку и широко «загреб» по кабинету рукой.

— Пошли!

Он повел их на берег Шурды, к строящемуся мосту. Их обгоняли груженые машины, навстречу шли порожние.

Клестов вдруг остановился перед спутниками и начал говорить очень выразительно, быстро и насмешливо:

— На реке ухали восемнадцатиметровые копры! Все глубже вбивали дизель-молоты тяжелые сваи в ледяное

тело реки! Сновали машины разных марок! Днем и ночью не угасали факелы на самом горячем, ответственном месте стройки! Все правильно! — удивленно воскликнул он, выпалив, как выяснилось позднее, цитату из очерка в городской газете. — Ведь работали люди-то, ра-бо-та-ли! Руки об железо обжигали, — потряс рукавицами, — щеки обмораживали, — похлопал по лицу, — радикулитами обзаводились, — ухватился за поясницу. — Все правильно! Как в художественной литературе!

И, быстро повернувшись, убежал вперед, забыв о собеседниках. Скоро его не стало видно за кузовами движущихся по дороге машин.

«Нажал кнопку на животе, завел пропеллер и улетел», — усмехнулся Заварухин, снова вспомнив Карлсона из шведской сказки.

Гурьянов ждал расспросов, и не ошибся. Заварухин немедленно поинтересовался:

— А что же все-таки с мостом? В проекте ошибка?

— Да нет, в проекте все верно, — отозвался Гурьянов, потянул главного инженера за рукав к обочине дороги, чтобы пропустить груженную мостовыми брусьями машину.

Он рассказал, что провал с мостом — результат неорганизованности на месте работы и очковтирательства, которым долгое время безнаказанно занимался начальник мостопоезда. На всех объединенных планерках, на совещаниях в райкоме, в горкоме он заверял, что дела идут нормально, намечал сроки, позднее ловко и убедительно разъяснял причины их невыполнения и снова указывал срок. И опять мост не был готов...

— Э-э! Все виноваты, конечно, — расстроенно вздохнул Гурьянов. — Под носом же у нас! — кивнул на реку. — Но все думали, что строить мост — дело мостопоезда.

— Вообще-то так оно и есть, — решил подбодрить Заварухин человека, который был ему чем-то симпатичен. Даже неприятное в начале знакомства ощущение от Клестова у него постепенно сглаживалось, пожалуй, не от характера заказчика, а скорее от интуитивного чувства, что к этому шумному бесцеремонному человеку Гурьянов относится с пониманием и уважением.

— Но мост-то нужен всем, — не принял защиты Гурьянов. — И вам, и нам, и газовщикам, и нефтяникам. Осторожно!

Заварухин быстро отступил назад, чтоб пропустить две дрезины, между которыми двигался сцеп из платформ, груженных рельсами. Дрезины, замедляя ход, начали спускаться к берегу, и Заварухин с Гурьяновым, ступив на шпалы, пошли теперь за ними. Заварухин проследил, как осторожно, будто нащупывая и проверяя путь, первая дрезина выкатилась на рельсы, уложенные уже на льду, и медленно потянула сцеп на противоположный берег. Вторая помогала ей тормозить при спуске.

— Вот она, ледовая дорога, — проговорил Заварухин, и Гурьянов молча кивнул.

Заварухин взглянул на большой мост, возле которого, как сказано в том очерке, действительно сновали люди, машины, во многих местах алело пламя горнов. Он увидел и Клестова, который перебегал от одной группы людей к другой, махал руками и, наверно, кричал.

— Мост как мост,— пожал плечами Заварухин,— кажется, клади по нему дорогу и поезжай. Все на месте — сваи, верхние конструкции...

— Да, — согласился Гурьянов. — А если въедешь — рухнешь в реку за милую душу. Оказалось, не на все узлы косынки поставлены, многие заклепки шатаются... Их теперь к черту срубают, ставят новые. Качество, в общем, никудышное. Видимо, разогрев производили далеко от места работы, пока несли заклепки, они остывали... Ну, вот и все, можно сказать, сначала...

Он махнул рукой.

— Теперь к весне, и то не знаю, поедем ли.

— Ну, еще месяца два ледовая дорога послужит, — опять решил подбодрить Гурьянова Заварухин и вспомнил: — О каком это парнишке говорил Клестов? Что это за вундеркинд?

Гурьянов задумчиво улыбнулся, посмотрел на ту сторону реки. Дрезины уже взбирались на берег, вытягивая тяжелый сцеп. Вот они выехали на ровное место и покатили к главной дороге, уложенной за мостом, чтобы везти свой груз дальше, на участки, где его нетерпеливо ждали строители.

— Да ваш это паренек, горемовский, — продолжая задумчиво улыбаться, ответил Гурьянов. — Петр Росляков.

— Росляков? — удивленно переспросил Заварухин.

Глава двенадцатая

Март стоял морозный. Дым столбом уходил из труб в небо, когда женщины протапливали на пробу печи, сложенные в новых щитовых домиках. Целая бригада занималась заготовкой дров: хоть дело и к весне, а печи топить придется долго — на Север приехали, да и не удержишь тепло в тонких стенах.

— Безобразие!

Это прибывший из отпуска Ступин отчитывал Петра Рослякова за то, что дома остались неоштукатуренными.

Петр отговаривался вяло, почти равнодушно — очень трудно пришлось таежникам в последние две недели. Работали круглосуточно: надо принимать своих, а жилья все недостаточно, хотя тайга отошла еще дальше, оставив в новом поселке лишь два огромных кедра.

За них Петру тоже влетело.

— Почему отступили от плана строительства? Ведь здесь проходит улица, а вы на ней кедр выставили.

— Поселок же временный, — возразил Петр. — А кедры растут семьдесят лет. Их, между прочим, не так уж много в тайге.

— А вы что, ходили по тайге и кедры считали?

Главный инженер Заварухин, присутствовавший при разговоре, с откровенным недоумением взглянул на Ступина. По меньшей мере непонятным казалось ему поведение начальника. Сам он, побывав здесь неделю назад, просто поразился, увидев на площадке столько щитовых домов. А сейчас еще кроме них оборудованы под жилье пять вагончиков — их надо было притащить из Шурды по болоту. Поставлено шесть палаток с дверными тамбурами. А сколько дров уложено в длинные поленницы! Неужели Ступин не видит этого?

— Отступление от плана очень незначительное,—сказал Заварухин. — Совсем оголять поселок тоже не следует.

— А если товарищ Росляков задумает оставить здесь березку, тут осину, так и на машине по поселку не проедешь!

— Березу оставлять нельзя, — сказал Петр. — Осину тоже.

— Это почему же?

— Сломит ветром.

— Скажите, какая осведомленность!

Ступин двинулся дальше.

Петр был удивлен и обижен. Он тоже думал, что начальник ахнет, увидев, сколько сделано на вырубке. Надеялся, похвалит его разворотливость: не дожидаясь, когда прибудут механизмы из треста и свои, горемовские, он кое-что раздобыл в Шурдинском леспромхозе. Кедры в тайге считал!

— Как вы могли допустить, что домики остались неоштукатуренными? — обратился Ступин к Михаилу Козлову, как будто только что не отругал за это Петра.

Тот пожал плечами.

— Вам же говорили... Сообща решили. Сами женщины п-посоветовали.

— Кто здесь руководители? Вы или женщины?— хрипел Ступин.

— По-вашему, сколько бы стояло в тайге домиков, если бы их штукатурили? — спросил Заварухин.

Ступин быстро повернул голову к нему:

— Вы что, оправдываете их, Валерий Николаевич? Как прикажете вас понимать?

— При желании такие действия можно квалифицировать как грубейшее нарушение элементарных правил, — сказал Заварухин. — Но если учесть обстоятельства...

— Какие?

— Ну хотя бы необходимость перевезти семьи в марте. При нехватке жилья это было бы невозможно сделать и в апреле.

— Так. Дальше.

— Даже в построенных домах придется расселить на первых порах по две-три семьи в каждой квартире. А если бы дома штукатурили...

— Так. Что же еще нужно учесть?

— Ну, если хотите, — начиная раздражаться, продолжал Заварухин, — даже характер людей, которые будут здесь жить. Их настрой... Их привычки...

— Так. Ясно!

Это Ступин уже прошептал — голоса не было. Он отвернул шарф, оттянул ворот сорочки и несколько секунд постоял так, будто освобождая дорогу иссякнувшему голосу.

— Ну, Валерий Николаевич, извините, но вы меня просто поражаете.

Осторожно откашлялся, вытянув шею, и продолжал:

— Выходит, людей, которые и так вечно живут в неудобстве, кочуют с места на место, можно заселять в дома, отгороженные от тайги лишь тонкой стенкой.

— Стенки засыпаны, — вставил Михаил, но Ступин даже не глянул в его сторону.

— Эти люди, видите ли, привыкли жить неустроенно, у них оптимистический характер. Так я вас понял? — взглянул он на Заварухина. — Они не стонут, не жалуются, и, значит, можно...

Голос снова исчез. Ступин махнул рукой и замолчал. Заварухин шел за ним, абсолютно уверенный, что если бы дома были оштукатурены, но было бы их вдвое меньше — это не устроило бы Ступина. Да и не только его. Это было бы провалом. Так в чем же дело?

Ступин распахнул дверь и перешагнул порог нового домика. Ислам топил печку, Максим Петрович подгонял раму, стружки спиральками вились из-под его рубанка.

— Здравствуйте, товарищи!

Ступин за руку поздоровался сначала с плотником, потом с начальником, огляделся, приложил руку к стене.

— Как же это так все-таки, а? Без штукатурки.

Сказал совсем другим, спокойным тоном, обращаясь к Максиму Петровичу.

— Да ничего, товарищ начальник, дозимуем как-нибудь, — ответил тот.

— Печка новый, дрова много... — Ислам еще что-то хотел сказать, но не решился.

Ступин обратился к нему сам:

— А вас можно поздравить с пополнением семейства. — И протянул печнику руку.

— Родил? — воскликнул Ислам. — Когда?!

— Вчера, — живо и, как показалось Заварухину, радостно откликнулся Ступин: — Забыл сообщить сразу.

— Парень или девка? — расхрабрился Ислам.

— Вот этого, к сожалению, не знаю, — развел руками Ступин. — А кого вам надо?

— Можна парень, можна девка...

— А вот как вы убережете ребенка в таком доме? — Ступин выразительно кивнул на стенки.

— Э-э-э! Середка класть будем, печка топить будем.

— И все-таки рассчитывать на оптимизм этих людей, на их терпимость — безобразие! — сказал Ступин, когда они вышли из домика на мороз.

После некоторого молчания Заварухин проговорил негромко:

— Не знаю... Возможно, я на месте Рослякова поступил бы так же.

— «Возможно»! — выразительно поднял вверх палец Ступин.

— Да, возможно, — так же тихо, но с нажимом продолжал Заварухин. — Я не уверен, что решился бы и что вообще пришла бы мне в голову эта спасительная мысль.

Главный инженер говорил и мысленно подсчитывал — вот уже трижды удивил его Росляков. Первый раз при отправлении из Айкашета, когда Заварухин прочитал записку, оставленную Петром для Клавдии. «Что еще за новая мода?!» Мысль выражена не очень солидно, но решительно. Наперекор всем. И Клавдия в Шурде, вместе со своими.

Затем история с ледовой дорогой. Вспомнив рассказ Гурьянова, Заварухин представил, как Петр отмеривает длинными ногами расстояние от берега до тупика Шурдинского леспромхоза. Не дойдя до места, возвращается и говорит: «Делов-то! Тут и километра не будет. Ледовую дорогу дней за десять уложить можно».

В те дни и была послана на мост комиссия, которая обнаружила серьезные нарушения в производстве работ и авторитетно заявила, что на мост рассчитывать нельзя.

Гурьянов построил ледовую дорогу за неделю. Работали круглосуточно, повозились с выемкой у берега — мешали топляки, намытые за многие годы, затянутые илом.

И вот дорога действует.

А теперь здесь, с этими неоштукатуренными домиками... Опять Росляков.

Осознано им все это? Продумано? Или свершено по какому-то наитию, душевному порыву? Все равно. Еще неизвестно, что лучше. Голову-то и равнодушный человек, если надо, заставит работать, а вот...

— Мы с вами сегодня не находим общего языка, Валерий Николаевич, — услышал Заварухин. — Прекратим этот разговор. А вам, — Ступин повернулся к идущим поодаль Петру и Михаилу Козлову, — на первый раз,

учитывая вашу полную неопытность, я делаю пока предупреждение.

— Б-большое спасибо, — сказал Михаил.

Ступин быстро пошел к «газику», на котором они прибыли из Шурды.

— А я обед разогрела вам, чаю вскипятила, — растерянно сказала Мария Карповна, поджидавшая их.

— Ах да, конечно, — несколько смутился Ступин и направился в палатку. Заварухин пошел за ним.

Петр и Михаил остались на улице, но их сразу же позвала Мария Карповна.

— Если я сделал вам замечание, это не значит, что вы не должны обедать, — сказал им Ступин.

— Б-большое спасибо, — опять поблагодарил Михаил и повесил полушубок на двустволку.

Ступин, выкладывая из банки куски горячей тушенки, покачал головой:

— Очень уж много у вас самоуверенности, молодые люди!

И стал есть, не сказав больше ни слова.

Глава тринадцатая

Звезды на ясном небе большие, яркие, а около них манной крупой рассыпалась всякая мелочь. Круглая луна зацепилась за макушку ели и светит оттуда, как фонарь. От ее свечения глубокие тени ложатся возле домиков, возле поленниц. Высокий сучковатый пень отразился на снегу веселым мужиком с раскинутыми руками — будто ловит он кого-то и все не может поймать.

До того тихо в таежном поселке, что ойкнуть громко от такой тишины и красоты боязно — кажется, что в каждом домике услышат, и вскочат, и выбегут на улицу посмотреть, кто это ойкнул.

Тайга стоит тихая и вся голубая. Так бы и войти в нее и задохнуться этой морозной чистотой, да пойти не по искореженной тракторами дороге, а по синенькой тропинке, чтобы по бокам снег с серебристыми искорками да елочки в белых полушалках. Нету такой тропочки в тайгу...

Где-то скрипнула дверь и стукнула — захлопнулась снова. Из тени домика выкатилось черное пятно, заметалось, забегало по кругу, остановилось у пенька и замерло.

— Жданка!

Чуть с ног не сбила Клавдию собака — так обрадовалась, что не одна она в этой необжитой тишине.

— Абдулка-то твой где?

Жданка насторожилась, вытянулась на лапах, тявкнула.

— Молчи! Людей поднимешь.

Но все было тихо, никто не проснулся. Устали люди, намаялись с переездами — больше суток пробирались на автобусах по кочковатым болотам и узкому зимнику. А потом тесно размещались в новом жилье. Даже в палатках имеются семейные. Отгородились от чужих глаз занавесками, да и живут вот уж неделю.

Еще есть один выход в тайгу из поселка — к речке. Оттуда в день по нескольку раз возят на тракторе воду. Привезут бочку — возле нее очередь сразу. Кто-нибудь залезет наверх и набирает кому в ведро, кому в бидон, кому в чайник. Как только посудина начнет царапать по дну бочки, тракторист опять за водой.

— Пойдем, Жданка, к речке!

Вдвоем не страшно в тайге. Луна перекатилась на березу. Каждый кустик разглядеть можно. Вон елочка махонькая согнулась под снегом, как старушонка. Ну просто встала на колени и молит о чем-то. Голову склонила до самой земли.

Вот так встать бы на колени, да и выпросить хоть немножко счастья. А перед кем вставать? Перед этим пнем, что ли? И не пень это, а раскоряка какая-то. На гуся похожа.

Почему тихо-то так в тайге? Хоть бы сучок треснул, или бы снег ухнул с макушки кедра, дерево бы какое надвое распороло. Чтоб испугаться до смерти и забыть про все на свете!

Что это?!

Бежит кто-то, дышит. Оглянуться страшно. Замерла Клавдия, мысленно только вскрикнула: «Жданка!»

А Жданка сама выскочила из-за поворота, пронеслась мимо и во весь дух туда, по дороге к поселку... Оглянулась Клавдия и увидела на лунной дорожке два темных пятна. Беснуются, прыгают, тявкают, валят друг дружку в снег. Вот скрылись из виду.

Усмехнулась Клавдия, обругала их «собаками» и тоже пошла к вырубке.

Из крайнего домика выскочил полуодетый дед Кандык. Клавдия спряталась за сосну, подождала, пока он прошлепал галошами обратно. Ладно хоть не увидел. А то бы завтра вся тайга узнала: «Клавдия Маклакова ночью с кем-то по лесу ходила!» — «А с кем, дед?» — «Шибко-то не приметил, а только вроде большой мужик. Шапка на ем ушанка, на ногах сапоги меховые, глаза карие с поволокой, зубы белые, губы теплые...»

Зовуще, отчаянно взглянула Клавдия на домик под кедром и увидела — из трубы дым валит. Всмотрелась в окна: которые заварухинские? Скорее всего, крайние. В этой квартире еще Ступин и Бердадыш живут. Они в проходной, а те — в дальней. Валерий, говорят, предлагал — вселяйте еще кого-нибудь. Наталья Носова смеялась: «Тебя бы, Клавдия, к ним поселить. В серединочку!»

Клавдия подошла к своему бараку, постояла, посмотрела на звезды. И нехотя вошла в темноту холодного коридора. Наткнулась на ведро, оно покатилось, загремело, за одной из дверей унялся храп. Вошла в свою комнату. На невысоких нарах скатились на ее место Наталья и Маруська, сжались под одеялом.

Клавдия присела к остывшей печи и стала разжигать огонь. Когда плита раскалилась, поставила на нее чайник, сняла телогрейку, легла на место Натальи, с краю. И стала думать...

Вот наступит в тайге весна, рядом с соснами и елками распушатся березы. Может, и цветы какие расцветут. Запоют птицы. И встретятся *они*, не сговариваясь, в густой чащобе, в буреломе. Чтоб за десять метров и разглядеть ничего нельзя было. Встретятся и испугаются, наверно. Она первая кинется от него...

— Не крутись, Клавка. Печку истопила, что ли? Тепло...

Наталья вывернула из-под одеяла ногу в байковой брючине.

Или в доме того куркуля Глазырина встретятся. Может, правда, надумают там сделать перевалочную базу...

А потом она увидела Валерия почему-то на московской широкой улице. Снуют машины, троллейбусы, идут люди... И он среди них — высокий, самый красивый. Вот

сворачивает с широкого тротуара к большой застекленной двери с позолоченной вывеской, заходит в кабинет самого главного начальника, садится в кресло и начинает выговаривать: почему строителям таежной дороги того не дают да другого не засылают? Трелевщиков не хватает... У пил эти... стартеры летят, а запасных нет и достать невозможно. А скоро уж мехколонна прибудет, для нее надо площадку готовить.

«И посуду никакую в котлопункт не доставили, сама бегаю по домикам, где ложку, где вилку выпрошу, стаканы граненые собираю... Хорошо, что семейные обедать не ходят».

Клавдия переметнулась мыслями в маленький вагончик, стоящий на двух березовых бревнах с новой, затоптанной уже лесенкой. Вагончик разделен надвое. В одной половине узкий стол, по сторонам скамейки. В другую половину окошечко, из него пар идет. Там вмазан в печь небольшой котел, в нем варится суп с макаронами. А рядом на огромной сковороде фырчит тушенка, перемешанная с лапшой. Чайник вскипячен раньше, а то ему и места нет на плите.

«Вот и все мое производство, — думает Клавдия. — Он — главный инженер, а я — стряпуха. Разве пара?»

Но сразу в памяти Айкашет... Комнатка маленькая, небогато убранная. Окно завешено байковым одеялом. Погасив свет, Клавдия оттягивает уголок и одним глазом — на улицу. А он уже идет по ней. Высоченный, со всех концов поселка его видать. Сердце на миг перестает колотиться. Она отходит от окна и, опустив руки, закинув голову с распущенными волосами, стоит у стены. Почти точь-в-точь как княжна Тараканова с картины, что висит над кроватью. Он появляется без стука. Не раздеваясь, ни слова не говоря, — на колени перед ней...

— Ой, Клавка, ну что ты возишься? Уж какой раз пробуждаюсь... — не на шутку рассердилась Наталья.

«Сколько я бегала от тебя, сколько пряталась. Ты сам меня искал, нарочно навстречу попадался...»

На стене постепенно угасал розоватый свет от плиты. С пола снова потянуло холодом. Клавдия закуталась в одеяло.

«Я и здесь от тебя бегать буду...»

— А ты лови меня! — неожиданно произнесла вслух.

— Кто? — сонно пробормотала Наталья. — Кого?..

Глава четырнадцатая

Целый месяц разбирались горемовцы со своими вещами, отправленными из Шурды на грузовиках без всякого присмотра. В дороге на болотных ухабинах растрясло плохо закрытые чемоданы, поразвязало шнуры, скрепляющие мелкую мебель — стулья, табуретки, этажерки.

Горноуральские шоферы, обнаружив в кузовах такое месиво, остановились километра за три до таежного поселка, почесали затылки да и распихали вещи куда попало, чемоданы закрыли, тюки увязали. По прибытии сгрузили все это на щиты в центре вырубки: приедут хозяева — разберутся.

Вот и началось неторопкое разбирательство. То одна, то другая хозяйка обнаруживала в своих вещах чужую кастрюлю, чужой пиджак, что-нибудь из мелочи, а то и табуретку, привязанную к ее стульям.

— Это чья же мне поварешка досталась? — крутила иная хозяйка неказистую штуку с погнутой ручкой.

Кто-то догадался, прилепил на банном вагончике листок с объявлением:

«Если потеряли маленький самовар в полосатом мешке, приходите в домик с краю и спросите».

С какого краю? В поселке еще и улицы не обозначены, домики один на другой похожи и, почитай, все с краю.

На следующий день на баньку прикрепили другой листок, рядом с ним вколотили большой гвоздь.

«Повесьте на этот гвоздь мое корыто, оно покрашено в небесно-голубой цвет. Мне постирать надо. Середкина».

Вскоре вагон-банька был весь залеплен объявлениями. Теперь уже многие приходили сюда, чтоб поразвлечься, потому что в дело вступили горемовские шутники:

«Просим привязать мою корову к этому пню. Она покрашена в малиновый цвет, а хвоста у нее вовсе нет».

Подобрели, повеселели люди в тайге. От чистого морозного воздуха, от белизны снега, от крепкого аромата сосны. Понравилась им тайга, хотя работать приходилось с утра до ночи: и в поселке всяких дел много, и трассу рубить начали.

Даже Александр Прахов изменился в тайге. Нет-нет да и пошутит с кем-нибудь. Колька иной раз ухватит момент, когда отец останется один, подойдет, да и смотрит, как тот копается в тракторе или бульдозере. Прахов однажды заговорил:

— Чего пришел?

— Поглядеть...

— Ну гляди, гляди. До дыр-то, поди, не проглядишь?

— Не прогляжу, папка, — встрепенулся Колька и сделал несколько шажков вперед.

Пришла Елена, позвала мужа обедать. Отец больше ничего не сказал, бросил гаечный ключ в ящик и пошел, а Колька побежал в домик, где Ислам и Галия клали печь. Здесь и нашла его мать.

— Ты чего же обедать не идешь?

— Печка с нами кладет, — улыбнулся Ислам.

А Колька исподлобья взглянул на мать, вытер измазанные в растворе руки о штаны и вышел на улицу.

— Ты чего это, сынок? — тронула его за руку Елена.

Колька остановился и, сглотнув, проговорил:

— Ты никогда не подходи, когда я с папкой разговариваю.

Елена быстро наклонилась, заглянула в его сердитое лицо.

— Папка с тобой разговаривал? — спросила тихонько.

— Ясное дело, разговаривал, — тоже снизив голос, ответил Колька. — Уж совсем помириться хотел, а ты подошла.

Елена прижала к себе сынишку, горячо зашептала:

— Да чтоб я еще когда-нибудь помешала вашему разговору! Да ни разу не подойду, сыночек!

А Колька начал ждать весну. Настоящую. Сейчас хоть и апрель, а снег еще плотно лежит между соснами. Сверху на него накапало, и он стал весь в дырках. Возьмешь в рот ледяную лепешечку, и она похрустывает на зубах, как вафля. На домах сосульки висят длинные, а на вагончике-бане они до окошек доходят.

В тайгу сейчас не пройдешь. Но Леха говорит, что уже есть проталины. Он принес и поставил на стол в котлопункте самые первые подснежники. Белые-белые, мохнатенькие. Все их нюхают, но они ничем не пахнут, только сырой землей.

Колька ждет такую весну, чтоб можно было уйти в тайгу. Придет срок, станет папка собираться на охоту. Он еще только за сапоги возьмется, а Колька вперед него выскочит, убежит в лес, да и выйдет навстречу.

«Откуда ты взялся, сынок?» — «А я, папка, прогуляться пошел, да вот тебя встретил». — «И не боишься один по тайге ходить, сынок?» — «Так Жданка же со мной, папка». — «Не взять ли мне вас с собой на охоту?» — «Возьми, папка, возьми!»

Дальше идет такое интересное, такое невероятное, что Колька, если думает об этом ночью, вертится в постели, будит мать, а если днем, на улице, — не может идти тихо или сидеть. Он способен думать о таком только на быстром ходу или прыгая по бревнам.

Так появилась у Кольки вторая жизнь. Леха удивлялся, почему это не пристает к нему Колька с книжками, не выпрашивает сказку. Бывают дни, что и вовсе не заглянет в палатку, где Леха живет с другими холостыми строителями. И на ремонтной площадке мальчишки не видно.

Откуда знать Лехе, что Колька принял решение лишний раз на глаза отцу не попадаться. Зачем дело портить? Вот уж встретятся они в сухой тайге, тогда и поговорят обо всем, и простит папка Кольку.

Мальчуган припомнил все, чем когда-то обидел отца. Ночью, например, опрудил его однажды Колька по самую шею. Конечно, никому не понравится. Если бы Кольку кто-нибудь так обмочил, он бы тоже здорово обиделся.

А другой раз, тоже давно это было, до того разбаловался Колька с отцом, что не заметил, как куснул его за ухо. Только что кровь не пошла, а здорово покраснело ухо.

Вот после того случая пуще всего рассердился папка. Потому что дальше, как ни старался, Колька ничего припомнить не мог. Папка не стал с ним играть и разговаривать. Пальцем его никогда не тронул, а только играть не стал. И разговаривать.

Чтоб скорее шло время до той весны, Колька думал и о другом. Вспоминал, как в марте приезжал из шурдинского интерната Олежка Чураков. Вот уж полазили они по бревнам! Олежка очень ревел, когда его снова отправляли в интернат. В тайге ему нравится больше, чем в

школе. Леха-механик сказал Олежке: когда учеба кончится, всех ребят из Шурды привезут сюда на вертолете, потому что болота развезет.

Тогда Олежка согласился. Леха обещал и Кольку на вертолете покатать.

Уж скорее бы развозило эти болота!

— Колька до чего бойкий стал, — сказала как-то баба Лиза Елене — Праховы и Чураковы жили в одной квартире. — Я сегодня пошла на ту сторону вырубки поговорить с мехколонновскими хозяйками — как, мол, доехали, как устраиваетесь. Гляжу, Колька ругается с ихними парнишками: «Прибыли на готовенькое, понавезли своих клопов!» Один парнишка осердился на Кольку, да и говорит: «А ты таракан самый настоящий!» А Колька покраснел весь, стал вот так, кулаки сомкнул, да и отвечает: «А ты... а ты... субподрядчик несчастный!» Ну, я посмеялась над ним! «Субподрядчик!» Откуда слово-то такое знает!

— Все они нынче знают, — вздохнула Елена, пристраиваясь к столу с бумагами: шумно в конторе, приходится работу домой брать.

Баба Лиза сняла с плиты бурлящий чайник, поставила на огненное отверстие большую кастрюлю — будет варить суп на три семьи. Потом присела на табуретку возле Елены.

— А Саня-то вроде помягчал-подобрел, а? Как он с тобой-то?

Елена порозовела, указала на дверь в другую комнату:

— Сама видишь...

Баба Лиза понимающе вздохнула: в соседней комнате стояли три койки. На одной Максим Петрович с женой спят, на второй — дочка, а на третьей — Праховы: с краю — Саня, в середине — Елена, а у стенки — Колька. Еще хорошо, что Нюрочка у них в Шурде учится.

— А разговор у него сейчас не такой грубый, — вернулась к своей теме баба Лиза.

Елене и самой кажется, что Александр стал мягче, общительнее. Вечерами с Василием Чураковым и Максимом Петровичем сядут у печи, подкладывают дрова, курят и разговаривают. Все переберут, все вспомнят. Как во время войны в окружение попали, как выходили из

него. Об охоте говорят, все собираются сходить с ружьями в тайгу, да времени нет. Иной раз на трест ворчат в три голоса, на главк замахиваются — того да другого не присылают.

— А куражба все равно есть у него,— услышала Елена голос бабы Лизы. — Понравилось, что ты в рот ему глядеть стала. Зачем поддалась? Ты же ни в чем не виноватая.

Елена задумалась. Много раз спрашивала она себя, почему, когда приехала от матери, не сказала Александру, что встретилась с Семеном Рагожиным? Ведь не забыла она про это, а сознательно утаила, сама не знает, почему. А через три года сдуру сообщила о встрече. Не только сообщила, а еще и, как сейчас помнит, хотела усмотреть в глазах мужа волнение, ревность. А то уж совсем он успокоился — мое! Один «окружил» Елену, был и отцом и матерью. Постепенно отошли в сторону задушевные подружки, не стало им места в Елениной жизни. Поездовские женщины, собираясь вечерами на «посиделки», первое время судачили: «Елена чего-то вовсе от нас отказалась, не ходит попеть да повышивать вместе». Но втайне завидовали — каждую минуточку хочет видеть жену возле себя Александр. Плохо ли?

Позднее Прахов впустил в эту плотную ячейку Нюрочку. И опять словно охватил обеих, и жену и дочку, большими руками, сцепил пальцы в железном кольце — мое!

Елена и сама понимала, что не каждой женщине выпадает на долю такая любовь. А только однажды в тихий, уютный семейный вечер разрыдалась в голос, повергла Александра в тревогу и недоумение.

— Скажи, чего тебе не хватает, чего еще надо?..

— Подружку надо! Маму надо!

В Липаевку, к матери Елены, они заезжали редко, гостили недолго. Но и тут Александр тенью маячил возле жены. Ему и в голову не приходило, что хочется ей посидеть с матерью наедине, навестить деревенских подружек, узнать про их житье-бытье. Куда она — туда и он. Не назло, не нарочно, а просто не мыслил он иных отношений с женой. И попробуй упрекни его — не поймет. Да и за что упрекать? За великую любовь, что ли?

Привыкла. Но вот не выдержала однажды...

От матери как раз письмо пришло — приболела. А между строк так и сквозило — соскучилась, не дождется, когда свидится.

И ведь только случайно не поехал Александр в Липаевку — уже и отпуск оформил без содержания, да вдруг отказали в последний момент: работы много. Не сомневался в том, что и Елена не поедет. А она вдруг взбунтовалась — поеду!

Вот это и был тот единственный раз, когда она побывала у матери без Александра. И действительно встретилась с Семеном Рагожиным. Посидел он с ними, поплакался на свою судьбу. Вернулась Елена из Липаевки и не рассказала мужу о встрече. Почему? Не знает. А потом сообщила. Вот, мол, муженек, ревнуешь меня к подружкам, к матери, к белому свету, а то, что в контору столько мужчин интересных из треста, из Москвы, наезжает, тебе ничего. Совсем успокоился— моя!

Вот и разбирайся теперь, из-за чьей дури, из-за чьей глупости так все перевернулось в семье...

— Вчера Кольки долго с улицы не было, так он глазами все углы прошнырял, Саня-то, — вырвала Елену из воспоминаний баба Лиза.—А спросить — где, мол, Колька — не-ет, не спросит. Заметила?

Елена кивнула, убрала со стола бумаги.

— Не дала я тебе пописать-то, — виновато вздохнула баба Лиза. — Зло меня берет на Александра. Мы перед ним на цыпочках ходим, а он выкобенивается. А трепыхнись ты уйти от него — не пустит ведь!

Елена испуганно вскочила с табуретки.

— Что ты, баба Лиза! Мыслимо ли?

Старушка внимательно посмотрела на нее.

— Так вот и скажи мне — как это можно любимого человека и дитя так терзать? И нас всех, — она кивнула на окно, на поселок, — с толку сбил, о нем же еще и заботиться заставляет, — и шлепнула ладонью по столу. — Я вот по-другому с ним поговорю!

Елена сказала непривычно решительно:

— Не надо.

Баба Лиза удивленно взглянула на нее.

— Выберу момент, — проговорила Елена, — сама все ему скажу.

Глава пятнадцатая

Хохрякову под отдел кадров выделили маленькую комнатушку в одном из бараков. Справа, в угол, он поставил облупившийся от постоянных дорог сейф, а слева — такой же неказистый шкаф со стеклами в белых волнистых разводах. Возле окна долго устанавливал дряхлый дубовый стол, подкладывал сплющенные спичечные коробки и, опершись руками в столешницу, пробовал — крепко ли стоит. Ничего, крепко. Недаром в войну под него прятался от бомбежки дед Кандык.

Об этой истории кадровик узнал на общем собрании, которое провел по дороге из Айкашета в Шурду. В шестой вагон тогда набилось много народа: все устали от долгой поездки, наскучило глядеть в окно, слушать байки... Обрадовались, что собирают на беседу. Мест, конечно, не хватило, и Хохряков пообещал повторить ее на следующий день в другом вагоне. Так и сделал.

Это были два долгих вечера волнующих воспоминаний. Говорили даже те, из кого в обычное время слова не вытянешь. Хохряков, торопясь, записывал в свой блокнот, что казалось ему значительным, интересным. Потом достал из пакета пожелтевшие от времени, потертые на сгибах документы, и люди бережно передавали их из рук в руки...

Вот тонкая потрепанная тетрадочка со списком работников «Горема» тех далеких лет. Чернила выцвели, порыжели.

— Товарищи, — в полной тишине говорил Хохряков. — Обратите внимание на галочки и кружочки возле фамилий. Если галочка — ранен, если кружочек — убит.

Много таких знаков в списке...

С трудом читали полустершийся, подклеенный Хохряковым рапорт тогдашнего начальника поезда о погибших. «Убит при восстановлении линии связи на участке Орша — Витебск, попав на минное поле...», «Убит шрапнелью в грудь на станции Гусево...», «Убиты на станции Осиповка...»

— А это, товарищи, фотографии тех времен. Посмотрите, может, узнаете кого.

— Так это ж я молодой! — удивленно воскликнул главный механик Чураков, вглядевшись в пожелтевший квадратик. — А это связист наш, Саша. Погиб...

— А фамилия, фамилия у Саши какая? — пытал Хохряков, держа карандаш наготове.

— Не припомню.

— Такая же, как у меня, — узнав паренька на снимке, сказал Александр Прахов. — Мы с ним из одной деревни.

Тут же нашли в старых списках двух Праховых: одного в кружочке, другого — с галочкой.

— А тебя, выходит, ранило, Александр Егорыч? — расспрашивали люди. — Галочка у тебя поставлена.

Прахов скупо рассказал. В сорок третьем восстанавливали небольшой мост. Срок был дан малый, армейское начальство торопило, к утру надо было пропустить на передовую состав с солдатами и оружием. Сделали, а все-таки засомневались. Решили для проверки прогнать через мост свой паровоз с двумя теплушками. Поехали. Уже до середины добрались, как вдруг мост стал разъезжаться под колесами — видно, была в свае какая-то скрытая поломка...

— Никто не погиб?

— Не без этого, — вздохнул Прахов.

— А ты как спасся, Александр Егорыч?

— Я в тамбуре стоял. И вдруг в воде оказался. Будто с катушки съехали. А паровоз оторвался, успел проскочить через мост.

— Товарищи! Комсомольца Прахова в числе других горемовцев наградили тогда за спасение многих людей, — сообщил Хохряков.— Чтобы сберечь воинский эшелон, они рисковали своей жизнью. А мост к утру восстановили.

Хохряков говорил, а сам всматривался в лица молодых. Пусть знают, пусть ценят...

— Иван Матвеич, а помнишь дубовый стол, под который ты от бомбежки прятался? — обратился кто-то к деду Кандыку.

Оказавшись в центре внимания, старый путеец не растерялся, сочинил такую историю, что стены тряского вагончика чуть не разлетелись от громового хохота.

— А где тот стол? Где стол-то? — допытывался Хохряков, впервые услышав такое.

— Да ему уж в обед сто лет, а вроде опять с нами едет,— неопределенно ответили ему.— Вроде погрузили в теплушку.

Как сохранился этот стол из поездного имущества, которое не раз горело, разлеталось от бомб, оставалось в окружении, никто толком сказать не мог. Хохряков, как только приехал в тайгу, разыскал его и записал в своем дневнике:

«Ездит в поезде дубовый стол, чудом уцелевший от тех боевых времен. Кто знает, может, и вправду спас он тогда Ивана Кандыкова от вражеского осколка (угол-то у столешницы откололо, и вся она в глубоких щербинах), а Иван Матвеевич, благодаря этому столу, не сочтет, сколько стальных рельсов уложил на земле. И хоть сейчас находится старый мастер на заслуженном отдыхе — не хочет прозябать в забвении. Думало руководство поезда оставить его в Айкашете отдыхать на покое, комнату ему с его старушкой Митрофановной дали — заплакал старик от горькой обиды, что оставляют его, а сами уезжают...»

Тут Хохряков поставил временно точку. Он был уверен: как только начнется в тайге кровное дело Ивана Матвеевича — укладка пути, выйдет старый мастер на свежую насыпь и еще покажет молодежи, как надо работать.

На окне возле Хохрякова елозит по стеклу маленький комарик, звенит тонко-тонко. Хохряков задумчиво наблюдает за ним. Самый первый комарик, пока их не видать в тайге. И еще удивительно, что нет воробьев. Стоят дома, топятся печки, люди живут, хлеб жуют, а воробьев нет.

Хохряков увидел за окном Петра Рослякова. Тот шел в распахнутой телогрейке, шапку сбил на затылок. То и дело поскальзывался на досках, разбросанных в самых топких местах, иной раз смешно отводил то одну, то другую длинную ногу в сторону и стоял так, пока не находил места, куда ступить. Вот добрался до кедра, оттолкнулся от ствола и перепрыгнул через широкую канаву на щиты.

«Шествует по «центру» поселка Кедровый», — улыбнулся Хохряков, вспомнив недавнее шумное собрание.

Ступин на нем обмолвился:

— Пора уж как-то назвать наше селение. Соображайте.

Ну, братцы, началось! Лирики требовали назвать поселок «Зеленым», «Рябиновым», «Духовитым», скептики настаивали на «Комарином», «Болотном», «Медвежьем», а весельчаки предлагали «Исламовский», «Росляковский», «Хохряковский». Спорили, убеждали друг друга, уговаривали. Ступин удивился:

— Можно подумать, что вы собираетесь здесь век жить. Мы же уедем отсюда.

— Мы уедем, а люди останутся, — выкрикнул кто-то.

— Пусть добром нас вспоминают.

— Да и сами еще поживем, работы здесь не на один год.

— Предлагаю назвать поселок Кедровым! — крикнул Петр, и все притихли, обдумывая.

Ступин чуть усмехнулся, пожал плечами. И, может быть, эта его усмешка и решила все.

— П-правильно! — поддержал Петра Михаил Козлов, за ним и многие другие. Даже Федор Мартынюк не возразил. Хохряков видел, как он кивнул головой, соглашаясь.

В поселке уже стояло четыре кедра, отвоеванные Петром у Ступина. Люди знали об этой молчаливой борьбе начальника и его заместителя. И держали сторону Петра: вперед смотрит парень. Ему не все равно, какой поселок после него останется.

Хохряков легонько дунул на комарика, и тот, на миг прижавшись к стеклу, перелетел на самодельную карту «Боевой и трудовой путь» и стал вырисовывать на ней зигзаги — вверх-вниз, вверх-вниз... Вот присел возле маленького темного крестика, нанесенного чертежной тушью...

Да-а... Именно здесь, в этом пункте, в сорок втором году два советских «ястребка» накрепко прижали в воздухе немецкого бомбардировщика, приказывая опуститься. Но фашист, поняв, что ему «капут», решил по-иному: прежде чем взорваться самому, сбросил на землю свой страшный груз. А внизу как раз стоял головной ремонтный поезд, люди восстанавливали разрушенные пути...

Хохряков не работал тогда в «Гореме», воевал на других фронтах, но, придя в этот коллектив, решил по крупинкам собрать и сберечь его историю...

Вошел Петр Росляков и, кивнув Хохрякову, сел на подоконник.

— Опять не поладили? — спросил кадровик, из-под очков разглядывая расстроенного Петра.

— А ну его! — махнул рукой парень и достал портсигар. — Когда дельное выговаривает, я слушаю. А когда не от ума — охота повернуться и уйти.

Хохряков отметил, что лицо у Петра осунулось, потемнело от солнца и ветра. Усики бреет неаккуратно. И шея не очень промытая.

— А сейчас чего у вас получилось?

Петр затянулся и уныло посмотрел в окно, последил, как продвигается по доскам Клавдия Маклакова. Вот оступилась, увязла сапогом в глинистом месиве, еле вытянула ногу. Можно, конечно, пойти и помочь ей донести в котлопункт корзину с продуктами, да еще только этого не хватало Петру! И так все хозяйственные дела Ступин взвалил на него, а сам занимается трассой. Даже в Шурду Петр больше не ездит. А так хочется повидать Гурьянова.

— Что произошло-то у вас? — повторил вопрос Хохряков.

— Все из-за мясной тушенки получилось, — рассеянно промямлил Петр.

Сегодня утром распорядился он отправить два трактора и две машины пробиваться через болото в Шурду за картошкой. Ступин с утра сидел у начальника мехколонны, а Петр думал, что он на трассе. Ждать его не стал и самостоятельно дал команду.

Федор Мартынюк и еще один тракторист вызвались сопровождать машины. Федор даже выругался — до того, оказывается, обрыдла ему мясная тушенка.

— Уехали? — спросил Хохряков.

— Еще и по зимнику не протряслись, как за ними «газик» — с приказом немедленно вернуться.

Хохряков постукивал пальцами по папке. В голове опять крутилась мысль, что странно ведет себя Ступин с этими ребятами — Петром и Михаилом. Но хотелось узнать, чем кончилось дело с картофелем.

— А тем и кончилось, что опять будем есть одну мясную тушенку, — удовлетворил его любопытство Петр.

Хохряков поинтересовался, что сказал Ступин. Петр скособочился, захрипел, изображая начальника:

— «Всякому терпению, товарищ Росляков, приходит конец. Делаю вам второе предупреждение».

«Какие-то предупреждения выдумал, — удивлялся про себя кадровик. — Раньше виноватому выговор давал, как положено, а тут предупреждения какие-то».

Дверь широко распахнулась — вошел Федор Мартынюк. Из-под шапки вылезли и прилипли ко лбу светлые

волосы. Не здороваясь, Федор плюхнулся на «личные дела», — Хохряков, разбираясь в шкафу, разложил их повсюду.

— Опять на жратву мясную тушенку?! — накинулся Мартынюк на Петра.

— А я причем?

— Раньше надо было чесаться! — орал Мартынюк. — Ступин неделю в тресте сидел, вот за это бы время и съездить по картошку.

Петр промолчал, потому что, в общем-то, Федор был прав. В последнюю неделю по распоряжению начальника все машины были брошены на производство— торопились до распутья завезти на трассу все необходимое. Но следовало подумать и о питании.

— Может, тракторы на трассе нужны, — предположил Хохряков.

— Может, и нужны, — огрызнулся Мартынюк. — А только пища — дело тоже немаловажное. У меня вон Настюру сегодня три раза вырвало с этих харчей.

— А может, Федя, ее не с харчей рвало? — хитро взглянул на Мартынюка кадровик, но тут же понял, что пошутил неудачно: Федор вышел, хлопнув дверью.

В поезде все знали, как хотят Мартынюки ребенка. А его все нет да нет...

— Ну, братцы! — совсем расстроился Хохряков и стал молча перебирать скопившиеся на столе папки с бумагами.

Выйдя на улицу, Петр прошел несколько шагов по грязи и сел на пень на самом солнцепеке. Снял телогрейку, положил на колени.

Посмотрел на шесть утоптанных щитов, лежащих на площадке между двумя домиками. На этих щитах позавчера отмечали праздник Первого мая. Вместо трибуны притащили из барака тумбочку, и Ступин сделал коротенький доклад. Люди боялись пошевелиться, хотели расслышать, кого Ступин назовет передовиками. Петр тоже сдвинул набок шапку, открыл ухо, но ни себя, ни Михаила в передовиках не обнаружил. Хотя, если говорить честно, надеялся: намотался в тайге как следует, сдачу экзаменов опять отложил до лучших времен.

На этот митинг пришли и мехколонновцы. Но им говорить пока было нечего — приехали недавно, поставили дома и только-только начали делать на трассе кюветы для отвода воды и искать в тайге подходящий грунт. Поэто-

му собрание закончилось быстро. Кто-то предложил потанцевать. Доски и чурбаны, из которых были сооружены скамейки, стащили на землю, и баянист с ходу заиграл быстрый танец. На площадку долго никто не выходил, все стояли плотным кольцом и с откровенным любопытством и удовольствием ждали, что же теперь будет на этих щитах. Люди радовались празднику, радовались солнцу, никому не хотелось расходиться по домам.

А парень, прижав ухо к баяну, играл твист, словно задался целью расшевелить усталых людей, добиться, чтобы ноги вышли у них из-под контроля.

И вот на площадку выскочила девчонка. Леха шепнул Петру, что это молодой специалист из мехколонны. Срок — три года — после института отъездила, но домой, в Ленинград, не «уматывает».

На девчонке бордовое короткое пальто, из-под воротника — белой пеной газовый шарфик. Глаза и губы подкрашены. Петр заметил, что, когда дунул ветерок, высокую прическу придавило, сплюснуло. Выходит, оболочка одна, а в середине пусто. Смехота, да и только, как сказал бы наш дед Кандык!

Ноги, правда, красивые — стройные, длинные. В белых туфлях, отделанных черным лаком. Пришла, конечно, в сапогах, туфли с собой принесла.

Баянист присел на чурбан, приготовился долго и честно играть для своего начальства, — оказывается, девчонка работает старшим мастером, все шоферы в ее распоряжении.

Девушка только два раза переступила ногами — каблук сразу попал в дырку от сучка, и на этом танец окончился.

Она потянула ногу и вытащила ее из туфли. Немного смутившись, наклонилась и дернула туфлю. Не вынимается. Покраснела и стоит на одной ноге, как цапля. И гармонист сидит, играть перестал, ждет, когда она обуется.

Петр шагнул на «танцплощадку», вытащил туфлю и подал девушке. Она ухватилась за его руку, обулась и осторожно пошла по щитам. И Петр пошел, только в другую сторону.

И тут им захлопали. А гармонист заиграл туш...

Петр так задумался, что не сразу заметил подошедшего к нему Мишку.

— М-малыгин приехал.
— Кто?
— М-малыгин. Оглох?

И Мишка пошел дальше, вернее побежал, перескакивая с доски на доску.

«Удрал и даже не сказал, где Малыгин», — рассердился на него Петр. Он встал, надел телогрейку, потянулся. Малыгин, наверно, на трассе, иначе давно появился бы на этих «проспектах».

Петр пошел в котлопункт и уселся за узенький столик, радуясь, что хоть раз поест без очереди: обеденный час еще не наступил.

Клавдия в окошечке — как картина в раме: улыбается — синие глаза, белые зубы. Рядом с ее лицом в эту же раму он мысленно поместил другое — красивое, всегда хорошо выбритое.

«Интересно, встречаются они или нет?»

Неожиданно Петр почувствовал, как «телячий восторг» заполнил его от макушки до самых пяток. Вдруг стало невероятно хорошо от того, что Ступин — Ступиным, а тайга-то вот она — рядом! — можно при желании убежать туда с ружьем или просто так; можно выдолбить лодку, купить мотор и дунуть вверх или вниз по речке.

И как наяву представил: встречный ветер разбивает ненадежное сооружение на голове сидящей в лодке девушки, и вот уже ее волосы развеваются, становятся похожими на легкую волну. А в лицо девчонке — брызги, и она смеется, откинув голову...

Петр машинально взял тарелку и только было собрался обедать, как в дверях показалась кладовщица Мария Карповна и сказала почему-то шепотом:

— Петя, тебя товарищ Малыгин зовет.

Начальник треста, видимо, остался доволен всем, что увидел в поселке и на трассе. Это было заметно и по Ступину. Он улыбался, что-то говорил, и Малыгин добродушно наклонялся к нему, чтоб расслышать.

С Малыгиным приехал и заказчик Клестов. Лицо его было настороженным, хмурым — он сразу давал понять: от него похвал не дождетесь, его дело выявлять неполадки. Вот так.

Петру Малыгин приветливо пожал руку, стал расспрашивать, как дела и есть ли какие просьбы к нему.

— Картошки у нас нет, — сказал Петр и заметил, как вся бухгалтерия плюс Бердадыш со своим отделом перестали скрипеть перьями.

— То есть, как нет?

— Не завезли.

Начальник треста быстро повернулся к Ступину, но тут же снова обратился к Петру:

— А что же вы думали? Ведь снабжение лежит прежде всего на вас.

И начал отчитывать Петра за такую промашку.

— Немедленно снаряжайте машину с трактором в Шурду. Даже с двумя тракторами. Мы на вездеходе еле проехали. О чем вы думали раньше?

Петр незаметно взглянул на Ступина. Тот нервно перебирал на столе бумаги.

Глава шестнадцатая

Раздвигая тайгу, рос поселок. Узкая «визирка» превращалась в широкую просеку, метр за метром уходящую в глубь густых зарослей. На просеке буйствовали бульдозеры, острыми ножами вгрызались в сплетения подлеска, подминали под себя деревья, проламывали лед на болотистых местах, напрягая силы, вырывались из плена и шли дальше... Не все было «по плечу» машинам, иные деревья в два обхвата они боязливо «оползали» стороной, и тогда в руках человека долго надрывно визжала пила, пока не раздавался треск и побежденный великан не валился в ряд с другими. Позднее на этом месте ухал взрыв, и широкий пень, только что крепко державшийся в окоченелой земле, щепками взлетал в воздух.

Люди, занятые работой, не успевали смотреть по сторонам, не замечали, как много уже сделали. Некогда любоваться плодами своих трудов, наступала весна, распутица. Надо торопиться.

Ступин почти не жил в поселке. И Заварухин все дни проводил на трассе, где одновременно с вырубкой леса укладывалась сланевая дорога. Пройдет еще немного дней, и без нее нельзя будет обойтись.

Трелевщиков не хватало, слань укладывали почти вручную. Людей тоже недоставало, немыслимо было подбирать бревна по всем правилам, подгонять по размеру. Поэтому слань получалась шаткой, горбатой, одно бревно толще, другое тоньше.

Однажды Петр Росляков пришел на трассу к Заварухину подписать документы. На обочине дороги, где раскачивал тяжелым ковшом экскаватор, он увидел девушку в темном комбинезоне. Она решительно направлялась в их сторону. Петр не сразу узнал в ней ту «танцорку», которую выручал в первомайский праздник. От высокой прически не было и следа. Голова туго повязана платком, на ногах резиновые сапоги.

— Хочу спросить вас, — не глядя на Петра, обратилась она к главному инженеру, — по-вашему, можно будет ездить по такой дороге? — кивнула на слань.

Заварухин явно растерялся, хотел что-то сказать, но вместо этого вытащил мятую пачку сигарет и закурил.

— А вы присыпьте ее потолще, и будет хорошо! — ответил за него Петр.

Лицо девушки вспыхнуло, она взглянула на Петра насмешливо и гордо.

— Мы не за тем сюда приехали, чтоб засыпать вашу вихлястую слань!

— Вам она нужна не меньше нашего, — улыбаясь, продолжал злить ее Петр. — «Дорога жизни!» Вы с нее полотно сыпать будете.

Заварухин строго взглянул на него, давая понять, что в защите не нуждается. Затем перевел взгляд на девушку и сказал сдержанно:

— А вы разве не видите, *как* мы ее укладываем?

— Вижу. Плохо, — тоже выразительно ответила она.

— Мы же работаем почти вручную!

— Очень интересно слышать это от *главного инженера*, — не скрывая иронии, проговорила девушка, и Петр увидел, как вспыхнуло лицо Заварухина. — До свидания! — не взглянув на Петра, сказала она и пошла, но не к обочине, а в сторону поселка, по просеке.

Заварухин резко повернулся и зашагал к бригаде. Петр постоял и последовал за девушкой — ему было как раз по пути.

В тот вечер Заварухин много курил, долго не спал...

Он и сам не был удовлетворен работой. Знал, что слaневая дорога укладывается не как положено. А что можно сделать при нехватке механизмов и людей? Что можно сделать из леса, взятого с той же просеки, где рядом и тонкие осины, и толстенные сосны и кедры? Ведь по правилам лесники должны выделить специальные делянки для подбора деревьев по диаметру... Но нет же пока такой возможности! Как бы, чем бы стали вывозить бревна с тех делянок на слань? Опять же нужны дорога и машины. Так чего же впустую лясы точить?

Ему была неприятна сцена на трассе. Он чувствовал, что выглядел в ней смешным. «Еще не хватает, чтоб этот мальчишка Росляков и для меня нашел выход из положения, — откровенно ревниво думал Заварухин. — Подбросил же он идею ледовой дороги Гурьянову!»

— У тебя неприятности, Валерий? — осторожно спросила жена.

— У меня все хорошо! — непривычно резко ответил Заварухин и повернулся лицом к стене.

А Петр в это время тоже не спал, вспоминая встречу с Галей и разговор, который они вели по дороге в поселок.

— Ух, и сердитая вы! — нагнал он медленно идущую девушку.

— Нормальная, — пожала та плечами.

— Можно узнать ваше имя? — деликатно справился Петр.

— Можно. Хотя вы его отлично знаете.

Петр усмехнулся:

— Вы самоуверенны к тому же.

— К чему же?

— И задиристы не в меру...

— А вы какую меру выдерживаете?

Петр чувствовал, что начинает злиться. Какое-то время они шли молча, потом он решил продолжить разговор.

— Вы давно ездите с этой мехколонной? — спросил и, махнув рукой, ответил сам: — Тоже знаю. Три года.

— Три года и два месяца, — рассмеялась Галина.

Петр немного расхрабрился и решил «поддеть» ее.

— А не рано ли вы с работы домой подались? Еще только четыре часа.

— И вы уже вообразили, что я подошла к вашему главному, а затем отправилась в поселок ради вас?

— Нет, почему же, — опять смутился Петр.

— Видите ли, у меня работа не только на трассе, — заносчиво продолжала девушка.

— Ах да! Большому начальству положено и в кабинете сидеть. Вы же старший мастер!

— Вот видите, вы знаете обо мне абсолютно все, — немедленно парировала Галина и, чувствуя себя победительницей, спросила мирным тоном: — Кажется, у вас в «Гореме» клуб достраивают?

— Да! И пол там будет без сучков и без задоринки. Можете смело надевать свои лаковые туфли.

Петр думал, что Галина обозлится, а она рассмеялась в ответ.

— Они действительно лаковые. Вы и это запомнили. А здорово вам тогда выдали туш!

— Почему мне? — запротестовал Петр.

— Потому что я попала впросак, а вы оказались рыцарем. Спасибо вам!

Петр промолчал, обдумывая, язвит она или нет.

— Правда-правда, спасибо, — обернулась к нему девушка.

Они пришли в поселок. Петр был уверен, что Галина пойдет в контору мехколонны, но она повернула в другую сторону.

— А вы все-таки домой?

— А почему вы решили, что я домой?

— Потому что... Ну... вон же ваша квартира, — кивнул Петр на один из серых щитовых домиков.

— Ах, вам и это известно? — расхохоталась девушка и, помахав рукой, ушла.

«Тоже мне, Беатриче, — ворочался в постели Петр. — Чересчур много шума из ничего».

Глава семнадцатая

Леха шел на дальний участок трассы с тяжелым рюкзаком за плечами. Ему нередко приходилось сейчас ремонтировать машины на месте — невозможно было

перегонять неисправные механизмы в поселок по раскисшему зимнику, по шаткой, неровной слани.

Он шел, переступая с одного толстого бревна на другое. Лесины шевелились, вздрагивали под ногами. Это был как раз тот участок, на котором мехколонновская Галина отчитала главного инженера Заварухина. Об этом Лехе рассказал Петр Росляков.

Но Леха знал уже и о другом: дальше слань пойдет лучше. Заварухин «поворочал мозгами», стал применять на трелевке тракторы, увел на трассу даже тот, который использовался в поселке для хозяйственных нужд. Это очень рассердило старшего прораба Михаила Козлова.

Теперь бригады подбирали бревна более или менее одинаковые по диаметру, увязывали, подтягивали трактором к нужному месту и там раскатывали. Стало легче. И работа пошла быстрее. Высвободилось время для того, чтоб и подстилку под сланевую дорогу делать толще, надежнее.

«Задала Галина перцу нашему главному, наступила пяткой на самолюбие», — усмехнулся Леха и сошел с лежневки — по обочине трассы идти было удобнее.

Мысли о Заварухине испортили настроение.

Никак не разузнает механик, встречается он с Клавдией или нет.

— По клюкву чего не идешь? — спросил ее как-то Леха. — Красным-красно на болотах.

— Ой, до клюквы ли? — отмахнулась Клавдия. — Вечером до койки еле ноги доношу. Устаю очень.

Леха в тот же день отправился на болото, проваливался по колено, зато горстями кидал в ведро крупную налитую клюкву, ел ее жадно, сначала морщился, крякал, а потом перестал ощущать ядреную кислоту сочной ягоды. Было совсем темно, когда вернулся в поселок и прошел в барак, где жила Клавдия. Толкнул дверь в комнату — никого... Постоял в темноте, соображая, куда она могла пойти. Котлопункт на замке, все давно отужинали.

«Так... так... Устала ты, значит. Еле до койки ноги донесла», — заволновался Леха и, включив в комнате свет, сел на единственную табуретку.

С тех пор как Наталью Носову назначили бригадиром сучкорубов и перевели километров за двенадцать на новый участок, названный Ершиком, Клавдия жила в ком-

нате одна, — Маруся ушла с Натальей. Нары были убраны, в углу стояла узенькая железная койка, прикрытая байковым одеялом. Над койкой — неизменная «Княжна Тараканова». Стол накрыт клетчатой скатертью, на полу домотканые чистые половики.

«Все удобства у тебя теперь, — оглядывая неприхотливый уют, разжигал себя Леха. — Двери настежь, заходи в ночь, в полночь, пожалуйста!»

Он резко встал, взял с полки кастрюлю, с верхом насыпал в нее клюквы, поддал ладонью по выключателю и вышел с ведром на улицу.

Тайга негромко шумела вершинами деревьев. Легкий ветер нес из ее чащоб запах цветущей черемухи и еще какой-то еле уловимый аромат. Лехе пришла в голову мысль, что зайди в тайгу шагов на тридцать — и укроет она тебя от всех глаз даже в солнечный день, а уж если ночью — считай, что на всем свете ты один. Или, скажем, вдвоем...

«Вот сяду и погляжу, с какой стороны придешь», — все больше волновался парень. Примостился на развороченной поленнице возле Клавдиного барака и уставился в таежную сумрачную мглу.

В поселке было тихо. Редко хлопнет дверь, донесется голос... Люди рано ложатся спать, чтоб набраться сил для завтрашнего дня.

Сидеть под луной и гадать, где Клавдия, было нестерпимо. Леха поднялся. Виляя хвостом, позевывая, к нему подошла Жданка, потерлась о колени. Она заметно потолстела — то ли от сытных объедков из котлопункта, то ли решила принести щенят.

«Надо Кольке клюквы насыпать», — подумал Леха и пошел по наметившейся улице, издали подозрительно вглядываясь в дом под кедром.

Там в окнах горел свет. Вот за белой занавеской колыхнулась тень... Леха не понял чья. Днем Заварухин был на трассе, перед уходом на болото механик видел его возле новой конторы. А вот где он сейчас?

Неожиданно дверь распахнулась, и главный инженер вышел на крыльцо.

Сел, закурил. Разглядел застывшего с ведром Леху и сказал:

— Добрый вечер!

Леха откашлялся и ответил:

— Здравствуйте.

И продолжал стоять — уйти сразу неудобно и разговоры разговаривать вроде ни к чему.

— За водой ходили? — спросил Заварухин, который тоже был смущен.

— Нет, по ягоды, — откликнулся Леха и почувствовал облегчение — сейчас угостит главного, тоже, наверное, не едал еще клюквы.

Подошел, поставил ведро на крылечко.

— Вы бы вынесли кастрюльку, я бы насыпал вам.

Заварухин взял щепотку ягод и стал по одной класть в рот. Спросил:

— Много ее на болоте?

— Красно!

— Надо поход за ней организовать, — причмокивая и морщась от кислоты, продолжал главный. — А то слишком однообразен наш рацион. Детям особенно нужны витамины.

— Я вот и иду... Кольке Прахову хочу ягод насыпать,— пояснил Леха.

На крыльцо вышла Зинаида Федоровна.

— Посмотри-ка, Зина, — живо обернулся к ней Заварухин. — Чудо какое таежное!

Женщина поздоровалась, присела возле ведра на корточки, взяла тонкими пальцами ягодку. Съела, охая от удовольствия. Взяла еще... еще...

— Прелесть какая... Прелесть какая, — приговаривала она.

— Спасибо, — сказал Заварухин. — Действительно, лучше малышей угостите. — И повторил: — Поход надо организовать. Поговорю со Ступиным.

Леха услышал шаги и голоса. Кто-то шел по доскам, приближаясь к дому под кедром. Галия и Клавдия... У Лехи отлегло от сердца.

На следующий день он заглянул в кухонное оконце:

— Ну, как она, клюква-то? Кислая?

— Так это ты насыпал? — удивилась Клавдия.

Леха обиделся.

— Нет, не я. Жена Заварухина специально для тебя на болото бегала, чтоб, значит, ты витамины получала.

И отошел от окошечка. Когда Клавдия подсела к нему, Леха, не поднимая головы, отчитал ее:

— Могла бы и сама побеспокоиться насчет заготовки витаминов. Клюквы вон сколько! Рябины прошлогодней! Рыбы в речке навалом, а ты нас одной тушенкой с макаронами кормишь.

Все еще сердясь, Леха взглянул на Клавдию. И всякое зло прошло. Глаза синие-синие... Лицо чуть похудело, загорело. Зубы еще белее стали.

— Ты где была вчера вечером? — спросил тихо, памятуя лишь о своих тревогах.

— Еще чего?! Думаешь, принес ягод, так можно и допрос с меня брать?

— При чем тут ягоды? — опешил Леха.

— Тогда и вовсе непонятно, почему ты мне вопросы задаешь, — безжалостно заявила Клавдия, одним махом перечеркивая все, что, казалось Лехе, все-таки было между ними.

— Вон как, — осторожно положив вилку на стол, проговорил механик.

— А вот так! — отрезала Клавдия.

Не доев, Леха вышел из котлопункта. Был уже почти у ремонтной площадки, когда Клавдия догнала его.

— За ягоды спасибо тебе... Не серчай, Леша, — сказала мягко, просительно.

Механик оглянулся, удивленный. Что за баба! На одной неделе у нее семь пятниц. А Клавдия за руку его взяла.

— Слушай-ка, Леша, — заглянула в глаза. — Чего это ты про витамины говорил? Заготовлять советуешь, да? А кого посылать?

Стояла перед ним как девчоночка, ждала ответа. Все, все понимал Леха. До смерти хотелось Клавдии поставить вопрос перед руководством, но так, чтобы никто не посмеялся, чтоб по-солидному все получилось. А Лехи она не стеснялась.

— Потребуй организовать две бригады: одну рыболовецкую, другую ягодную... — смягчился Леха. — Скажи Ступину, мол, витамины людям нужны до крайности... Рыба нужна и прочие дары природы.

Клавдия послушно кивала, а Леха вдруг развеселился: вот удивится Заварухин, когда узнает, что завкотлопунктом Клавдия Маклакова сама додумалась до того, о чем он, главный, собирался разговаривать с начальником поезда.

Вспоминая все, Леха не заметил, как прошел полдороги. И тут ему послышались голоса в тайге. Почему-то заволновавшись, механик стал пробираться сквозь подлесок, отводя руками колючие ветки.

Глава восемнадцатая

В это утро Заварухин на трассу не собирался. Накопились неотложные дела в поселке, кроме того, была назначена встреча с главным инженером мехколонны.

Выйдя из дома, Валерий Николаевич увидел Ступина. Тот кивнул на дверь, приглашая главного инженера вернуться в дом.

Зинаида Федоровна почувствовала, что мужчинам надо поговорить, ушла на работу раньше времени.

В квартире было почти пусто. И сейчас Заварухину вдруг стало неловко от этого необжитого простора.

— Напрасно вы с Бердадышем переехали, — не очень кстати сказал он. — Я же говорил, что нам с женой ни к чему такая площадь.

Ступин досадливо махнул рукой и опустился на табуретку. Заварухин присел на подоконник.

— Терпения больше нет... — проговорил Ступин. Главный инженер чуть приподнял брови.

— В точности так же, как и лесорубов, Росляков обманул зубного врача, — сказал Ступин и умолк, давая Заварухину возможность во всех подробностях вспомнить историю с лесорубами.

А было вот что. Петр Росляков, поехав в командировку, переманил из Шурдинского леспромхоза двух рабочих. Разрисовал им все не в меру: живем — не тужим, едим — за ушами трещит, домов понастроили, вечерами в клубе танцуем.

Те загорелись — стройка открылась большая, почему не попытать счастья?

— Заработок хороший?

— Спрашиваете!

— Участки под огороды дадите?

— А вы думали!

Те прибыли, прихватив с собой, по совету Петра, пилы. Поселили обоих в палатке.

А через неделю Заварухин выслушал вот такой разговор, состоявшийся в тесной бухгалтерии.

— Почему неправильно информировали людей?— выговаривал Ступин Рослякову.

Оба лесоруба, пришедшие за расчетом, мялись возле стола.

Петр пожал плечами:

— Не так уж и неправильно.

Подозвал приезжих к окну.

— Домов понастроили? — кивнул на освещенный солнцем поселок и загнул на растопыренной руке один палец.

— Не зна-а-ем, — протянул один из лесорубов. — Мы в палатке ночевали, у нас волосы пристывали к брезенту.

— У нас тоже, — бодро кивнул Росляков. — За ушами трещало?

Лесорубы не возражали. Ели они тут сытно.

— Участки ты нам под огороды обещал! — вспомнил один.

— Под огороды? Пожалуйста. Где желаете? Там? Или там? — кивал Петр во все стороны стиснутого тайгой поселка. — Сколько надо? — справился деловито.

— Ну и жох ты, парень, — рассмеялся один из лесорубов. — Это же не земля, а мерзлота настоящая.

— Хит-е-ер, — добродушно мотал головой его товарищ.

— Почему сказали людям, что кино у нас бывает, танцы? — продолжал допрос Ступин.

Лесорубы замахали руками.

— Да это, товарищ начальник, нам ни к чему. Мы ведь семейные.

— Вот сдадим клуб, и танцы будут, — сбросив с лица улыбку, напружинился Росляков.

— Тогда и обещайте. А врать вам никто не разрешал!

Работники бухгалтерии подняли головы, удивленно посмотрели на Ступина. А Петр резко повернулся и вышел из комнаты. Лесорубы, смущенные и виноватые, последовали за ним.

— Помните эту историю? — спросил сейчас главного инженера Ступин.

— Да. И я уже высказывал вам свое мнение по этому поводу.

Бог мой, размышлял Заварухин, можно подумать, что Ступин сам никогда не лукавит, не выкручивается. Да если говорить правду, его взаимоотношения с начальником прибывшей мехколонны с самого начала пошли по принципу «кто кого перехитрит». В голове шевельнулась смутная мысль — уж не опасается ли Ступин этого толкового парня? Ведь был же момент, когда и сам Заварухин испугался, что Росляков к нему, инженеру, сунется со своими советами и предложениями.

— Вот точно таким же образом он обманул и зубного врача, — услышал Заварухин сердитый голос Ступина и неожиданно рассмеялся.

— Ну, положим, это не зубной врач, а молоденькая фельдшерица, — поправил он, — но если от нее будет такая же польза, как от тех лесорубов, которые за неделю здорово обучили наших вальщиков и сами хорошо поработали, так и отлично!

— Вы, кажется, оправдываете поведение Рослякова?

— Да нет, — прикрыв рукой зевок, ответил Заварухин. — Но мне известно, что фельдшерица сначала поплакала, увидев вместо обещанного асфальта доски на грязи, а взамен зубного кресла — ящик из-под консервов. Но когда к вечеру выдернула с корнем десяток зубов у таежных жителей, успокоилась: работа есть.

— Вы удивляете меня, Валерий Николаевич.

Главный инженер внимательно посмотрел на Ступина и спросил коротко:

— Что вы хотите от Рослякова?

Начальник ответил изучающим взглядом.

— Вы хотите снять его, — сказал Заварухин и, следуя за ходом неожиданно нахлынувших мыслей, продолжал напористо: — Кого вы водили недавно по поселку? В сером пальто, в серой шляпе? Показывали ему все, а потом вон там, в кухне, поили чаем?

Ступин хотел что-то сказать, а Заварухин перебил:

— Вы хотите взять того человека на место Рослякова? — рубил он сплеча. Где-то про себя, отдельно от всего этого, думал, что ведет себя глупо, несолидно, но остановиться не мог.

Ступин смотрел на него холодно, не скрывая удивления и насмешки.

— Может быть, я уже лишен права принимать, увольнять, пересматривать кадры?

— Извините, — сдерживая себя, проговорил Заварухин. — Но согласитесь, уж очень несерьезные претензии предъявляете вы Рослякову.

Ступин молчал.

— Вы же сами бросили его на произвол судьбы, ничему не учили. А он еще совсем зеленый...

— Вот-вот, договорились, — торжествующе прохрипел Ступин. — Не дорос он до руководителя. И в чем дело, Валерий Николаевич? — резко повернулся он к собеседнику. — Неужели вы всерьез думали, что он будет здесь моим заместителем? Ведь я назначил его в р е м е н н о, из-за спешки... А сейчас, когда развернуты основные работы...

Заварухин вытащил сигарету, зажег ее и стал медленно ходить по пустой комнате из угла в угол. Он ни разу не взглянул на Ступина, словно забыл о его присутствии. Тот не мешал ему, видно решив, что главный инженер наконец одумается.

А Заварухин просто вспоминал... Еще в Айкашете его удивило, как быстро был решен вопрос о заместителе. Прежний по болезни ехать в тайгу не мог — и вот всплыла кандидатура геодезиста Рослякова.

Помнится, вернувшись в Айкашет из командировки, Ступин возбужденно рассказывал, что в Горноуральском тресте встретил своего бывшего сослуживца, что друг этот заведует там отделом и, слава богу, всегда поможет со снабжением, а если потребуется, подбросит и хорошие кадры.

Точнее было так: сначала— командировка в трест, потом — кандидатура Рослякова...

Выходит, в Айкашете все было сделано с дальним прицелом? Нарочно временно назначен на ответственный пост человек, которого потом будет легче «сковырнуть». Нарочно этот человек используется на побегушках, чтобы можно было обвинить его в неспособности решать серьезные вопросы. И поэтому придирки, придирки, придирки...

Заварухин наконец остановился перед Ступиным. Хотелось вот так прямо высказать начальнику свое отношение ко всей этой истории с Росляковым.

Ступин смотрел на него выжидающе.

Заварухин вдруг подумал, что Ступин ведь ничего прямо не говорил о снятии Рослякова. Так следует ли доверяться смутным ощущениям, может быть, даже домыслам, затевать конфликт с руководителем стройки в самом начале большой работы? И он только спросил негромко:

— Неужели вы не понимаете, как этим людям нужен свой командир? Свой!

И хотел пояснить мысль — этим людям нужен командир, понимающий такую необычную жизнь и принявший ее на долгие годы. Хотел самокритично заявить, что, например, он, Заварухин, ведь тоже здесь временно. А сам Ступин? Хотел напомнить ему, как часто меняется руководство в таких коллективах. Именно потому, что приходят люди со стороны и нередко с явно корыстными помыслами.

Но Ступин вдруг заговорил с язвительной усмешкой.

— «Эти люди», «свой командир», — почти передразнил он главного инженера. — А вы что же, отделяете себя от них?

Заварухин вспыхнул, сказал резко:

— Не истолковывайте мои слова по своему усмотрению. Я с уважением отношусь к этим людям, я...

— Так почему же эти люди желают иметь своих командиров? — неожиданно весело спросил Ступин и, встав, похлопал Заварухина по плечу: — Эх, Валерий Николаевич, Валерий Николаевич... Я шел к вам посоветоваться, а вы... — Он вздохнул и продолжал доверительно: — Осенью и зимой столько к нам народу нахлынет! Войдите и в мое положение. Ведь у ребят никакого опыта!

«Видимо, и Козлова тоже...» — пронеслось в голове Заварухина.

Он приготовился возражать. А поселок, поднятый из-под снега? А колодцы, вырытые с таким трудом? Да все, все! С самого начала, с самого первого домика. Ведь совсем недавно на этом месте стояла тайга. Так как же — никакого опыта?

Но Ступин быстро спросил, явно желая примириться:

— Вы сейчас в мехколонну, Валерий Николаевич?

— Нет.

— А куда?

— На трассу.

— Вчера вы говорили...

— Да! А сейчас решил — на трассу!

Он шел по просеке, взволнованный, рассерженный, недовольный собой, и не сразу понял, что женщина, идущая с трассы в поселок — Клавдия.

Это была их первая встреча на стройке лицом к лицу, потому что оба они всячески избегали встреч.

— Как ты здесь оказалась? — первым пришел в себя Заварухин.

— Хлеб бригаде носила...

Заварухин быстро огляделся. Ему показалось, что из поселка кто-то вышел на просеку.

— Уйдем с вырубки!

Спрыгнул со слани, пересек трассу.

Клавдия, озираясь, побежала за ним.

Они раздвигали руками колючий шиповник, перелезали через сухие пустотелые стволы. Наконец Валерий встал возле уродливой коряги, подул на нее, провел ладонью.

— Здесь можно присесть.

Ноги у Клавдии дрожали, она опустилась без сил. Валерий неосознанно сел рядом, сразу почувствовав ее тело.

— Нет!..

Клавдия хотела вскочить, он против своей воли удержал ее. Высвободил руку, и сильное плечо оказалось под щекой Клавдии. Заглянул в глаза — синие, глубокие, потемневшие от волнения.

— Ну вот и все, Клава...

Клавдия с силой отвела горячие руки и уставилась на зелень пихтача.

Вершины его колыхались.

Вот заросли раздвинулись, и в зеленой раме появилось лицо Лехи-механика.

Оба мгновенно вскочили с коряги, отпрянули друг от друга, глядя на побелевшего парня.

Пихтач сомкнулся, и Клавдия услышала, как ломаются под тяжелыми шагами сухие ветки.

Какое-то время они стояли молча, но вот Клавдия приложила ладони к похолодевшим щекам.

— Господи, как я испугалась! Я уж думала — кто идет, а это Леха.

Опустилась на землю, обняла руками корягу и рассмеялась легко.

И, удивительное дело, не осталось ни страха, ни напряженности. Наоборот, будто встала каменная стена, укрыла ее от всего света. Там за стеной, идет к трассе Леха. Никому не скажет, не выдаст, и если встретит кого — уведет в сторону, чтобы не увидели, не узнали.

— Валерий! — протянула обе руки к нему: — Как я истосковалась по тебе! Да не озирайся ты, не бойся, иди ко мне! Это же Леха...

Глава девятнадцатая

Наталья Носова села на нарах, открыла глаза, но тут же зажмурилась от едкого дыма, заполнившего палатку.

— Пожар?

Спрыгнула, метнулась к брезентовой двери, запнулась за что-то и упала на земляной пол.

— Да что ты, в самом деле! — услышала сердитый голос Маруси. — Ошалела, что ли?

Наталья хватала у двери ртом чистый воздух, все еще ничего не понимая.

— Горим? — бестолково спрашивала она.

— Горим, — кивнула Маруся, переворачивая на полу лениво тлеющую телогрейку.

— Моя, что ли, телогрейка-то? — рассердилась Наталья.

— Не твоя, — успокоила Маруся и все переворачивала залоснившуюся одежку, чтоб больше было от нее дыму и копоти.

— А я думала — пожар. — Наталья вышла из палатки.

Залитая солнцем тайга была полна комариного звона. Тысячи злых паразитов толклись у брезентового входа, не решаясь влететь в дымное отверстие. Перехитрили их люди — работают ночью, а спят днем. Как только спят в этом черном аду!

Комары отпрянули на миг, дали Наталье возможность сделать от палатки несколько шагов и враз накинулись на женщину.

— Да гады же вы гадючие! — ругалась Наталья и хлестала, хлестала вокруг себя березовой веткой.

— Иди сюда!

Метрах в десяти от палатки пылал костер. Около рогатины с ведром сидел высокий парень, манил к себе Наталью. Та бросилась под укрытие спасительного дыма, показала кулак серой летучей стае:

— Нас-то в тайге не было, так кого вы ели, сволочи?

— Медведей, — мотая головой, закатился веселым, совсем детским смехом парень. Похохотав, принялся помешивать в ведре, и лицо его стало сосредоточенным, серьезным, будто вершил он очень важное дело. Вот вынул палку, подул на нее, лизнул.

Вася Ракушкин был первым, кто пришел из Шурды через болота наниматься на стройку. Почти сразу стало ясно, что парень «не в себе». И документы это подтверждали.

Хохряков подержал в руках его бумаги, да и вернул: добро бы уж свой придурок, — куда его денешь? — а со стороны брать...

Вася Ракушкин вышел из конторы, сел на крылечко, да и заревел в голос. Так заревел, что из всех кабинетов повыскакивали люди. Вышел и главный инженер Заварухин, прибежал Хохряков.

— Ревешь? Ну, братцы! — развел он руками.

Заварухин задумался над плачущим парнем — в самом деле, здесь ведь не богадельня.

— Может быть, вам в Шурде поискать работу? — обратился он к Васе, но тот уткнулся лицом в круглые свои колени, расплакался еще горше, и женщины из бухгалтерии прослезились.

Как раз в это время и подошла к конторе Наталья Носова — уставшая, в сапогах, измазанных грязью до самого верха. Увидела на крыльце плачущего человека, испугалась.

— Что стряслось у нас?

Елена Прахова тихонько рассказала ей все.

«Чего в нем ненормального? — подумала Наталья, быстро оглядев крупную фигуру Васи Ракушкина. — Ему уж лет двадцать пять есть», — прикинула она и почему-то заволновалась.

А Хохряков, присев к Васе на лесенку, говорил:

— Ты послушай-ка, милый человек, у нас ведь стройка. Механизмы кругом. Вон бульдозер ходит, экскаватор землю роет. Того и гляди, пришибет тебя.

«Парень как парень, а он булькает ему, словно ребенку», — вдруг осердясь, подумала Наталья.

Вася вытер слезы и посмотрел вокруг.

— Где? — спросил, всхлипнув.

— Что где? — растерялся Хохряков.

— Где машины-то ходят?

Хохряков крякнул смущенно, женщины из бухгалтерии горестно переглянулись, а у Натальи похолодело внутри, будто оборвалась тоненькая ниточка, через которую поступало к сердцу тепло.

Заварухин повернулся, чтоб уйти с крыльца.

— Определите его к нам кашеваром, — неожиданно для себя громко сказала Наталья. — Пусть идет на Ершик.

Ершик — это двенадцать километров трудного пути по неширокой дороге, которую пробивали, уминали, тянули сквозь тайгу. Ершик — это вода из ямки, процеженная сквозь платок, палатка с нарами в два яруса, «поросся», коптилки... Ершик — это все сначала, это первый отдаленный прорабский пункт, заброшенный в тайгу. От него надо рубить трассу навстречу своим, а потом в другую, шурдинскую, сторону — к огромному болоту, улегшемуся на пятнадцати километрах.

Недавно на Ершике и палатки не было. Отработав смену, люди шли домой, оставляя на посту лишь притихший трактор, топоры да пилы. Шли долго, меся ногами оттаявшую землю. До́ма, в поселке, от усталости не поевши, валились спать, а утром снова в дорогу, к этой таежной точечке, уже названной «разъездом Ершик». Прорабом туда был назначен Максим Петрович.

Однажды бригадир сучкорубов Наталья Носова сказала ему:

— Ставьте палатку. А то женщины сбегут с трассы.

— Соорудим, — почесал свои мохнатые брови Максим Петрович и пошутил: — А то что за Ершик — зацепиться не за что!

— ...Нам нужен кашевар, — повторила Наталья. — Женщины отказываются волочить на себе продукты, а потом сидеть у костра и варить похлебки... На трассе хотят работать.

Заварухин посмотрел на парня, который перестал плакать и теперь аккуратно складывал носовой платок, разглаживая его на колене. «Ступин не разрешил бы взять такого. Ни за что! Но в конце концов можно попробовать...»

— Можно взять, — услышал Заварухин за своей спиной. — Ведь кашу же варить, а не лес валить.

Взглянув на Петра Рослякова, ответил быстро, досадливо:

— А я разве возражаю? По-моему, я ни слова не сказал.

Так Вася Ракушкин попал на Ершик. Оказался человеком услужливым, варил на костре немудреные таежные обеды и ужины, иногда уходил в тайгу и приносил женщинам-сучкорубам огромные букеты. Было странно видеть в молодой зелени чуть сморщенные красные ягоды шиповника и рябины, которых в тайге так много, что птицы за зиму не успевают оклевывать. И вот получалось такое чудо — зелень на ветках нынешняя, а ягоды прошлогодние.

Как-то Вася вернулся из похода, держа на руках большой свиток бересты. Скороспелый «туесок» был полон ягод.

— Много принес, ешьте теперь, — и рассмеялся по-ребячьи.

Наталья думала с болью и надеждой: может, обижали его там, где он жил, смеялись, не жалели, а здесь, в тишине, отойдет Вася и станет человеком. Ну чего в нем ненормального? Рогулину в тайге выбрал, приладил к костру — все правильно сделал. Обеды варит — не пересаливает. Смех вот только...

При людях Наталья держалась с ним строго, по-бригадирски покрикивала, просила сделать одно, сделать другое, но всякий раз только то, что он может исполнить в точности. Хотелось ей, чтобы все видели в Васе нормального человека.

Однажды Василий без причины засмеялся во время обеда при Ступине. Тот долго и подозрительно смотрел в спину Ракушкина, которого Наталья немедленно послала куда-то, хотел, видимо, спросить, откуда взялся такой на стройке, но Наталья хмуро заговорила:

— Нужен колодец. Сколько можно воду из лунок пить?

Сучкорубы и вальщики шумно поддержали ее, и Вася был забыт. Ступин пообещал послать на Ершик рабочих — колодец действительно нужен.

Женщины не догадывались о тайных надеждах Натальи, но не могли не заметить и перемены в ней. Знали ее злоязычной, ехидной, а теперь она вдруг подобрела. Както вернулась одна женщина из поселка, пожаловалась:

— Запил мой мужик на свободе. Не знаю, что и будет.

Раньше бы Наталья посмеялась только — мол, погоди, и не такого дождешься от своего мужика. А теперь — нет.

— Лучше тебе, Серафима, домой вернуться, — подумав, посоветовала она. — Там работай.

И та послушалась, ушла с Ершика в поселок.

Ожидая для Васи добра от людей, Наталья сама стала к ним добрее.

И все проверяла, проверяла Васю...

Вот и сейчас, спасаясь у костра от комаров, испытующе смотрела на парня. Она спросила, кого ели паразиты, когда их, строителей, в тайге не было, и Вася ответил — медведей. Ведь правильно же сказал. Кого еще тут есть, когда за десятки километров кругом — ни души.

Ответил правильно, а рассмеялся опять по-своему.

— Вася!

Парень перестал мешать палкой в ведре.

— Почему ты смеешься так, Вася? — негромко спросила она.

Парень задумался.

— А как?

— Понимаешь, — она быстро привстала у костра на коленях, — понимаешь, по-глупому как-то, Вася, будто пацаненок ты маленький, а не мужик...

Притронулась к его руке и, глядя ему в глаза, сказала внушительно:

— А тебе ведь уже двадцать девять лет стукнуло, Вася. Ты только чуть помладше меня.

Снова села у костра, ослабила платок.

— Я ведь еще молодая, — сказала тихонько. — Мне всего только тридцать два годика.

Вася слушал ее внимательно, на гладком безмятежном лбу пролегла неглубокая морщинка.

— Ага, молодая ты, — сказал и очень долго, в упор разглядывал ее.

Наталья задержала дыхание. От костра жаром полыхнуло на ее круглое, искусанное комарами лицо.

— Ну, да хоть и не больно молодая, а все же и не перестарок, — благодарно глянула она в открытые светлые глаза парня.

Вася принялся мешать в ведре палкой. И снова лицо его стало серьезным, сосредоточенным.

— Ты не сказал, почему смеешься так...

— Как?

— Говорю ведь, как пацаненок, — чувствуя, что внутри опять все обрывается, глухо проговорила Наталья.

Вася скривил крупные губы, потом откинул голову, замотал ею и раскатился в детском смехе.

Наталья вскочила на ноги, сделала шаг и, размахнувшись, со всей силой ударила ладонью по запрокинутой, трепещущей от смеха белой шее.

И хотела уйти. Но вдруг увидела глаза Василия. Они смотрели удивленно, смятенно. Приоткрытые губы вздрагивали не то от недавнего смеха, не то готовые сложиться в плачущую гримасу.

Снова шагнула к нему, обхватила ладонями его полное лицо, вгляделась в испуганные ребячьи глаза, не замечая, как катятся и катятся у нее по щекам слезы.

— Вася, дурень ты мой, — прошептала Наталья и пошла от костра в тайгу, глухо постанывая, поохивая, как могут это делать только женщины от великого своего бабьего горя.

Глава двадцатая

Утром на вертолете прибыла почта. Хохряков сидел в своем кабинете и читал шурдинскую городскую газету. Оказывается, еще две недели назад в ней была помещена корреспонденция о строителях железной дороги, в которой рассказывалось, как в тяжелейших условиях мужественные люди начали свое наступление на тайгу. Корреспондент Сопелкин (Хохряков вспомнил его, белобрысенького, остроглазого) очень красочно описал, как рыли

первый колодец, валили на трассе первые деревья, укладывали первые метры слани...

Внизу, под статьей, — снимок на две колонки. Ислам Шарипов намазывает раствор на кирпич. Сбоку виднеется чья-то рука. Видимо, снимок оказался несколько великоват, и его обрезали. Хохряков был уверен, что это рука Галии. Большая, сильная, она спокойно лежала на стенке печи, будто указывая Исламу место, куда нужно класть новый кирпич.

Хохряков наклеивал вырезку из газеты в альбом, когда в кабинет вошел Ислам Шарипов и возбужденно сообщил:

— Бабка наш помирать надумал. Сыну ему нада. Уфа.

— Так ведь у нас врач есть, — сказал Хохряков.

Ислам замахал руками.

— Галия привел врач, бабка гнал, ругался.

— А начальник тебе чего сказал?

— Трахтур нет, вертолет нет! — у Ислама затрепетали ноздри, и Хохряков успокоил его:

— Ну ладно, ладно. Пойду схожу к нему сам.

Вернулся очень быстро. Сел, закурил, смущенно поглядывая на Шарипова.

— Ты у нас такой передовик, а в сложной ситуации не разобрался, — начал осторожно и, так как Ислам не ответил, продолжал: — Отлично ведь знаешь, что каждое место в вертолете на вес золота, что сейчас это у нас единственный вид транспорта. И продукты на нем, и хлеб, и запчасти, и люди.

— А бабка наш не люди?

— Да не горячись ты. Знаешь ведь, что я так не думаю. Только вполне можно ей и в наших условиях вылечиться. Врач есть, лекарства имеются.

— Так ведь бабка помирать хочет! Дома! Уфа!

— Ну, братцы!

Хохряков отвел глаза. Что еще мог сказать он этому человеку, глубоко уверенному в своей правоте: бабка хочет умереть на родной земле, у сына. Разве мыслимо не выполнить последнюю волю старого человека?

— Ну ладно, — качнул головой Хохряков. — Обойдем Ступина. Сегодня Петр Росляков по делам в Шурду летит.

Ислам взглянул на Хохрякова с благодарностью, но без чувства какой-либо вины перед ним.

— Бабка сухонькая, весит немного, — вслух размышлял Хохряков.

— Совсем пустяк! — радостно соглашался Ислам.

Он встал, чтоб уйти, но Хохряков задержал его.

— Посмотри-ка...

Ислам взял газетную вырезку. Прочел заголовок — «Разбуженная тайга», потом долго разглядывал снимок.

— Ликсеич, дай мине, — сказал просительно.

— Возьми вон целую газету, а это я для альбома вырезал.

Ислам заторопился домой.

— Пойду, наш бабка покажу.

— Бабке? — переспросил удивленный Хохряков.

— Ага. Ай рад будет бабка, ай рад! Помирать не захочет.

— Так, может, и места в вертолете не надо? — решил поддержать шутку Хохряков.

— Ни-и, — потряс челкой Ислам. — Нада места, Ликсеич.

Хохряков вздохнул, потом спросил с великим любопытством:

— И ты, значит, прочитаешь ей заметку, и она будет рада?

— Канешна. — Ислам снова присел на краешек стула. — Бабка всегда ругал меня и Галия: работай карашо, работай карашо, чтоб начальник сказал—ай, какой молодец, чтоб газетка писал — ай, какой человек!

— Да? — еще больше удивился Хохряков.

...Вертолетная площадка находилась в километре от поселка. Нужно было пройти немного по трассе, а потом свернуть вправо по узкой дороге, промятой бульдозером. На небольшой «плешинке» в тайге стоял щитовый домик, в котором какое-то время хранили продукты, почту и другие грузы, прибывающие с шурдинской базы и из Горноуральска.

Всеми полетами-перелетами ведал экспедитор, но он был болен, лежал в домике, где ему выделили комнату, и от нечего делать через каждые полчаса мерил температуру.

На «аэродроме» командовал Петр Росляков. Женщины обступили его, просили взять в вертолет. Одна из мехколонновских молодушек уговаривала особенно горячо.

— Нет! — не соглашался Петр. — Сегодня не полетите.

«Пассажиры» вдруг расступились, пропуская бульдозер. Из кабины выскочил Ислам, откуда-то сзади подошли Галия и Хохряков и помогли выйти старой бабке Шариповых.

Петр вопросительно глядел на эту процедуру. Ему показалось, что Хохряков избегал встречаться с ним глазами. Без меры суетясь, усаживал бабку на широкий пень.

А Ислам широко улыбнулся и сообщил Петру:

— Наш бабка помирать захотел. Сыну ему нада. Уфа.

Глава двадцать первая

По приезде в Шурду Петр помог Исламу устроить бабку в привокзальной медицинской комнате — до поезда, а сам пошел к вертолетчикам, с которыми надо было перезаключить договор. Начальника на месте не оказалось — улетел в Горноуральск.

— Придете завтра, в пятницу, — сказали Петру.

Вторую половину дня Петр провел у Гурьянова. Здесь непрерывно гудел телефон, приходили и уходили люди, как в калейдоскопе менялись картины, ситуации — порой значительные, порой неожиданно смешные, — от которых у Петра оставалось ощущение взбудораженности большого края, маштабности замыслов. Здесь он острее чувствовал и свою причастность к общему делу, яснее видел маленькую таежную точечку — поселок Кедровый. Пусть он заброшен далеко за болота, в глухие места, пусть пока не слышно его голоса в растревоженном эфире — Кедровый живет и как магнит тянет к себе отсюда дороги, телеграфные столбы, провода.

— Ну, как там Кедровый? — спрашивают у Петра, и музыка этого слова звучит здесь по-особому. Кедровый... Ведь это уже для карты, это уже навсегда.

Люди входили в кабинет Гурьянова кто торопливо, кто робко, одни быстро исчезали, другие прочно устраивались

на стульях, давая понять, что будут настойчивы в своих требованиях... Кто-то говорил тихо с достоинством, кто-то заискивающе, а иной и кричал для пущей убедительности. Кричал посетитель, звонил телефон...

Будь на месте Гурьянова заказчик Клестов — он бы добавил шуму, раскрутил этот калейдоскоп на всю катушку. А Гурьянов, в общем-то успевая в этом движении, мог вдруг задержать какую-то картинку, не дать ей смениться быстро и бесследно.

Вот у его стола парень в выгоревшей клетчатой рубахе. Просит кран на три часа. С кранами туго. Гурьянов отказывает. Парень не ожидает такого. Хмыкает, оглядывает присутствующих — дескать, мне отказывают! Участия ни у кого не обнаруживает, какое-то время молча смотрит на Гурьянова, потом обоими кулаками бьет себя в грудь:

— Да мы же нефтяники!

И опять оглядывает всех: уловили?

— Соседи ваши! Километров двести-триста отсюда. Совсем рядышком!

В это время звонит телефон, и пока Гурьянов разговаривает, парень рассерженно смотрит в ноги, плечи его обвисают.

— Как дела у вас? — положив трубку, с интересом спрашивает Гурьянов. — Вовсю бурите?

В парня будто жердь вставили.

— А как не бурить, когда ухом к земле приложиться невозможно! — снова победно оглядывает он всех. — Аж фырчит, на волю просится.

— Понятно. Запасы нефти миллионные.

Парень хмыкает громко и снисходительно:

— На миллионы не считаем!

— А как же? — улыбается Гурьянов.

— Официально в ходу десятки миллиардов, — небрежно поясняет парень и «подбрасывает» так, между прочим:—А газ в наших местах триллионами исчисляется.

Гурьянов, продолжая улыбаться, вырывает листок из блокнота, задумчиво крутит в пальцах карандаш. Парень для верности «подмазывает»:

— Вот и вы свою магистраль через тайгу, через болота тянете. Великое дело! Магистраль, правда, лесовозная...

— Не только, — возражает Гурьянов. — И вам она необходима. — Он пишет на листке распоряжение, парень почти выхватывает бумажку.

— Спасибо, конечно. — Уже от двери приглашает: — К нам приезжайте, мы не то что кран, вертолет предоставим в ваше пользование. Привет!

— Хвастун, — сказал Петр, когда за тем захлопнулась дверь.

— А чего хвастун? — сердито отозвался леспромхозовец, закрепившийся на стуле возле стены. — Так оно и есть. И вертолеты у них, и тракторы, и прочие вездеходы. А тут пилы не допросишься.

— Бахвальства хоть отбавляй! — неодобрительно высказался еще кто-то.

Гурьянов привстал, выглянул в окно, неприметно улыбнулся. Петр проследил за его взглядом. По улице, забыв всякий форс, не шел — летел к станции парень в клетчатой рубахе. Кран-то ему дали всего на три часа!

Гурьянов уже читал срочное письмо, принесенное секретаршей, звонил по телефону, отдавал распоряжение выслать пробу воды из колодца на Морошке, выслушивал требования лесников, просьбы мехколонновцев...

К концу рабочего дня кабинет опустел. В это время каждый норовил оказаться на своем объекте, в своей конторе, чтобы «подбить бабки», «подкрутить гайки» — распорядиться насчет завтрашнего дня.

— Ночевать здесь будешь? — спросил Гурьянов.

— Здесь, больше негде.

— Ну, как там Кедровый?

— Живет, — Петр погладил подправленные в парикмахерской усики. — Начальника мостопоезда, слышал, сняли?

— Поздно сняли.

Гурьянов, отдыхая, машинально набросал на листе бумаги контуры реки, перекинув через нее мост, уложил рельсы...

— А ледовая дорога имени товарища Рослякова служила до последнего дыхания, — улыбнулся Петру.

И рассказал, как в самом конце марта лопнул под груженой дрезиной лед и она еле упятилась обратно. После этого звенья дороги цепляли на крючья с тросами и вытягивали тракторами на оба берега.

— Плохо нам сейчас без нее.

— У нас Клестов недавно был, — довольный, но смущенный похвалой, переменил тему Петр. — Шумел!

Гурьянов улыбнулся, повел свою дорогу дальше, за мост. Уложив последние шпалы, карандаш забегал, нанося беспорядочные штрихи. Петру понятно — это болото, пятнадцатикилометровое чудовище, которое легло на пути к Кедровому.

— Вырезку торфа пробовали? — спросил Петр.

— Пробовали. Не будет вырезки. Полетел проект. Один ковш возьмем, другие десять заплывают.

И сообщил, какое решение принято: за зиму насыпать по болоту тропу из асбестовой крошки — она не смерзается, прижать торф к минеральному дну. По тропе уложить путь, по нему возить грузы и делать постоянную насыпь, поднимая ее до нужных габаритов.

— Здорово! — сказал Петр. — Это дешевле и экономичнее. Но зачем тогда лежневку строите?

В дверь деликатно постучали.

— Кто там? Пожалуйста!

Вошел невысокий человек в хорошо отутюженном синем костюме, белой рубашке с темным галстуком. Волосы были аккуратно подстрижены, поблескивали, благоухая одеколоном.

Он быстро, вежливо поклонился и направился к столу.

— Здравствуйте! Я председатель вашего подшефного колхоза Звяньгин, — протянул руку Гурьянову. — Чтобы не задерживать внимания, доложу предельно кратко.

Однако стал говорить подробно и даже красочно. Рассказал, что на самом лучшем пригорке в их колхозе выросла большая светлая школа, готовая принять в свои просторные классы детей. Но беда в том, что ходить в школу придется по грязи, дороги в колхозе, к сожалению, пока недостаточно благоустроены... Потом стал рассказывать про новую больницу, про фермы, про столовую!.. Улучив момент, Петр с усмешечкой подмигнул Гурьянову: мол, занятный экземпляр, явление номер два.

А Гурьянов терпеливо слушал, глаза его, обычно задумчивые, выражали живое любопытство. Когда посетитель на секунду перевел дыхание, он спросил:

— А чего вы хотите?

— Щебенки, — коротко и вежливо сообщил председатель и даже сообщил место, откуда желает ее вывезти: за Морошкой, недалеко от колхоза, шоферы Гурьянова сва-

лили несколько машин грунта — не смогли проехать, куда им было надо. Этой щебенкой можно умостить подходы к школе, и очень вероятно, что останется еще и...

— Сколько вы хотите?

— Машин восемь, может быть, десять,— быстро привстал и снова сел председатель.— Дети будут благодарны своим шефам.

Гурьянов написал распоряжение, и Звяньгин торопливо вышел, вежливо кивнув на прощание.

— Болтун ваш подшефник,— с некоторой осторожностью заметил Петр.

— Наш колхоз не за Морошкой,— улыбнулся Гурьянов.— А фамилия нашего председателя — Скворцов.

Петр опешил.

— А это кто же?

— Предприимчивый хозяин. Рядом — большая стройка, почему не урвать кусочек?

— Вот жук!

— Пусть мостит свои дорожки...— опять уже задумчиво продолжал Гурьянов. — Что стоят эти десять машин брошеного грунта по сравнению с тем, сколько забьем его в болото...

И, вспомнив прерванный разговор, внимательно посмотрел на Петра.

— Вот ты спросил меня: зачем лежневку на болоте строю, раз решено асбестовую тропу засыпать.

Петр кивнул. Гурьянов густо зачеркнул свой рисунок на бумаге.

— Больно умные все стали,— проговорил, отвечая на какие-то свои мысли.— На пути нашей дороги три больших болота,— несколько даже сердито посмотрел он на Петра.— И у каждого, как у бабы, свой норов, не знаешь, как подступиться. Под одним вон река протекает.

— Ну? — удивился Петр.

— Вот тебе и ну. А ты говоришь, зачем лежневка. Поди угадай, чего будет надо, чего не надо.

Гурьянов посмотрел на карту новой магистрали, висевшую на стене, и вдруг рассмеялся, откинулся на спинку стула, потянулся с хрустом.

— Между прочим, то болото, под которым река течет, — на вашем участке, за Кедровым.

И добавил совсем по-мальчишески:

— Мне оно — до лампочки!

На улицу вышли вместе. Солнце было уже невысоко, но грело жарко. Грузовые машины мягко катились по дороге, увязая в шурдинском песке. Над запыленными придорожными лопухами и полынью порхали бабочки, в палисадниках ярко алели высокие мальвы, за стеклами в окнах домов красовались на белом тюле пестролистые бегонии, малиновые герани.

— Куда ты сейчас?

— Зайду за Исламом, он на вокзале с матерью. И пойдем перекусить.

— Ну, до свидания,— пожал руку Гурьянов.— Заезжай, что-то редко стал бывать у нас. А я рад видеть тебя.

Глава двадцать вторая

Петр с Исламом наелись пельменей и теперь бродили по городу. Возле одного дома Петр остановился. «Пролетарская, 16. Глазырин М. К.»,— прочитал на табличке. Так это же тот куркуль, который предлагал Лехе устроить у него перевалочную базу!

— Ислам, посиди на скамейке, а я зайду к хозяину.

Во дворе снял ботинки, поставил у чисто вымытой лесенки и поднялся на крыльцо. Дверь в сени была притворена, на одном кольце болтался замок с откинутой дужкой.

— Хозяин дома?

Никто не ответил. Вошел в кухню. Заглянул в комнату, устланную новыми половиками, а потом и в спальню. Там стояло две кровати. Есть где отдохнуть, подходяще для перевалочной базы. В кухне Петр теперь уже по-хозяйски осмотрел печь, полати — зимой тут будет отлично.

Под навесом Петр увидел большую, только что просмоленную лодку, и сердце ёкнуло. Вот это лодочка! Ощупал ее борта — уже подсохли, похлопал ладонью по крутым черным бокам. Стал рассматривать, как сделана. Он приглядел возле Кедрового хорошую осину, вымерил ее. В августе возьмет отпуск, дней за десять сделает лодку— и айда по таежной речке!

«Может, хозяин в огороде?» — подумал Петр и шагнул к маленькой калитке, вырезанной в стене под навесом.

Багряный свет заката мягко залег в буйно разросшиеся грядки, подсвечивал шершавые огуречные листья, кудрявую гриву моркови, распластанную широкую зелень капусты. Петр остановился в удивлении. Как все растет! Сравнил это буйное торжество с тощей порослью на квадратиках промерзшей таежной земли. Наклонился над грядкой, развел листья с редким желтым цветением, и — здрасьте! — огурчик. Маленький, мохнатый, как гусеница. Осторожно сорвал его, рассмотрел, куснул. Черт возьми, проглотить нечего, а аромата сколько!

Выдернул морковку, обтер свекольными листьями, схрумкал. Хоть бы скорее она росла — вот бы для новых яслей в Кедровый завезти этой вкуснятины. Ребятишки давно уже просят у матерей не конфету, а картошку да репку.

В углу огорода стояла баня — старая, покосившаяся. Крошечное окошко вперилось помутневшим взглядом в лопухи и крапиву, будто силилось рассмотреть, кто это ползает тут в зелени, кто копошится целый день. В темные морщинистые щеки бани уперлись два врытых в землю чурбана, сами уже потрескались и потемнели от натуги и времени, того и гляди рухнут. А на них падет костьми и сама баня.

Никак не вязалось это убогое строеньице с добротной, ухоженной усадьбой с крепкими заборами и сараями. Казалось, оставили его в память о чем-то былом или просто забыли: стоит себе в сторонке, никому не мешает.

Низкая дверь была приоткрыта. Наклонив голову, Петр зашел в предбанник, а затем, не разгибаясь, дальше.

Кто-то маленький метнулся в угол. Мальчишка, что ли? Ничего не видно — сумрачно в бане от черных стен.

— Кто тут есть? — спросил Петр.

Ему не ответили. Но теперь он и сам присмотрелся. У стены с окошечком стояла койка. На ней под ситцевым лоскутным одеялом лежала старая женщина. Петр нагнулся и увидел, что она смотрит на него со страхом, почти с ужасом.

— Эй, кто тут еще есть? — громко сказал Петр и вовремя протянул руку: ладони натолкнулись на что-то теплое, трепещущее. Петр осторожно отвел это от себя, вгляделся.

Девушка... Глаза от страха округлились. Рот открыт... Не дышит совсем. И нечего ждать, чтоб заговорила.

— Минуточку,— сказал Петр, чуть ослабив руки, охватившие хрупкую фигурку.— Ты чего испугалась? Съем я тебя, что ли?

Девушка не ответила, сомкнула губы и тонкими пальцами стала отдирать от себя горячие ладони Петра.

— А-а,— догадался тот и выпустил девушку.— Да не бойся ты, — нахмурился он.— Никто тебя не тронет.

И сразу приступил к делу.

— Это кто? — похлопал рукой по жиденькой спинке кровати.

— Бабушка Мотя,— пролепетала девушка.

— Так. Чья мать?

— Хозяйкина...

— Совсем хорошо. А ты кто? Хозяйкина дочь?

— Нет... Я... Мой папа...

— Ясно... Твой папа Глазырин М. К. женился на дочери бабушки Моти. Так?

Девушка кивнула.

— И ты, стало быть, хозяйкина падчерица, — продолжал Петр.— Сказка, да и только, как определил бы наш дед Кандык! Идем дальше. Бабушка Мотя больна?

— Ее парализовало.

Петр, хмурясь, посмотрел на больную. Его уже и так удивляло, что она ни разу не шелохнулась.

— Давно она... такая?

— Второй год...

Петр помолчал, обдумывая все это.

— А почему лежит в бане? — задал свой главный вопрос.

Ответа не получил. Девушка стояла, низко опустив голову.

— Ясно,— сказал Петр.

— Петра-аа-!—послышалось из огорода. — Петра-а-а! Ты где?

— Иди сюда, Ислам!

Ислам вошел в баню. Петр увидел, что он босиком,— значит, тоже заходил в дом, сняв сапоги у крыльца.

— Зачем баня зовешь? — улыбался Ислам.— Париться будем?..— Но вот и он пригляделся. Перестав улыбаться, склонился над больной. — Зачем так? — спросил тихонько.

— А вот так, — хмуро откликнулся Петр. —Я думаю, времени терять не будем. Возьмем осторожно и перенесем бабушку Мотю в дом.

Подошел к кровати и стал подтыкать одеяло под худенькое тело.

— Она говорить может? — спросил девушку. Ему показалось — больная делала глазами какие-то знаки.

— Нет,— ответила девушка.— Но она не хочет, чтобы вы ее переносили.

— Почему же, бабушка Мотя? — спросил Петр, склонившись над женщиной. — Не можем мы тебя здесь оставить.

В груди у больной что-то захрипело, она тяжело закашлялась, содрогаясь всем телом. Это отмело сомнения. Петр подождал, пока утих приступ кашля, подвел руки под ее плечи и скомандовал Исламу:

— Берись!

А девушке приказал:

— Беги, готовь койку.

В доме все двери были распахнуты настежь. В спальне девушка сняла с пуховика накидку, развернула шелковое одеяло, откинула его в ноги.

— Ну, вот и на месте бабушка Мотя.— Петр прикрыл ее новым одеялом, а старое, ситцевое, сунул в руки девушке.

— Вот так,— сказал он больной.— И не волнуйся, мы в этом доме сделаем перевалочную базу, будем приезжать и в обиду тебя никому не дадим.

— Так, так,— кивал Ислам.— Дохтур скорее надо...

Сейчас Петр рассмотрел и девушку. Она все еще стояла в дверях с одеялом. Глаза ее были мокры от слез. Ресницы, между прочим, длинные. Глаза темные, не поймешь, какого цвета. Волосы заплетены в косу. Коса лежит на груди.

— Тебя как звать?

— Фая.

— А чего плачешь?

Девушка не ответила, выпрямилась, прислушиваясь. Во двор кто-то вошел, повозился у лестницы, поднялся на крыльцо...

Петр, почувствовав легкое волнение, сказал громко:

— Нечего реветь. Все правильно сделано.

— У нас гости? — послышался из кухни женский голос.

Никто не ответил. Фая вдруг сделала шажок к Петру, будто хотела укрыться за его спиной. Он шагнул из спальни, встал, широко расставив ноги. Ислам тоже вышел.

— Кто это к нам заявился?

Из кухни показалась хозяйка в красных домашних тапочках. Увидела незнакомцев, недоуменно оглядела их. Особенно внимательно посмотрела на босые ноги Ислама, на которых почему-то шевелились большие пальцы.

— Фаина,— произнесла наконец.— В чем дело?

И направилась в спальню. Петр решительно двинулся за ней.

Ему не видно было лица женщины, он только обратил внимание на оцепеневшую спину и понял, что хозяйка увидела мать. И сам взглянул на больную. В глазах старушки что-то дрогнуло. Дрогнуло и остановилось. И когда хозяйка, придя в себя, сделала два шага к кровати, бабушка Мотя не перевела на нее взгляда.

Петр понял, что она умерла.

Глава двадцать третья

День выдался солнечный, жаркий. Грешно в такую погоду сидеть дома. А куда идти? Речка недалеко, километра три от поселка, но только заядлые любители рыбалки, надев самодельные накомарники, отваживаются сидеть на ее косматых берегах с удочками. Раздеться и позагорать невозможно, — заедят комары и оводы.

И все-таки кое-кто идет к речке. Вот пробираются сквозь тайгу двое грустных мужчин — Леха и Колька Прахов. Механик взял сегодня отгул. Идут, держась визирной оси — узкой, в одно дерево, просеки,— чтоб, задумавшись, не убрести в сторону.

Тайга здесь дурная. Недавно на Ершике Вася Ракушкин пошел посмотреть, не созрели ли ягоды, да и ходил двое суток. Еле отыскали. Даже из Кедрового посылали людей. Нашли километрах в четырех от Ершика. Вася сидел на лесине, упершись локтями в колени, и спал. Лицо его было в грязных подтеках, расчесано до крови. Ког-

да его разбудили, он долго таращил глаза, потом вспомнил все свои горести и зарыдал, вытирая лицо рукавом изодранной рубахи. Подбежала Наталья Носова, взяла за руку, и он пошел за ней, всхлипывая.

— Что ни говори, не в своем уме человек,— сказал тогда Федор Мартынюк,— нормальный сообразил бы, что к чему, не заплутался возле палаток.

А через день точно так же исчез сам Мартынюк. Ушел с бидончиком и не вернулся. Поисками занялись вальщики леса, но безрезультатно. Тогда послали нарочного в Кедровый — может, Федор там.

Первой из поселка прибежала Настюра. Бледная, растрепанная, она, не переставая, плакала, а когда тайга потемнела — билась у костра головой о землю, и ершовцы не знали, как ее утешить.

Наутро из Кедрового пришло много людей — их сняли почти со всех работ. И опять началось прочесывание тайги. Прошли сутки — Федора не нашли, вторые — Федора не было. На вырубке почти безостановочно, тревожно гудел трелевщик, звал хозяина и не мог дозваться. В конце третьих суток Федор сам пришел из Кедрового — вынесло его к поселку, совсем с другой стороны, километров за двадцать от Ершика.

— Федя-я, где ты был? — кинулась к нему измученная Настюра. И все, кто вернулся с поисков, обступили обросшего, похудевшего Мартынюка.

— Знал бы, где был, давно пришел,— буркнул Федор и, маскируя смущение, не глядя людям в глаза, направился к трелевщику. Настюра, смотревшая ему вслед, вдруг фыркнула, уперлась ладошками в коленки и закатилась смехом. Люди недоуменно переглянулись. Настюра, продолжая хохотать, показала пальцем на Федора, который шел, не оборачиваясь. На черных штанах Мартынюка белел аккуратный клин. За край дыры зацепилась веточка шиповника и в такт шагам помахивала единственным розовым цветочком...

А Федор завел свой трелевщик и двое суток почти не слезал с него. Его ни о чем не расспрашивали — с Федором много не наговоришь. Только Наталья Носова не выдержала, сказала с усмешечкой:

— Вот ты уж куда какой нормальный у нас, Федор, а из тайги три дня выйти не мог. На целые сутки поболе плутал,— мстила она за те слова о Васе.

Сейчас люди побаиваются уходить далеко в одиночку.

Леха подал Кольке руку, хотел помочь перебраться через огромный ствол сгнившего дерева, но Колька, как мышь, юркнул, вылез с другой стороны и пошел дальше, отводя руками ветви подроста.

Разговаривали мало, Колька будто понимал, что Лехе-механику не до него, и не лез с вопросами. У него у самого было о чем подумать. Кончилась весна, наступило лето, а папка так и не вынимал из сундука ружье. С тех пор, как растаяли снега, папке, наоборот, добавилось работы. Грузовым машинам делать стало нечего, так они все на ремонт подались. За зиму наболтало их по ухабам, у каждой что-нибудь подправить или заменить надо. Теперь уж и не знает Колька, когда выбрать время, чтобы помириться с отцом.

Хорошо, что Олежка Чураков приехал на лето домой и в Шурду больше не поедет: к осени подоспеет в Кедровом своя школа-семилетка.

Целыми днями не расстаются Колька и Олежка, хотя живут отдельно — дяде Васе Чуракову дали другую квартиру. Играют в «Чапаева», прячутся в недостроенных домиках и за поленницами, а когда в новый клуб впервые привезли кинокартину «Ночи Кабирии», они все три сеанса смотрели, а потом остались на танцы.

В клуб набилось много людей. Даже старички после кино сели возле стен на скамейки и глядели на молодых. Парням танцевать было не с кем, так они с Колькиной сестрой Нюрой и с другими такими же школьницами танцевали. Леха три раза приглашал Нюрку. Подойдет и скажет: «Разрешите с вами», — и Нюрка подает ему руку. А потом Леха приводит ее обратно и усаживает на место.

А Галина из мехколонны танцевала с Петром Росляковым. Баба Лиза говорит, что Петр обязательно присватается к Галине и в поселке будет свадьба, а мама беспокоится, как бы Галина не удернула Петра в мехколонну.

Вот и речка. Берега ее сплошь поросли метровой луговой осокой и пыреем. До того высокая трава, что космы ее валятся с берега, полощутся в воде. На той стороне, освещенной солнцем, в зелень осоки и крапивы будто кто набросал горстками незабудки. А дальше, на небольшой луговине, покачивает царской головой белый пахучий лабазник, здоровается с сиреневыми султанами иван-чая.

И еще растут на том берегу какие-то синие цветы. До того синие, что Леха-механик опять невольно думает о Клавдии...

Прошло уже больше месяца с того дня, когда он «засек» ее в тайге с Заварухиным. Ну и что? Она даже не краснеет при встрече с Лехой. Знает, что не выдаст. Еще, того гляди, обратится к нему с просьбой: постой, Леша, на стреме, а я с Валерием в тайге помилуюсь. Вот же бессовестная баба!

— Леха, гляди!

Колька вскочил, указывая на тот берег. По крутому глинистому срезу, то скрываясь под пожухлой осокой, то снова выныривая, бежал бурый зверек с длинным хвостом.

— Кто это, кто?

— Ондатра. Или водяная крыса.

— Лучше ондатра,— решил Колька. Он вспомнил, как, листая «Справочник охотника», отец вслух читал про нее дяде Васе Чуракову. Она очень чисто живет. У нее в норе столовая есть и спальня.

Зверек нырнул в воду и больше не показывался.

— Она не утонула, не думай! — кричал Колька.— Она по сто метров в воде плавать может. Я знаю. Мне папка читал.

Леха посмотрел на мальчишку, и жалко его стало до невозможности. Первый раз удосужился сводить Кольку на реку, а сам думает о всяких своих неприятностях.

Тайга гудела, звенела на все голоса. Жирные слепни улучали момент и впивались в шею, руки. Колька отчаянно отмахивался веткой, хлопал себя и Леху по плечам, сдергивал рубашонку и вытряхивал забившихся под нее комаров.

Леха встал и решительно предложил мальчугану:

— Будем купаться!

Тот расцвел.

— А комары?

— А ну их! Сейчас намажемся раствором репудина и хоть пятнадцать минут да будем королями!

Леха притащил и спустил на воду толстый трухлявый ствол высохшего дерева.

— Это будет твой корабль!

Раздел Кольку до трусиков, испытывая одновременно и нежность и жалость — отощали ребятишки без витаминов, овощей совсем не видят.

— Ой, щекотно! — хохотал и брыкался Колька, когда парень натирал ему пятки.

— А вот, вот,—по-бабьи ласково приговаривал Леха,— пусть-ка сунутся теперь к нам комарики, пусть понюхают!

Колька неожиданно сел, охватив его за шею, прижался к нему, и механик так и понес мальчишку к реке.

В поселок они вернулись уже под вечер, загорелые, веселые. Еле распрощались у «Дома офицеров» — Леха решил зайти узнать, не вернулся ли из Шурды Петр.

Петр и Михаил из палатки переехали в небольшой домик напротив конторы. Две комнаты с другой стороны заняли Бердадыш и Ступин. Кто-то назвал это зданьице «Домом офицеров», и кличка прилипла к нему.

Михаил лежал на койке и читал книгу.

— А что, Петр не вернулся?

Козлов сел, опустив на пол босые ноги.

— П-понимаешь, нет!

В голосе его чувствовались озабоченность и удивление, хотя Козлов редко чему удивлялся, во всяком случае не показывал этого.

Они закурили.

— Ну ладно, скажем, задержался по какому-нибудь делу. Но ведь вертолет не п-прилетел. А Петька должен был перезаключить договор на рейсы и попросить добавить их.

Вчера Ступин вызвал Козлова и справился:

— Вы не знаете, Росляков не собирался в Горноуральск?

— А вы его туда командировали? — невинно спросил Мишка.

Ступин сразу обозлился.

— Совсем распустились! Как будто это шуточка — не прилетел вертолет, не доставил медикаменты. На исходе хлеб, а Рослякова и след простыл. Нужно срочно отправлять двух больных, а на чем? Это вам не игрушки!

Мишка пожал плечами:

— Если бы был телефон, я бы п-позвонил.

— Хватит паясничать!

— А я при чем?—удивился Мишка.—Я ведь так же ничего не знаю, как и вы. Только я еще беспокоюсь, жив ли Росляков.

— Жив, здоров, как бык, что с ним сделается!

— Благодарю. — Мишка направился к двери.

— Ну, на этот раз я так дело не оставлю! — из последних сил хрипел Ступин. — Отстраняю от работы!

— Кого? — поинтересовался Мишка.

— Пока Рослякова!

Сейчас Михаил рассказывал Лехе:

— Понимаешь, он будто с цепи сорвался. Вроде боялся остыть, разжигал себя и хотел, чтоб о его возмущении кто-нибудь знал.

— Да-а... Где же все-таки Петр? — не очень вникнув в историю со Ступиным, вслух раздумывал Леха. — Ведь сегодня уже суббота.

— Ага, — кивнул Михаил. — И вертолета нет. И это вам не игрушечки!

Леха увидел в окно, как заволокло тучами небо, и собрался уходить. Надо успеть добежать до котлопункта. Похоже, скоро начнется ливень.

Мишка сказал непонятно:

— Лично я решил п-подложить Ступину хорошую свинью.

Глава двадцать четвертая

Петр Росляков подбросил на спине увесистый рюкзак и в последнюю минуту запрыгнул на паром. Как раз на этом месте реки до самой весны была ледовая переправа, а сейчас бегал туда и обратно маленький паромчик, перевозил колхозников из близлежащих деревень, строителей и самое необходимое из материалов.

Петр вышел на том берегу и зашагал по новой железной дороге, уложенной сразу за недостроенным мостом. Увидел груженую дрезину, а на обочине — парня с папиросой в зубах.

— Подвезешь?

— Поехали.

Чуть покачивал вершинами лес, не очень густой и не высокий — сказывалось недалекое соседство болота. По дороге часто встречались то палатки, то вагончик, иногда

с откосов, пропуская дрезину, сбегали дочерна загоревшие женщины и девчата — путевые рабочие — и кричали вслед парням озорные слова.

Вдоль дороги уже стояли телеграфные столбы, еще не стянутые проводами. В соснах мелькнула машина, похожая на паука. Во все стороны тянулись от нее нити кабеля, заброшенные на сучья деревьев, на кабелях сушились цветастые платья и майки.

— Недавно связисты поставили на болоте три столба, сегодня поглядели, а столбов нету, — рассказывал водитель.

— Засосало? — догадался Петр.

— Ага, крепление слабовато оказалось.

Дрезина бежала вперед, подпрыгивала на стыках. Петр рассеянно смотрел по сторонам. Много сделал Гурьянов. На местах будущих станций строились двухэтажные дома. Срубы повернулись боком к дороге, торцом к северу, чтоб больше было в квартирах солнца. На вагончике, поставленном на землю, Петр прочитал стандартные, напечатанные в типографии правила о том, что пути переходить нельзя, отцепку и прицепку вагонов разрешается производить лишь при полной остановке поезда.

— Еще только я на дрезине гоняю, а уж правила висят, — рассмеялся водитель.

Рядом по ухабистой дороге с трудом продвигались груженые МАЗы — Шурдинская мехколонна завозила на трассу грунт из местного карьера.

— Дождей давно не было, дорога подсохла — вот и возят, торопятся, — пояснил водитель.

— А лежневки нет?

— Здесь нету, дальше пойдет, — кивнул вперед парень и поинтересовался: — А ты чего в такую даль пешком направился? Почему не на вертолете?

— Да так получилось, — ответил Петр и отвернулся, чтобы водитель не лез с расспросами.

А получилось так, что хуже не придумаешь. Никогда не забудет Петр последние три дня...

Как заорала куркулиха, когда увидела, что бабушка Мотя умерла, как била себя кулаками в грудь!

— Да это что же за беда! Да откуда вы такие взялись, что хозяйничаете в чужом доме, как в своем собственном! — кричала она. — Да ведь я маменьку потому там держала, что ее шевелить нельзя, я ее кормила, пои-

ла, все для нее делала. О-о-о-о!.. — причитала она все громче и складнее.

Потом выскочила на крыльцо и стала звать соседей совсем другим, повелительным голосом:

— Семен! Лиза! Семен! Лиза-а!

Их, видимо, не было дома.

— Савелий! Иди хоть ты в свидетели. Живо! Нет, сбегай сперва за милицией, постовой недалеко ходит. Да скорее шевелись, мать мою убили!

Вернулась и снова начала причитать, рассказывая всю биографию бабушки Моти — какая она была тихая да работящая, как жили они дружно да ладно, как захворала маменька родимая да как она, дочь ее, доставала ей лекарства всякие. Да как пришли бандиты распроклятые, потревожили ее маменьку да свели ее к смертыньке...

Петр и Ислам стояли с вытаращенными глазами, неподалеку прижалась к стене бледная Фаинка.

Хозяйка нагнулась над матерью, увидела, куда та смотрит, и закричала с новой силой, указывая пальцем на Ислама и Петра.

— Вот погляди на них, маменька, погляди на своих истребителей. Схватили тебя, изболелую, потащили куда не следует. А тебя нельзя шевелить, — вдруг сказала она бабушке Моте спокойно, без крика. — Врачи не велели.

И неожиданно умолкла, села на стул, забыв о присутствующих, — поняла, что в спальне не те свидетели. Запричитала снова и еще складнее, как только услышала шаги в сенях.

Не менее получаса внимали два постовых беспорядочному рассказу хозяйки. Свидетель, щупленький старичок, после того как допросили Петра и Ислама, тронул милиционера за рукав:

— И выходит, гражданин начальник, что они хотели причинить ей добро. Матрена-то Миколаевна свету в бане не видела.

— А ты сам-то где живешь, а? — прищурилась хозяйка.

— И я в бане, — закивал старичок. — Да только я, граждане начальники, на своих ногах. Мне скучно станет, я насыплю в мешочек семечек да на базар. А Матрена-то Миколаевна...

— Убирайся отсюда, болтун старый! — крикнула хозяйка.

— Минуточку, гражданка, — остановил ее молоденький постовой. — Он свидетель. Нельзя так.

— Да какой он свидетелеь, чего он знает!

— Много ли, мало ли, а знаю. Сама ты извела Матрену Миколаевну. И моя сношка моду с тебя взяла, свекра с полатей в баню переселила. Та хоть зимой-то меня в избе держит.

— Еще скажи, врун, что я мать зимой в бане держала!

— А и держала.

— Так ведь недолго, с неделю, пока ремонт делали!

— С месяц, — подправил «свидетель».

А баба Мотя лежала на пуховике и смотрела на все это безучастно-отрешенно. Милиционеры на подоконнике писали акт. Вот они закончили и сказали, что до выяснения Петр с Исламом будут задержаны.

Петр шел по улице под охраной и все видел ту спальню. К стене прижалась дрожащая девушка. Сейчас вернется со двора куркулиха, и Фанька останется с ней наедине...

— Все, приехали!

Думая о своем, Петр не заметил, как дрезина подкатила к краю железной дороги. Дальше шла свежая насыпь.

— Можно еще километра три на МАЗах проехать, — сказал водитель, поглядывая на тяжелый рюкзак Петра. — Все легче будет...

МАЗы взбирались на насыпь и, мягко шурша, увязая колесами в грунте, катили вперед. Сбрасывали грунт и поворачивали обратно. Так метр за метром продвигалась насыпная дорога, но и ей пришел конец.

— Спасибо, — поблагодарил Петр и выпрыгнул из МАЗа.

— По радио дождь обещали, — предупредил шофер.

Петр пошел по просеке, подготовленной для насыпи. Земля была сухой, только в яминах из-под выкорчеванных пней мутно поблескивала вода—болото не за горами.

Совсем низко пронесся вертолет, будто перебежал Петру дорогу. Эх, если бы он летел в Кедровый, вез туда хлеб!

Петр очень просил, чтобы его отпустили из милиции хотя на два часа, под расписку. Дежурный не разрешил. Но в медицинскую комнату вокзала позвонил, распорядился, чтобы позаботились об Исламовой бабке.

Лишь в девять часов утра пришел начальник и стал вести допрос. Всю пятницу промурыжили их в милиции. Петр удивился, когда в обед им передали сетку с вареными яйцами, хлебом и зеленым луком. Он был ошарашен, узнав, что передача от куркулихи.

— Я ведь понимаю, что они не со зла, — бросая на Ислама и Петра миролюбивые взгляды, говорила она позднее начальнику. — Откуда им было знать, что бабушку нельзя шевелить?

И, торопясь, не дожидаясь вопросов, спокойно продолжала:

— Претензий к ним я никаких не имею. Маменька моя и так бы померла, ну, может, лето-то еще бы протянула. Я ведь все для нее делала.

Начальник сидел, пересиливая зевоту, то и дело тер пальцами покрасневшие глаза. Видно, и правда была у него трудная ночь. Об этом еще утром намекнул дежурный:

— Не до вас бы ему совсем, — хмурился он, — дело в городе стряслось серьезное и непонятное. Трое суток не спит.

А какое дело, не сказал.

— Медицинская экспертиза не усматривает в смерти вашей матери виновность граждан Рослякова и Шарипова, — устало проговорил начальник, и куркулиха живо подхватила:

— Я и сама говорю — случайность. Могла бы и так помереть, без никого.

«Тебя она увидела в дверях, да и умерла от испуга», — думал Петр, поражаясь крутой перемене в поведении хозяйки. Но и это разъяснилось.

— Когда вас выпустят, вы ночевать ко мне идите. Вы ведь с того поезда, что дорогу в тайге строит? Я знаю, зачем вы к нам приходили. Обо всем вечером договоримся, — уже почти дружелюбно сказала на прощание куркулиха.

Задумавшись, Петр провалился ногой в яму, чуть не упал. Вытянул грязный ботинок из воды, чертыхнулся. Бабушка Мотя еще в морге лежала, а она уже свои куркульские дела устраивала. Шиш тебе будет перевалочная база!

Подправил рюкзак и пошел по просеке, продолжая вспоминать тот шурдинский день.

Только к вечеру выпустили их из милиции. Бесполезно было идти в управление договариваться насчет вертолетов — рабочий день кончился. Ислам заторопился на вокзал, а Петр направился ночевать в кабинет Гурьянова. Позвонил ему домой, никто не ответил.

Рано утром пошел в управление.

— Начальника нет и не будет, — ответили Петру. — Улетел. Я говорил вам в четверг, чтобы вы пришли в пятницу, а сегодня уже суббота.

«А завтра воскресенье», — уныло подумал Петр и спросил:

— Без него нельзя перезаключить договор? У меня все документы с собой.

— Нет.

Побегав без толку по городу, он принял решение идти в Кедровый пешком и унести хоть часть медикаментов, которые получил. Запасшись на дорогу кое-какими продуктами, уже направился к парому, но против воли ноги понесли его на Пролетарскую.

Возле дома Глазырина толпились старики и старухи. Все были принаряжены, у всех торжественный вид.

«Наверно, похороны», — догадался Петр.

Но он ошибся, бабушку Мотю уже схоронили, прямо из морга. А здесь были поминки. Об этом сообщил Петру дед Савелий.

— Даже на часок в дом не положила, — рассказывал пьяненький «свидетель». — Все за одни сутки обкрутила. Она ведь снабженка, все начальство ей знакомо́. Все гумажки ей мигом подписали, машину дали...

— А где Фая? — спросил Петр.

— Не знаю, не видать ее. На похоронах была, а на поминках нету.

Из ворот выскочила куркулиха, наверно, увидела Петра в окно. Подбежала, схватила за руку, потянула в дом.

— Хорошо, что пришел. Пойдем, пойдем. Выпей за помин души... — И зашептала: — Сейчас народ разойдется, мы и обговорим все. Муж мой дома.

Петр вырвал руку и, не оглядываясь, зашагал вниз по широкой улице, к переправе.

...И вот сейчас он на пути к дому, к тайге. Кончилась лежневка, и Петр пошел между болотных сосенок, выбирал сухие торфяные бугры, огибал влажные мочажины. То и дело попадались «плантации» подсохшей клюк-

вы, но Петр не собирал ее — на плечи давил рюкзак, да и некогда: до ночи надо миновать болото.

«Но куда же все-таки девалась Фаинка?» — размышлял он, дымя сигаретой.

Глава двадцать пятая

Петру показалось, что ливень ахнул с ясного неба. Занятый своими мыслями, он не заметил, как потянуло свежестью, забродили тучи, стянулись над болотом, упрятав небо и солнце. И суматошно замотали мохнатыми шапками болотные деревца, гнулись к земле, будто хотели укрыться от стремительных белесых жгутов, падающих с высоты.

Петр присел на сырой бугор и, с трудом вытянув из мешка брезент, закрыл голову. Струи забарабанили по нему и широким потоком хлынули на землю, образовав вокруг водяные стены.

Брезент вдруг загудел, мелко затрещал, будто его обстреливали дробью. Петр увидел, как потоки воды побелели, потеряли свою монолитность, стали отскакивать. Град!

Чуть оттянул брезент, держа его над лицом. Мать честная! Сплошная белая стена, а внизу толстым слоем шевелящаяся, подпрыгивающая масса градин.

Чего бы не отдал он сейчас за обшарпанный диван в кабинете Гурьянова, за вокзальную скамью, даже за полати в доме Глазырина. Лежал бы там и поплевывал на куркулиху.

Сколько времени? Хотел посмотреть, но это оказалось непросто, да и какая уж теперь разница? Покурить бы... Сунул руку в карман и вместе с раскисшей пачкой сигарет вытянул пакетик с капроновыми чулками — купил их по просьбе Галины. Спрятал липкий пакет за пазуху, а сигареты вышвырнул.

Вспомнил о документах для оформления договора на вертолетные рейсы. Что с ними стало? Тут же осенила и другая мысль: зачем, спрашивается, он идет в Кедровый? Ведь это значит, что в понедельник опять не прилетит вертолет. Кто его направит, если Петр не явится переза-

ключить договор? В управлении только обрадуются, что высвободилась машина, — их хором выпрашивают все подряд: и нефтяники, и колхозники, и газовщики.

Ноги онемели. Петр привстал, с трудом выпрямился и почувствовал облегчение. Решительно сбросил с себя брезент. Град кончился, но дождь лил вовсю. На болоте было темно. Петр покрутил головой: в какой стороне Кедровый, в какой — Шурда? Абсолютно неизвестно. Со злой отчаянностью сделал несколько шагов и почти сразу провалился по колено — низкие мочажины наполнились дождевой водой и градом. С трудом выбрался.

Занемевшими руками вытащил из рюкзака раскисший хлеб, лук, вываленные в липком месиве от разбитых яиц. Скорлупа противно похрустывала на зубах.

Пощупал медикаменты. Все, конечно, промокло, все погибло. Спасется только то, что в склянках. Жаль, что спирта нет. Не мешало бы «принять» для согрева.

Когда кончится эта дикая ночь?

Вот дождь почти перестал, но Петру не легче. Все равно он прикован к торфяному бугру, который, наверно, торчит из воды, как остров. И до утра отсюда никуда не уйти.

«Надо хоть думать о чем-нибудь, а то...»

Он увидел себя в теплой комнате у Галины. Лампа в пятьсот ватт освещает каждый уголок, слепит глаза.

— Побольше лампочки нету? — спрашивает Петр, а Галина смеется.

— Нашлась мне вторая мама!

К ней ненадолго приезжала из Ленинграда мать. Ходила следом за дочерью и гасила свет. Галина зажжет, а она погасит.

— Мама, никаких счетчиков у нас нет. Пойми ты! Мы же в тайге.

Женщина, пережившая блокаду, привыкшая экономить энергию, воду, возмущенно качала головой:

— Думаешь, в тайге, так все позволено?

А когда Галина выкинула на помойку начатую банку с тушенкой, расплакалась, Галина попыталась объяснить:

— Понимаешь, мама, от консервов уже тошнит. А есть все равно надо: откроешь банку — и чувствуешь, что не можешь...

Мать уехала огорченная, встревоженная. Многое ей было непонятно в таежной жизни. Например, соседка могла в любой момент зайти к Галине и спросить:

— Ты чего варила сегодня?

— Суп у нас, садись, ешь.

Соседка сама доставала ложку, отрезала хлеб, ела суп, что-нибудь находила на второе, пила чай. Вслед за ней иногда прибегал ее сынишка, она и его кормила, убирала посуду и уходила, говоря:

— Ну, слава богу, наелись! Хоть в столовку не идти и дома не варить.

Мать ничего не говорила Галине, потому что сама с детства воспитывала в ней доброту. Но уж слишком бесцеремонна эта соседка!

— Мама, — догадываясь обо всем, сказала однажды Галина. — Хочешь, пойдем сейчас в любой дом — хоть к нам, в мехколонну, хоть в «Горем». Придем и спросим: что вы сегодня варили, нельзя ли перекусить? И нам поставят на стол все, что есть в доме. Я сама часто ем у моей соседки. И не только у нее.

Мать молчала, возражать было трудно.

— А лампочку вверни другую, — потребовала она, прощаясь.

...Петр опять встал, потому что ноги одеревенели и, кроме того, он боялся уснуть. Размялся, потоптался, снова сел. И опять стал вспоминать.

Как-то с Костей Плетневым они ехали на Ершик. МАЗ еле передвигался по уже разбитой, разъезженной сланевой дороге. А рядом шла насыпь, которая продвинулась по просеке на несколько километров. Косте надоело мотаться, и он недолго думая въехал на мягкую подушку насыпи и зарулил по ней.

Вдруг с обочины на трассу выскочила Галина и побежала навстречу машине, размахивая руками. В комбинезоне, платок повязан над самыми бровями, лицо блестит от комариной мази.

— А ну заворачивай! — крикнула шоферу.

— Не заверну, — плюнул окурком Костя и выпустил привычную «трель».

Галина сбежала вниз, вскочила в кабину бульдозера. Он тотчас, как зверь, рванулся на насыпь, взрыл ее и встал поперек перед самым носом Костиной машины.

— Ну? — крикнула Галина. — Не то от твоего МАЗа мокрое место останется!

И гуднула на всю тайгу.

— Чертова девка! — ругался Костя, разворачиваясь.— Говори спасибо, что девка, а то бы...

Костя ругался, а Петр смеялся про себя: «Вот тебе и девка! Будешь ездить по слани как миленький».

Сейчас Галина, наверно, спит себе спокойно...

Неожиданно Петр увидел бабушку Мотю. Она брела по болоту и протягивала к нему руки. А за ней, проваливаясь по пояс в холодную жижу, шла Фаинка и тоже тянула к нему руки, словно прося помощи. А со стороны тайги шел Федор Мартынюк и тоже... чтоб спасти...

Петр напряг все силы и стряхнул с себя тяжелую одурь. Неужели уснул?

Сделал несколько энергичных движений руками, еле поднялся, присел, опять поднялся...

Наступал рассвет. Петр уже мог разглядеть расплывчатые очертания болотных сосенок.

«Все! Можно двигаться». От этого решения, казалось, вернулись силы, потеплели окоченевшие ноги. Но куда идти?

Снова по телу прошел озноб. Петр совсем забыл, что должен сделать выбор. Пришлось еще немного посидеть, подождать, когда проявится в мутном мареве темная полоса тайги.

Итак, Кедровый — там, а Шурда — там... В сторону Кедрового километров три хлюпающего болота, а в сторону Шруды все двенадцать.

Петр для пробы перепрыгнул с одной кочки на другую. Ботинки увязли, но с помощью палки он выправился, вылез.

«А! В конце концов я не телеграфный столб. Меня засосать не так-то просто!»

Наклонился, поднял намокший рюкзак, взвалил на плечи и решительно шагнул в сторону Шурды.

Глава двадцать шестая

Второй день свободно дышали люди в поселке Кедровом. Пооткрывали завешенные окна, распахнули двери, выветрили дым дустовой шашки. На ремонтной площадке Леха-механик снял рубаху, остался в белой майке-без-

рукавке. Ребятишки бегали по грязи и лужам в трусиках — невиданное дело! Женщины скинули платки, причесались, надели сарафаны и легкие блузки.

Субботний ливень с градом прибил паутов и комаров. Люди даже не сразу поняли, что произошло, когда в солнечное воскресное утро вышли из домов. А когда поняли — обрадовались и без досады пошли по раскисшим тропам, на ходу подбирая доски и бросая их перед собой. Лучше грязь, чем гнус, опостылевший до смерти. Сейчас бы за ягодами, за грибами да как пойдешь — набухла тайга от воды, шага не ступишь.

Федор задержался в поселке, чтоб повидать Заварухина, поговорить насчет отпуска. Начальник треста Малыгин выхлопотал для Настюры хорошую путевку в Евпаторию, с лечением. А Федор хотел поехать вместе с ней «дикарем». Вот и надо обо всем договориться заранее.

Заварухина не было, и Мартынюк зашел в производственный отдел, уселся на табуретку. Бердадыш внимательно посмотрел на него.

— Ты сегодня какой-то нерешительный.

Федор отмахнулся. С Бердадышем связываться не следует. Он в один момент пристегнет тебе какую-нибудь историю.

— Вот у нас был один такой главный инженер, — начал Бердадыш, и «молодые специалисты» заулыбались, поглядывая на Мартынюка. А тот закурил и отвернулся к окошку: пусть болтает, делать все равно нечего, можно и послушать. — Был у него в глазах вечный вопрос. В столе всегда лежало несколько вариантов чертежей по производству работ, и он никогда не знал, на каком остановиться. А в первомайские праздники назначили его руководителем колонны. Когда настало время строить людей, он скомандовал: «Становись по четыре!» И добавил: «Или по пять».

Девчата, не отрываясь от работы, смеялись, морщился в скупой улыбке Мартынюк. А Бердадыш уже невозмутимо делал в книге пометки и монотонно приговаривал:

— Пекарня, пекарня... Начальство требует ее в октябре. Не будет. А вот в ноябре... Во! — он поднял палец.— Именно к седьмому ноября будут плюшечки, булочки, буханочки. Стимул!

Вгляделся в чертеж, покусал карандаш.

— А водичку и квашоночку откуда? Водички близко нету. Из этого колодца ведерочком? Далеконько. Хорошо бы водонапорочку, но как, чем?..

Федору показалось, что в кабинете главного инженера хлопнула дверь, и он вышел не без сожаления — можно бы еще послушать: занятно рассказывает Бердадыш.

Заварухин внимательно взглянул на Мартынюка.

— Хочу поговорить с вами насчет отпуска. С пятнадцатого бы августа...

Заварухин достал график, всмотрелся в него, потирая ладонью крупный, чисто выбритый подбородок.

— Можно, — и сделал в графике пометку.

Мартынюку нравился Заварухин. Деловой мужик, не чета тому главному, о котором сейчас рассказывал Бердадыш. Зря не пообещает, а если скажет — сделает. А не сможет сделать — разъяснит, почему.

В кабинет быстро вошел Ступин, увидел Мартынюка, спросил:

— Почему не на Ершике?

Мартынюк хотел ответить, но Ступин, забыв о нем, захрипел через стол Заварухину:

— Ну и как вы на это смотрите? В котлопункте с утра пекут оладьи, в магазине вчера распродали последний хлеб, а вертолета не слышно и не видно...

Заварухин подошел к окну.

— Ну, не знаю... — продолжал Ступин. — Терпение у меня на пределе — издаю приказ об отстранении Рослякова от работы.

И вышел, стукнув дверью.

Федор вопросительно посмотрел на главного инженера.

— А что случилось, Валерий Николаевич?

Заварухин рассказал. Мартынюк задумался, высчитывая на пальцах, сколько дней прошло с момента вылета Петра из Кедрового.

— М-да-а... — покачал головой. — Надо идти в Шурду.

Заварухин быстро вышел и так же быстро вернулся.

— Ступин считает, что сегодня еще нужно подождать. А завтра с утра кому-то надо идти...

— Пожалуйста... я могу.

— Нет, вы ступайте на Ершик. И так недавно поплутал в тайге.

Мартынюк вспыхнул.

— То тайга, Валерий Николаевич, а то дорога в Шурду.

— Не обижайтесь, я пошутил. Работы у вас на Ершике много.

Мартынюк шел по трассе, озабоченный новостью. Куда подевался Росляков?

В четыре часа дня над поселком закрутился небольшой вертолетик. Летал туда-сюда, не зная, видимо, где приземлиться. Из конторы повыскакивали люди, махали руками, показывали «несмышленышу», куда надо лететь.

«Впервые, наверно, в наших местах», — решил Хохряков и, поспешно закрыв на ключ отдел кадров, крикнул в кабинет Ступина:

— Бегу на вертолетную!

Ступин видел в окно, как с крыльца сбежал Заварухин и тоже направился в сторону посадочной площадки.

«Жаль, оркестра нет», — усмехнулся Ступин.

Примерно через час в кабинет к нему зашли Хохряков, Заварухин и с ними незнакомец в синем костюме, с аккуратно подстриженными волосами. Он вежливо взглянул на Ступина и сделал несколько шагов по кабинету, явно стесняясь грязной обуви (на вертолетной площадке Хохряков стащил с экспедитора кирзовые сапоги и надел их на гостя взамен его начищенных до блеска ботинок).

— Здравствуйте, я председатель колхоза «Светлый путь» — Звяньгин.

Ответив на приветствие, Ступин недоуменно взглянул на Хохрякова и Заварухина, но гость обо всем хотел поведать сам...

В субботу он на вертолете отправился в дальний колхоз договориться с тамошним председателем об обмене свиноматками. Дело в том, что свиноматки в «Светлом пути»...

Ступин нетерпеливо заерзал на стуле.

Короче говоря, Звяньгин хотел было уже возвращаться, как небо заволокло тучами и начался такой ливень с градом, какого он не помнит с детства. Интересно, здесь был такой ливень? Ах, тоже был?

Только на следующий день они вылетали домой, да и то не с утра, потому что тамошний председатель захотел, чтобы Звяньгин обязательно побывал на его птицеферме. Но Звяньгина не удивишь.

Вылетели часов в двенадцать. Было солнечно, жарко. Звяньгин просто не мог поверить, что вчера бушевала такая стихия. Пролетели лес. На глаз видно, как разлилась вода в таежных речушках... Рыба, наверно, на земле валялась. Во всяком случае, внизу что-то поблескивало.

— Так. Прошу вас дальше.

И вот началось болото. Унылая картина, несмотря на яркое солнечное оформление! Сердце обливается кровью, когда видишь, какие пространства погибают впустую, какие тут могли быть луга, какие поля! К слову сказать, Звяньгин не одобряет и чрезмерного увлечения искусственными морями, и даже писал об этом в центральную газету под заголовком «Не хватит ли?», и получил ответ, что сигнал принят к сведению. Звяньгин считает, что не затоплять надо землю, а возделывать...

— В общем, с вертолета он заметил человека, — решил ускорить дело Хохряков.

— И кто же этот человек? — просипел Ступин.

— Простудились? — участливо справился Звяньгин.

И так как Ступин не ответил, продолжал, многозначительно нажимая на слова:

— Теперь об этом человеке, товарищи...

И начал рассказывать о маленькой точечке на безбрежном болоте. Если бы точечка не валилась в гниль, не поднималась бы снова и не шла...

Ступин раздраженно крякнул.

— Мой водитель сказал: «Что-то его мотает из стороны в сторону. Пьяный, кажется». Но я посмотрел на крошечную фигурку и сразу понял — человек не пьян, просто он идет, теряя последние силы.

— Ну, и они начали спускаться, — опять вставил Хохряков и, несмотря на протестующий жест председателя колхоза, продолжил решительно: — И товарищ Звяньгин сам спустился с вертолета по лестнице, потому что Росляков не в силах был ухватиться за нее.

Звяньгин выслушал Хохрякова и мечтательно задумался.

— Да... Но как спустился? Признаюсь, товарищи, сразу зажмурился. Я даже с сеновала не могу смотреть вниз.

Ступин поднялся, стал вышагивать по кабинету, Звяньгин заторопился.

— Об этом можно рассказывать долго, но я скажу коротко: ваш заместитель был почти без сознания.

— Однако вы сумели узнать, что он — мой заместитель, — с усмешкой отметил Ступин.

— Уже потом, в больнице.

— Он что, в больнице? В Шурде?

— Почему в Шурде? — приподнял плечи Звяньгин. — Он в нашей колхозной больнице. Она хоть и невелика, но у нас...

— Так. Прошу дальше.

— И вот спустился я за ним по лестнице...

— По-моему, мы уже дошли до того, что он в больнице, — резко напомнил Ступин.

Звяньгин умолк, обиженно посмотрел на Хохрякова и Заварухина.

— У Петра был тяжелый рюкзак, — продолжал рассказ Хохряков. — Там оказались медикаменты. Многие испортились, товарищ Звяньгин их выбросил и из своей больницы привез другие, качественные.

— Такую тяжесть он волочил на себе целые сутки! — не выдержал Звяньгин. — Там еще была, извините, вот такая морковочка, — показал палец, — пучков десять. С базара. Ее я тоже выкинул, привез свою, хорошую. Велено передать в детские ясли.

— Ну, еле-еле они взобрались в вертолет, — заспешил Хохряков, предупреждая раздражительность Ступина. — Привезли Петра к себе. Состояние у него плохое. Врачи определили воспаление легких.

— И сколько он у вас пролежит? — спросил Ступин.

— Пока наши врачи не поставят человека на ноги, они его не выпускают из больницы.

— А хлеб вы случайно не привезли? — склонив голову набок, Ступин многозначительно взглянул на Заварухина.

— Нет, хлеба я не привез, — ответил Звяньгин. — Зато я привез сотню подросших цыплят. Причем на каждые девять курочек один петушок.

Ступал встал за столом.

— Извините, не понимаю.

Звяньгин легко махнул рукой:

— Не беспокойтесь об этом. Вопрос утрясен с вашим заместителем. Уже ранней весной курочки начнут класть яйца.

— Может быть, вы все-таки введете нас в курс дела?

Звяньгин вздохнул, взял со стола бумажку, нарисовал на ней три кружочка и соединил линиями.

— Я ждал этого вопроса, — сказал он и задумался.— Как бы это вам разъяснить все коротко и ясно? У вас пекарня строится?

— Ну, строится.

— Скважина для водонапорки нужна? — И сам ответил: — Нужна. Так вот, слушайте внимательно...

Он стал водить карандашом по своей схеме.

— В наших краях недавно обосновались нефтяники. (Звяньгин поставил в одном из кружочков крестик.) У них есть буровые машины. А вам (поставил крестик во втором кружочке) нужна скважина. Мне она, кстати, тоже нужна (он поставил крестик в третьем кружочке).

Ступин смотрел на схему, выпятив губы.

— Ну, и мы договорились так, — продолжал Звяньгин. — Ваш заместитель даст буровому мастеру несколько машин асбестовой крошки...

Ступин вытаращил глаза.

— Мастер бурит скважину мне, а когда можно будет перегнать машину через болото — бурит ее вам.

Ступин сел.

— Выходит, мой заместитель расплатился с нефтяниками и за нас и за вас?..

— А цыплята? — живо напомнил Звяньгин. — Буровой мастер от цыплят отказался, а ваш заместитель, наоборот, очень обрадовался.

Звяньгин достал из кармана бумажку и подал начальнику. Тот тупо уставился на нее: «Прошу распределить цыплят следующим образом...» — и дальше шли фамилии многодетных горемовцев, первой стояла «Шарипов».

— Так он болен или не болен? — резко поднялся из-за стола Ступин.

— Он болен, и очень серьезно, — вздохнул Звяньгин. — Кстати, это распоряжение насчет цыплят писал под его диктовку я. Сам он не мог.

— Что же мы цыплят будем есть вместо хлеба?

Теперь вскочил Звяньгин.

— Вы шутите, конечно. Это самая яйценоская порода. Кто же ее ест? Хлеб вам привезут завтра,— он полез во внутренний карман отутюженного пиджака. — Вот.

Документы подмоченные правда, но управляющий вертолетным хозяйством меня хорошо знает, и, скажу без хвастовства, уважает...

Ступин выхватил у него документы. На них стояли печать и знакомая роспись управляющего.

— Значит, с завтрашнего числа вертолеты начнут курсировать нормально? — растерянно спросил он.

— Совершенно верно.

— Ну что ж, спасибо за внимание. — Ступин протянул Звяньгину руку. — Лечите там нашего Рослякова. Привет передавайте.

Хохряков предложил Звяньгину пообедать в котлопункте. Тот согласился.

— У нас в «Светлом пути», кстати, тоже новая столовая, — рассказывал он, уходя с кадровиком.

В кабинете у начальника было тихо. Заварухин отвернулся к окну, плечи его подозрительно вздрагивали.

— Послушайте, Валерий Николаевич, — наконец серьезно спросил Ступин, — о какой асбестовой крошке шла речь?

Заварухин не мог больше сдерживаться. Ступин смотрел на него какое-то время, а потом, покачав головой, тоже рассмеялся.

Глава двадцать седьмая

Колька Прахов сидел за широким стволом и осторожно выглядывал, осматривая трассу. На этом участке было безлюдно, мехколонновцы продвинули насыпь далеко вперед. Сентябрь стоит сухой, всем дает поработать. Теперь и в сторону речки, в которой купались Колька с Лехой, начали валить лес, оттуда слышится пальба—взрывники расправляются с пнями. Сучкорубы жгут костры, кидают в них ветки, суховину, остатки пней. Чтоб чистая была вырубка, чтоб субподрядчики не заедались, а уж лучше скорее засыпали ее грунтом.

Олежка Чураков с самого первого числа ходит в новую школу. Кольке скучно без него. Он целыми днями кружит возле школы. На переменку, размять ноги, к нему выбегает Олежка.

— Учишься? — каждый раз спрашивает его Колька.

— Учусь, — машет рукой Олежка и переводит разговор на другое. — Сегодня будем играть в партизанов.

Чтоб скоротать время, Колька бежит в новую столовую и садится на подоконник. В столовой очень красиво. На окнах голубые шторки, на стене — картина: медвежата лазят по деревьям.

А на той неделе к столовой вышел из тайги настоящий медведь. Леха увидел его в окошко и закричал: «Медведь! Медведь!»

Все выскочили. Колька тоже бросил вилку и — на улицу.

Медведь был бурый и облезлый. Несколько человек побежали домой за ружьями. Медведь стоял в подлеске, нюхал воздух и смотрел на людей. А они на него. Михаил Козлов вышел вперед и давай манить медведя, протягивая ему кусок пирога.

— Мась, мась, м-мась!

Все захохотали, а медведь направился к лесу. И тут в него издалека пальнул кто-то. Медведь оглянулся, рявкнул и бросился в тайгу, ломая сучья. Говорят, он может снова прийти к поселку.

Колька, еще раз посмотрев вдоль трассы, вышел из засады. Захотелось есть. Отойдя в глубь леса метров на десять, насобирал целую пригоршню брусники. Мама ее три ведра замочила. И смородины было много, и малины. Досыта поел Колька пенок от варенья.

У Олежки, наверно, скоро будет перемена. Выскочит он на улицу, а Кольки нет. Не придет сегодня Колька,— есть у него дело поважнее.

Вчера вечером пришел к ним дядя Вася Чураков, принес письмо. Из разговора понял Колька, что папке надо ехать в командировку, выколачивать из треста пилы и другие механизмы.

— Пока обещают, надо хватать, — сказал дядя Вася. — А то в два счета переадресуют.

— На сколько дней поедешь? — спросила мамка.

Ответил дядя Вася:

— А уж как дело обернется. Может, за два дня управится, а может, и вся неделя пройдет.

Мамка тут же начала собирать чемодан в дорогу, а дядя Вася посидел еще немного, поговорил о том медведе, который осмелился подойти к самой столовой. И твер-

до порешили они с папкой купить на пару хорошую лодку с мотором.

Колька долго возился в постели, мать даже цыкнула на него: «Спи!»

А Колька как раз боялся уснуть. Если он еще и этот случай упустит, тогда и вовсе неизвестно, помирятся ли они с папкой до зимы.

На Колькино счастье рано утром прокричал за окном молодой петушок, и Колька первым выскочил на улицу. Белые курочки враз просунули головы между рейками и стали призывно квохтать, проситься на волю.

— Мамка вас покормит и выпустит, — строго сказал Колька и, натянув на ноги стоптанные сапожки, отправился в сторону трассы.

От соседнего дома подбежала веселая Жданка. Колька остановился в нерешительности. Во всех его мечтах, во всех его сценах примирения с отцом Жданка всегда присутствовала. Ей даже отводилась немаловажная роль, в каждом варианте разная. А в одном случае так именно она помогла Кольке добиться у отца полного прощения.

А теперь, когда дошло до дела, Колька вдруг заявил Жданке:

— Я тебя не возьму. Ты меня раньше срока папке выкажешь.

С самого утра сидит Колька за кедром, ждет. Прошла мехколонновская Галина, не заметила Кольку. Она теперь грустная стала, в клубе не танцует. Загорюешь, когда Петра Рослякова чуть не по самое горло в болото затянуло да еще градом прибило. Еле вертолетом вытащили. Он чуть не полтора месяца в больнице лежал, а потом прилетел в поселок на три денечка да на курорт подался, на Черное море. Колька и тот еле узнал его — похудел, побледнел, и усы у него сбритые. Совсем молоденький стал, как пацаненок.

Колька глядел вслед Галине и очень жалел ее. Девка она хорошая, деловая. Все шоферы ее боятся. Петр Росляков обязательно женится на ней. Мамка так думает. И баба Лиза тоже.

Отца все не было. Но Колька не волновался: никуда не денется, слань-то на вертолетную площадку здесь идет. Жалел, что не захватил кусок пирога с малиной, который не доел вчера вечером. До того урчит в животе, что хоть беги домой, да и хватай тот пирог.

А это еще кто в шляпе? А-а-а... Колька презрительно махнул рукой. Новенький, которого заместителем назначили вместо Петра. Ходит, очки свои подправляет. Из Горноуральска прилетел. Мамка говорит, что он все время задает в конторе глупые вопросы. Она спросила — временно его поставили к ним в поезд или навовсе, а папка сказал: «Кому нужен такой пентюх?»

«Новенький» повернул на слань, ведущую к вертолетной площадке, и Колька вдруг заволновался: раз очкастый пошел на вертолет—значит, и папка скоро появится.

Колька даже заохал тихонько, так ему вдруг стало страшно.

...Александр Прахов шел по насыпи, нес в руках легкий чемодан. Шел и всеми силами старался представить себя в Горноуральске, в тресте, в кабинетах начальников... Даже пытался складывать речи, которые поведет там.

Но эти туманные, неясные картины упорно заслоняла одна — картина его возвращения домой, в Кедровый. И виделось лицо Елены. Почти незнакомое. И голос ее — тоже иной. На мысленные речи в тресте накладывался короткий разговор, все еще звучащий в ушах. До того короткий, что просто немыслимо понять, почему он назревал так долго.

Виноватый ум Прахова не хотел докапываться до этого. Он только расслабился в облегчении и отдал команду телу: легко, высоко взлетел в руке механика видавший виды старый чемодан.

Александр Прахов свернул на слань и пошел по неширокой шаткой дороге. Услышав за собой шум, круто повернулся.

И увидел Кольку. Мальчуган выскочил из подлеска на лежневку и мчался к отцу, тяжело дыша, хватая ртом воздух.

Прахов бросил чемодан, метнулся навстречу, на лету подхватил сынишку.

— Что, сынок? Что? Медведь?

Колька, не сводя с него побелевших от волнения глаз, облизнул губы, помотал головой...

— Не... Не медведь... папка.

Прахов поставил его на слань, присел перед ним на корточки, и Колька заговорил быстро, отчаянно:

— Папка, помнишь, я тебя опрудил тогда, когда маленький был? И еще за ухо тебя укусил, только что кровь не пошла. Ты меня прости, папка, я больше так никогда не буду!

И вдруг повернулся и побежал обратно. Вот спрыгнул с лежневки в подлесок. Прахов увидел, как закачались, заволновались вершинки пихтача, как легкая зеленая волна покатилась-покатилась в сторону трассы...

Глава двадцать восьмая

В субботний день, к вечеру «ершовцы» засобирались домой. Надо помыться в баньке, передохнуть, повидаться с женами и ребятишками. Сентябрь выдался сухим, по слани можно на машине проехать — находились пешком, помесили грязь.

Часов в пять, когда солнце клонилось к закату, за ними прибыл Костя Плетнев. Из кабины выскочила Клавдия Маклакова.

— Зачем еще? — удивилась Наталья. — Мы в поселок, а ты в лес.

— Соскучилась я, Наташка, — отвела ее в сторону Клавдия. — Хоть наговориться досыта.

— Так и там, в поселке, наговоримся.

Клавдия увела ее в опустевшую палатку.

— Не езди, Наташка. Переночуем здесь. Я с этой столовой до того умаялась, что не заметила, как березки пожелтели.

— Ишь ты, на курорт приехала, — усмехнулась Наталья.

Через маленькое тусклое оконце она следила за тем, что делается на улице. Женщины забрасывали в кузов свои пожитки, мужчины сидели на пнях, курили перед дорогой. Вася Ракушкин стоял с кошелочкой и растерянно поглядывал в сторону палатки.

— Поедем тогда. Хотела рассказать тебе все, да, видно...

Носовой стало жаль подругу. Она не возражала бы остаться с Клавдией в тайге. Одно ее смущало — как быть с Васей.

Наталья вышла из палатки. Услышала, как люди весело пытали Костю и Марусю — когда у них свадьба. Пора бы уж!

— А хоть завтра! — улыбался Костя. — Милости просим!

Все оживленно заговорили. Наталья незаметно подошла к Васе и сказала тихонько:

— Я не поеду, Кланя вон прикатила. А ты поезжай. Помоешься в бане, а спать иди в комнату к ней, к Клавдии.

— А ты? — спросил Вася.

—Я завтра пешком приду. Понял? Поезжай спокойно.

— Устанешь, — сказал Вася, и теплом отозвалось на эту заботу сердце Натальи.

Возле машины началось движение. Вальщики помогали женщинам влезать в кузов, тянули за руки.

— А ты чего, Наталья? — крикнул Максим Петрович.

— Не поеду я, — сказала та, — Клавдия вон прибыла, охота ей на курорте у нас отдохнуть.

В кузове рассмеялись. Максим Петрович бросил взгляд на Васю, который стоял в нерешительности.

— А этот... А Василий как? — спросил прораб.

— Что — как? —сердито метнула взглядом Наталья.— Поедет. Залезай, Ракушкин! — скомандовала она и направилась к палатке.

— Не-ет, — помотал тот головой. — Не поеду я...

Наталью выручил Федор Мартынюк. Крякнув, он встал в кузове, оперся одной рукой в борт, другую протянул Васе.

— Ну-ка, мил человек, давай свою лапу.

Наталья шагнула в палатку и крепко задернула брезент. Машина заурчала, заговорили, заскрипели под ней бревна. Наталье показалось, что крикнул Вася...

Клавдия встала с нар, подошла к подруге, и та вдруг уткнулась в ее плечо и расплакалась горько, не сдерживаясь.

...Даже в короткие встречи с Натальей Клавдия замечала в ней перемену. Иногда Наталья приезжала молчаливой, угрюмой, иногда наоборот — непривычно оживленной, разговорчивой, приветливой. Но у Клавдии было столько своих хлопот, что она не задумывалась над этим, ни о чем не расспрашивала. Да и привыкла, что Наталья была поверенной всех ее, Клавдиных, тайн. Ей даже в го-

лову не приходило, что у Носовой тоже имеются тайны и есть потребность поделиться с кем-то.

Сегодня Клавдия приехала на Ершик, чтобы вышептать подруге свои секреты, а получилось наоборот. И было это так непривычно и, чего греха таить, так любопытно, что Клавдия боялась каким-нибудь ненужным вопросом вспугнуть не очень-то откровенную, даже скрытную, Наталью. Когда та умолкала, Клавдия прижималась к ней плечом, просила:

— Ну, дальше, дальше... говори...

— ...а он и привык ко мне. Как собачонка в глаза смотрит. Я пойду в тайгу, и он за мной тянется. Уйду в Кедровый, вернусь обратно на Ершик, а он бегом навстречу... Ну, конечно, теперь уж все обратили внимание. Кое-кто из баб улыбается, кое-кто делает вид, что не замечает.

— А когда он в тайге заблудился? — тихонько подбросила Клавдия.

— Я чуть с ума не сошла!

Наталья села на нарах, закачалать из стороны в сторону.

— Одна по тайге бегала, искала его, каждую сосенку, каждую пташечку упрашивала показать мне дорожку к нему. Бегаю так-то, потом упаду на землю, да и реву во весь голос.

Клавдия осторожно высвободила руку, перевернулась на спину. Тихо и удивленно глядела вверх, в темноту.

Наталья неожиданно притянула к себе голову подруги.

— Кланька... Ты ведь не знаешь ничего. Мы же с ним в Шурде были.

Клавдия молчала, слушала.

— В больницу я его возила, с врачами разговаривала, Опухоль у него в мозгах, Кланя...

«Порося» больше не потрескивала. Клавдии стало холодно. Она сняла с себя горячую руку Натальи, спрыгнула и подбросила дров.

— Операцию ему нужно делать,— сообщила Наталья, когда Клавдия улеглась рядом. — Такие операции помогают.

— Ну и положи его в больницу, — сухо откликнулась Клавдия.

— Что ты!

Наталья снова села на нарах, и Клавдия поняла, что

она даже внимания не обратила на тон, каким отвечено на ее признание. Она была переполнена своим, ей нужно было выплеснуть все, что накопилось за эти трудные «ершовские» месяцы.

— А почему же? — удивилась Клавдия. — Если на пользу...

— В Шурде? — Наталья даже фыркнула насмешливо. — Ни-ко-гда! — сказала тихо и раздельно. — Только в Москве, в самой хорошей больнице. И чтоб сам профессор.

Клавдия молчала.

Носова посидела, задумавшись, и снова заговорила — облегченно, почти весело:

— Ох, знала бы ты, Кланя, как я переживала из-за этого Васиного смеха. Захохочет он так-то, голову откинет — меня ножом по сердцу. Избить его готова была. А сейчас, — Наталья повернулась к подруге, наклонилась, игриво прижала ее широким телом к подушке. — А сейчас он засмеется, и я подумаю: смейся, смейся, вот вырежут тебе в Москве этот твой смех, и будешь ты нормальным человеком. Иной раз мне самой смешно сделается — а вдруг после операции Вася даже улыбаться забудет?

Наталья опять легла и умолкла — вся в думах, вся в надеждах. Прошло много времени, когда она спросила:

— Ты спишь?

Клавдия не ответила.

Наталья вздохнула и, чтоб не разбудить подругу, осторожно повернула на нарах свое крупное нескладное тело.

А Клавдия лежала и думала. Вот вылечит Наталья Васю-придурка, опомнится он, посмотрит на нее, да и не узнает. И начнет заглядываться на молоденьких, хорошеньких. Поманит какая-нибудь пальцем, и собачонкой кинется он к ней от перезрелой, некрасивой горемовской вековухи.

Наталья, видимо, почувствовала, что Клавдия не спит. Приподнялась, прислушалась. Клавдии вдруг стало стыдно за свои недобрые мысли.

— Клань!

— Ну что?

— Ты извини меня, — быстро повернулась к ней Наталья. — Ты ведь приехала, чтоб о своем поделиться. Давай теперь ты рассказывай.

Клавдия молчала.

— Ты, наверно, сердишься на меня. В самом деле, как все получилось, — огорченно вздохнула Носова. — Я все о Васе да о Васе... Вот отправила его силком, а у самой сердце ноет. Будто сына родного обидела...

— Ну и не отправляла бы. Кто тебя заставлял?

Не сразу ответила на это Носова. Клавдия уж решила — уснула она.

— Всем ведь не расскажешь, — послышалось наконец. — Мало ли чего люди подумать могут...

Помолчала и снова:

— Не серчай на меня, Кланя. Давай теперь ты рассказывай.

— Да спи ты, не сержусь я на тебя, — отвернула голову Клавдия.

Наталья провела заскорузлым пальцем по ее тугой щеке, ущипнула ласково.

— Уж будто тебе и рассказать нечего. Ты не думай, мне ведь интересно. Да и ехала ты сюда за тем...

— Просто отдохнуть от всего хотела, — резко бросила Клавдия. — Устала с этой столовой. Надоело все.

— Ну, а... как?..

— Да нечего мне рассказывать, некогда ни о чем думать. И спи давай!

Она отвернулась, пораженная мыслью, как все изменилось. Ведь когда-то Наталья покрикивала, выслушав ее секреты. Иной раз ехидничала. И Клавдия тогда без обиды думала: завидует подружка, вот и злится.

А сейчас...

Уж не сама ли завидует подруге? И о чем она, Клавдия, может рассказать Наталье? О тех двух встречах в тайге? О том, как озирался Валерий, обнимая ее?

Клавдия замерла на нарах, потрясенная открытием.

— Ты не сердись, ты расскажи мне... — просила Наталья.

— Нечего мне рассказывать!

Клавдия вдруг увидела Наталью, мечущуюся по тайге в поисках ее Васи. Это Наталья-то? Наталья Носова?!

А она, Клавдия? Вот только в ту мартовскую ночь и побредила она Заварухиным. Так любовь ли это была?

Господи, а как же тогда Айкашет? Нет! Люблю, люблю, люблю! И она пыталась увидеть его здесь, рядом.

Вместо Натальи. Уж тут-то можно не таиться, кругом одна тайга.

И все равно прежде всего виделось, как Валерий приподнимает красивую голову с подушки, прислушивается настороженно.

...Клавдию разбудил какой-то шум. Открыла глаза, не понимая, где она. Вспомнила и всмотрелась в сумрак палатки.

Внизу на корточках сидел Вася Ракушкин и сосредоточенно закладывал поленья в остывшую печку.

Наталья спала, похрапывая. Спала крепко, намаявшись за вчерашний день и наволновавшись за ночь. Вася заметил, что Клавдия смотрит на него, и рассмеялся негромко. Наталья мгновенно проснулась. Села на нарах, протерла заспанные глаза и увидела Васю.

— Ты почему здесь?

— А я сюда пришел.

— Пешком?

— Ага... Сейчас тебе тепло будет.

Наталья увидела на нарах притихшую Клавдию. Сообразила — трое их в палатке: она, Вася и Кланя. И нечего уж тут строжиться, ворчать на Васю, как делает она при людях.

— Горе ты мое, горе луковое, — Наталья стала неловко спускаться вниз, откровенно счастливо поглядывая и на Клавдию, и на Василия. — И это ты топал столько километров, чтобы печку мне истопить, чтобы погреть меня?

И опять светящийся взгляд на Клавдию.

— В бане-то хоть помылся ли?

— Не-ет.

— С машины слез и пошел ко мне?

Наталья хлопнула руками по толстым своим бокам.

— Ты подумай, Клань, столько километров ночью по тайге шел!

И вдруг строго повернулась к Василию.

— А если бы медведь тебя задрал? Ты хоть думаешь, что творишь?

Вася рассмеялся, как ребенок. Наталья быстро, смятенно взглянула на Клавдию. Та, глядя куда-то в сторону, усмехалась.

— Принеси дров! — крикнула Наталья парню, и тот, сразу оробев, вышел из палатки.—А ты не насмешничай!

Клавдия очнулась от окрика и не сразу поняла, на что сердится подруга. Вздохнула.

— Я не над тобой, Наташа. И не над Василием. Над собой я.

Наталья недоверчиво покосилась на бледное после бессонной ночи лицо Клавдии.

Вася принес охапку дров и, забыв недавние огорчения, начал хозяйничать. «Порося» подставила свою покрасневшую спину, и Вася пришлепнул к ней, как холодный компресс, днище большого чайника. «Порося» зашипела, довольная.

— Спускайся, Кланя. Позавтракаем, да и пойдем потихоньку.

К Наталье вернулось ее умиротворенное состояние. Она выглянула наружу, впустила в палатку свежий утренний воздух.

— Опять теплый денек будет. Хорошо дойдем.

Клавдия нехотя слезла с нар. Так бы и не спускалась, так бы и лежала целый день. Пусть бы Наталья с Васей ушли, с удовольствием одна бы осталась Клавдия. Одна в тайге.

Они поели, напились чаю, когда Вася вдруг сказал:

— Там, в поселке, парнишку убили.

— Кого?!

— Какого парнишку?

Как ни бились Клавдия и Наталья, большего узнать не смогли. Только на вопрос — кто убил? — Вася ответил более или менее определенно:

— Другой парнишка.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава первая

Зима завалила снегами неширокие проулки поселка, спрятала под белой пушистой мякотью груды досок, бревен, кирпича, сравняла колдобины, оставшиеся после многотрудных осенних пробегов тракторов и бульдозеров. Поселок выглядел уютным, чистым. Стояли меж домиками несколько могучих кедров, помогая людям разбираться, кто где живет, — улочки в поселке «плутливые».

Заметно раздался таежный «пятачок», перекинулся на ту сторону трассы — там началось строительство будущей станции.

А с другой стороны Кедрового сквозь прореженный лес вечерами светили новые огни — это леспромхозовцы срубили для себя первые дома. Срубили основательно, надолго. Дорвались до лесной прорвы, им тут теперь жить да жить!

Трасса продвинулась на север. В тайгу забросили новый «десант».

Теперь кроме Ершика появилась Малайка. Название этой точки пошло от небольшой таежной речушки. На участок отправили работать демобилизованных солдат. Многие женщины запросились туда сучкорубами. В поселке все удивились, узнав, что и Полина Мездрина — ленивая горемовская вековуха — перебралась на Малайку.

— Молоды женихи-то для вас, бабы, — посмеивался кое-кто в поселке.

Полегче стало жить. Однажды машина Кости Плетнева будто запнулась при въезде в поселок — неожиданно вкусным пахнуло в кабину. Костя высунул голову, принюхался...

— Хлеб!

Из новой пекарни с горячей буханкой выскочила Настюра Мартынюк. Отламывала кусочки и, смеясь, совала их в разнутые рты ершовцев. Сама белая и румяная, как булка, Настюра сияла от радости. Однако в пекарню возвращалась, громко всхлипывая, — смех и слезы у нее всегда были по соседству. Сейчас Настюра плакала о маленьком Кольке Прахове, который всего три недели не дожил до своего хлебушка.

К зиме открылась в Кедровом и больничка на «шесть персонально-инфарктных мест», как назвал ее Бердадыш. Маленькое хозяйство попросили принять на себя кладовщицу Марию Карповну. Ей очень понравилась новая работа. Женщина гордилась, что имеет теперь дело не только с койками да рукомойниками, но и с таким деликатным товаром, как медикаменты.

Дома, возбужденно рассказывая мужу о новых своих делах, она так и сыпала мудреными словечками. Хохряков, желая сделать ей приятное, как-то поинтересовался:

— А это лекарство от чего?

— От слабости, — не задумываясь, ответила Мария Карповна.

Однажды, гремя заледеневшими валенками, в больницу вошел обросший до невозможности Костя Плетнев.

— На что жалуешься? — спросила Мария Карповна.

— Опять же на сон!

— Плохо спите? — взяла дело в свои руки медсестра Надя.

— Наоборот. Хорошо сплю. В Шурду надо ехать, а у нас с дружками фары не светят, — ткнул он пальцами в покрасневшие свои глаза.

— Не знаю, чем тут помочь вам... — смутилась Надя.

— Дай, Мария Карповна, опять по той таблеточке, — попросил Костя и протянул озябшую пятерню.

Надя быстро, выразительно взглянула на женщину. Та густо покраснела.

— Они по трое суток не отдыхают, — сказала тихо. — По кофеинке я им давала. По ма-ахонькой, — показала на мизинце. — Им это что слону дробина.

— А нет, Мария Карповна, помогло! — запротестовал Костя, и Надя не смогла удержаться, рассмеялась.

У шоферов и правда выдалась трудная зима. Денно и нощно возили они из Шурды кирпич, штукатурку, шифер для строительства станции, волокли вагончики для жилья, которого все еще не хватало. До того заняты были шоферы, что побриться некогда. Махнули на это рукой и коллективно порешили до самого Нового года не тревожить на своих обветренных лицах ни одного волоска. И обросли бородами.

Как-то в шурдинской пельменной за ними долго и внимательно наблюдал постовой. Затем подошел и спросил документы. А у Кости прав с собой не оказалось.

— Пройдемте!

— Эх, товарищ начальник, — заискивал Костя, — мы милицию, как таковую, год в глаза не видели, а вы — пройдемте!

— Кто такие будете?

Шоферы рассказали.

— Уж будто у вас там милиции нету? — усомнился постовой.

— Какое! — воскликнул Костя. — Мы, товарищ начальник, вообще живем там без всякой власти.

Милиционер нахмурился, всем своим видом показав, что не одобряет подобных разговорчиков.

— А поселковый Совет? — спросил он.

— Да говорю вам, нету ничего! — с воодушевлением продолжал Костя. — Еще только фундамент под него закладываем. Я вот в ноябрьские праздники женился, а зарегистрироваться до сих пор не могу. Хоть разводись! Так опять же негде.

— Ну а если драка, скажем... Как обходитесь?

— А вот так!

Костя вытащил из кармана манок на рябчика и звонко свистнул. Все рассмеялись. Улыбнулся и постовой.

— Раз манок имеете, значит, охотой балуетесь, — оживился он.

— Да так, иной раз с машины бабахнешь, — бодро рассказывал Костя.

Постовой проговорил строго:

— С машины запрещено. Браконьерство это самое настоящее.

— У него ружье-то кривое, товарищ начальник, — решил подправить ситуацию один из «бородачей».

— То есть как это... кривое?

— Совсем кривое. МАЗ его переехал. Теперь из этого ружьишка только из-за угла стрелять.

Так и отшутились шоферы-таежники. Постовой даже проводил их к шеренге глухо рокочущих машин.

— Почему они у вас тарахтят? — выговорил строго.— Зачем не глушите?

— Их заглуши, так потом до утра не заведешь, — пояснил Костя. — На зимнюю смазку никак не перейдем. Дефицит!

И предложил, прощаясь:

— Вы переезжайте к нам на постоянное жительство. Сколько без милиции обходиться можно? Скукота!

Постовой спросил про жилищные условия, про заработок. Костя ответил, что и то и другое — в порядке. Постовой задумался. Водителям некогда было ждать его решения, закрутили баранками.

— Бороды сбрейте! — крикнул им постовой.

—Через неделю ни одного волоска не останется! — заверили шоферы. И поехали, повезли на стройку щиты и колбасу, котлы и масло, алебастр и елочные игрушки...

В таежном поселке готовились к Новому году. Хозяйки мыли полы, выбивали постели, стирали занавески. Настроение было приподнятое. В домах поуютнее стало, обзавелись кое-чем. Холодильники купили, коврики на стенки повесили. Ребят нынче в интернат не отправляли, в своей школе учатся. Чего еще? И с работой дела неплохо идут, говорят, поощрения ожидаются.

Совсем бы хорошо было на душе у горемовцев, если бы не то сентябрьское горюшко. Все замела снегом холодная зима, все припорошила, только эту беду не спрятала. Ходит она по поселку и в слякоть и в мороз, не позволяет забыть о себе, не дает порадоваться чему-либо от всей души.

Эх, Саня, Саня...

Глава вторая

Прахов пил с того самого сентябрьского дня, когда люди молча пропустили его к бульдозеру, стоящему возле конторы. Механик шел по живому коридору и с каким-то недоумением смотрел на машину, в которой неделю назад перебрал каждую гаечку, оживил механизм, заставил рокотать и легко крушить все на своем пути.

Сейчас бульдозер стоял притихший, будто во всем виноватый, прятал перепачканные в глине гусеницы под углы красной скатерти, которая была у горемовцев на все случаи жизни — на праздник и на похороны. На широкой спине держал маленький, обтянутый белой материей гробик.

Прахов долго смотрел на крохотное темное пятнышко на Колькином лбу. Так долго, что кто-то не выдержал: «Господи!» И будто разбудил Прахова. Вмиг одичавшими глазами он обвел замерших в молчании людей. Казалось, механик закричит на всю тайгу, а он спросил еле слышно:

— Кто?

И было это страшнее крика. Настюра Мартынюк подхватила под руки Надежду Чуракову, помогла ей выбраться из толпы.

— Кто?!

Вот это был уже вопль. Прахов, размахнувшись, швырнул наземь чемодан, с которым пять дней назад отбыл в командировку. В ноги людям и под гусеницы бульдозера покатились краснобокие яблоки. Дважды перевернулся и встал на колеса маленький заводной трактор. Из бумаги вывалилось на искореженную землю бело-розовое женское белье. На него накатилась бутылка коньяку.

Прахов схватил ее, чудом уцелевшую, шагнул к бульдозеру, ударил горлышком о железо и, едва смахнув осколки, стал пить...

Не помнят люди, как пробирались потом на кладбище. Только бульдозер знал туда дорогу, еще вчера уминал ее по тайге, искал уютное местечко для первой могилы. Припасенная Костей Плетневым для свадьбы водка угадала на поминки.

Вечером пьяный Прахов бегал с ружьем за Жданкой — от кого-то услышал, что выла она накануне смерти Кольки. Собака металась по поселку, пряталась от хозяина,

пока Леха не догнал его и не увел домой. А потом под крыльцом конторы нашел Жданку и уволок к себе в в общежитие.

— Живи тут, — сказал собаке, сел на кровать, обхватил голову руками и заплакал о Кольке.

В первые два дня так и не узнал Прахов, кто убил сына. Не говорили люди — не дай бог, на одну беду другая накатится.

— Не знаю, Саня, не знаю, — твердила обезумевшая от горя Елена.

— Не знаю, папка, не было меня, — пятилась от отца прилетевшая из Шурды Нюрочка.

А дед Кандык, завидев Прахова, бежал в сторону, чтоб не проболтаться ненароком.

Три дня сидел в чулане Олежка Чураков. Еле нашли в поселке заржавевший замок, закрыли чулан для верности. Мать носила Олежке поесть, а поздним вечером, прислушиваясь, переводила в дом, укутывала с головой в одеяло и ложилась на койке с краю.

— Пойду скажу ему сам, — решил Василий Чураков. За эти дни он почернел, исхудал, будто вышел из больницы после тяжелого недуга.

— Погоди, Вася, не надо, — уговаривала жена. — Пусть отрезвеет Саня...

— Он долго не отрезвеет, — предсказала баба Лиза, и Чураков ушел к Праховым...

С той поры как на вулкане живет семья главного механика. В ночь-полночь может явиться Прахов:

— Помянем моего Кольку!

И Чураковы безропотно поднимаются. Надежда выставляет на стол все, что есть в доме, а сама загораживает, загораживает телом койку, на которой дрожащим клубочком под одеялом — Олежка.

Однажды Прахов пришел к ним в пасмурное октябрьское воскресенье и потребовал, чтобы главный механик отправился с ним на Колькину могилу. С трудом продирались они по размокшей от дождей тайге. Размыло следы бульдозера, только по смятому ломаному подлеску можно было угадать дорогу к Кольке.

Василий Чураков шел впереди. Прахов тяжело шагал за ним, постепенно трезвея. И словно боясь, что отрезвеет совсем, останавливался, доставал бутылку, делал несколько больших глотков.

Могила была обложена бурым мхом, сверху толстым слоем лежали кедровые ветки.

— Загородку надо сделать, — сказал Прахов.

— Сделаем, — глухо откликнулся Чураков.

— И чтоб звездочка покрашенная...

— Да, — кивнул Чураков.

— Сам выруби и сам покрась!

— Ладно, Саня...

— Я тебе не Саня!

Вернувшись из тайги, Прахов в сапогах свалился на кровать. Чураков так и не сомкнул глаз.

В ноябрьский день они снова ходили на кладбище. Вершины деревьев гнулись от холодного ветра. Василий Чураков потом всю ночь натужно кашлял, и баба Лиза выбегала в сени, чтоб не слышно было зятю, как плачет она над его «незаслуженной бедой».

Пытались люди поговорить с Праховым — ведь суд не признал Чуракова виноватым: патроны ребята нашли не в доме, метились друг в дружку поочередно. Единственный заряженный патрон достался на Колькину долю, но мог обернуться смертью и для Олежки.

— В начальниках ходит Чураков, вот и отделался штрафом, — отвечал механик. — Если бы мой Колька убил его Олежку, мне бы припаяли!

— Ох, Александр, сам ведь не веришь тому, что несешь, — качали головами люди. И хоть вертелись на языке укоры и намеки — как вел он себя с родным сынишкой в последние годы, — высказать их не могли, понимали, что глушит Александр в себе эту тяжкую память.

— Почему моего? — кричал он как-то. — Вон у кого надо было! — указал на дом, возле которого, до глаз укутанные в платки, бегали ребятишки Шариповых.

Ислам, стоявший неподалеку, долго молча смотрел на Прахова. Вот на темных худых щеках заходили желваки, задрожали широкие ноздри.

— Сатана ты, — проговорил он тихо и пошел к дому. Люди видели, как одного за другим загнал четверых ребят в открытые двери. А в окно тревожно смотрела Галия. У груди ее лежал самый маленький, родившийся уже в этих краях.

— Пять пальцев на руке, любой укуси — больно, — расходясь, говорили женщины. — Правильно его Ислам одернул. Уж больно куражится Прахов.

А тот и вовсе нехорошо повел себя.

— Чураков мне ничего сделать не может, хоть и начальник мой. А я могу! Я скажу — принеси мне гаечный ключ или скажу — замени ленту на пиле. Он принесет и заменит. Я теперь начальник над ним!

Иногда Прахов не выходил на работу, а на следующий день нахально смотрел на Чуракова: мол, давай-давай, выговаривай мне за прогул. А? Молчишь? То-то!

И все чаще требовал:

— Пусть они уезжают отсюда. Чтоб не видеть мне их. А я никуда не поеду, у меня здесь Колькина могила.

Надежда стала просить мужа — уедем. И Василий Чураков почти решился. Но баба Лиза сказала:

— Ничего ты этим не достигнешь, Василий Макарыч. Ты уедешь, а беда с Праховым останется. Себя он казнит, а тебя уж по пути прихватывает.

«Эх, Саня, Саня... Надумал ты, видно, жить по-прежнему, по-хорошему, да опоздал со своими подарками. И вышло тебе не одно горе, а сразу два...»

Олежку предупреждали — не попадайся на глаза Прахову! Сама Елена просила об этом.

Вконец измученный мальчишка сказал однажды матери совсем по-взрослому:

— Уж лучше пусть убьет меня дядя Саня.

А Прахов будто забыл о нем, никогда не спрашивал, не искал. Бедные матери наконец успокоились. Но как-то увидел Прахов Олежку в окно. Мальчик шел по глубокой снежной тропе. Елена опомниться не успела, как Прахов выбежал на улицу.

Олежка кинулся с тропинки, упал в снег. Прахов постоял, посмотрел на темное трепещущее пятнышко, стряхнул с руки жену и ушел в дом.

Олежка протоптал к школе отдельную дорожку — она пролегла далеко в стороне от дома Праховых.

Недавно поздним морозным вечером с бутылкой в кармане механик неверными шагами пробирался к Чураковым. У самого свертка кто-то встал перед ним.

Прахов хотел обойти человека, но не вышло.

— Давайте-ка повернем обратно, Александр Егорыч,— сказал Петр Росляков.

Механик откинул руку, но Петр перехватил ее, чуть завел назад.

— Ах ты... Ах ты... щенок, — задохнулся Прахов. — Ты кто такой есть, чтоб указывать мне? Откуда взялся?

— Из Шурды приехал, — спокойно ответил Петр.

— Вот-вот, именно! — кричал механик. — Никакой ты не начальник теперь, ссыльный ты. Пусти!

— Не пущу.

— Пусти, говорю, не то хуже будет!

— Идите домой и выспитесь. А потом поговорим.

— Да я и говорить с тобой не намерен. Кто ты есть?

— Это не имеет значения. Хватит изводить Чураковых и весь поселок держать на взводе.

Петр решительно повернул Прахова за плечи и стал подталкивать его в спину. Тот ругался, заваливался в снег, но Петр поднимал его и снова направлял вдоль тропы. Наконец привел в дом, стащил с него валенки, раздел и уложил на диван. Елена, прикрывшись одеялом, растерянно и горько наблюдала за всем этим.

— Здравствуй, Петя, — тихо проговорила она.— Приехал?

— Здравствуй. Приехал.

А механик все пытался подняться и все спрашивал:

— Да кто ты такой есть? Кто ты такой есть, Петька?..

Глава третья

Петр, вернувшись с курорта, не приступил к обязанностям заместителя, а взял предложенный Ступиным отпуск и целый месяц сидел в «Доме офицеров», готовился к экзаменам. Потом Ступин вызвал его и посоветовал поехать в Шурду — очень нужен сейчас свой человек в Шурде!

Петр поехал. На это у него были причины. Во время отпуска, проведенного в поселке, по разным намекам он понял, что ему прочат в невесты Галину из мехколонны. А Мария Карповна однажды завела конкретный разговор.

— Беда бедой, Петя, — сказала она, имея в виду смерть Кольки, — а жизнь все равно идет.

И стала расхваливать Галину, стращать, что «уведут», что с приездом леспромхозовцев в тайге добавилось хоро-

ших женихов. Один вон постоянно подкарауливает у столовой, ждет ее.

Петру нравилась Галина. Девушка хорошая. И командир такой, что шоферы со страху забывают, где тормоза, и жмут на свисток. Она и над Петром не прочь покомандовать. Бывало, зайдет за ней Петр, чтоб вместе пойти на танцы в клуб, а она оглядит его с ног до головы и посылает домой сменить клетчатый галстук на однотонный. Как будто универмаг у него в «Доме офицеров»!

Но это не главное. Тут бы Петр и сам не растерялся— характер и у него имеется.

Есть другая причина. Не забывается та девушка с Пролетарской, 16. Ни разу больше не видел ее Петр, а помнит. И все кажется ему — плохо ей, трудно... Такая она маленькая, беззащитная. И помощи ждать не от кого. Повидать бы... Узнать, как она там... Поэтому легко согласился он сидеть экспедитором в Шурде.

При первом удобном случае пошел на знакомую улицу. Ворота заперты накрепко, нигде никакой щелочки, чтоб заглянуть. Посвистел тихонько, и с той стороны набросилась на глухую стену собака, скребла когтями доски, остервенело, хрипло лаяла.

Из соседних ворот вышел старик, засунул под мышку полосатый мешочек и пошагал в сторону базара.

Петр догнал «свидетеля». Тот узнал его не сразу. Пришлось напомнить про бабушку Мотю, про поминки.

— А-а-а, — обрадовался дед Савелий и сообщил доверительно: — Баню та хапуга раскатала, новых бревен привезла, другую строить задумала.

— Вы не знаете, где сейчас Фаинка?

— Кто это?

— Дочь Глазырина... Фая.

— А-а-а... Вон кто! Не знаю, давно не видать.

Петр достал из кармана бумажник.

— Я у тебя, дедушка, все семечки подороже куплю, вместе с мешком. А ты разузнай, где Фаинка. Если дома — тихонько вызови ее ко мне.

Дед растерянно мял в руках полосатый мешочек.

— Дык не знаю уж... Собака у их теперь злющая, как ведьма. Я лучше у моего сына разузнаю.

И убежал со своим мешочком. Минут через пять вернулся.

— Нету ее. С лета она от их ушла.

— Куда?

— Скажет разве, — кивнул старик на глазыринский дом. — Она все про себя держит, ни с кем не разделит. А сам на промыслах где-то, рыбу ловит.

Петр задумался.

— Скажите, фамилия у Фаи — Глазырина? — спросил почему-то.

— Пошто! — тряхнул бороденкой дед. — Совсем иная какая-то... Она ведь Глазырину не рóдная дочь.

Петр чертыхнулся, протянул «свидетелю» деньги, хотел взять семечки.

— Дык нет... не надо, — забормотал старик. — Я уж лучше на базаре продам. Какая мне корысть дома сидеть? — и развязал мешочек. — Я тебя так угощаю. Насыпь в карман. Хорошие семечки, каленые!

Еще не раз заходил Петр на ту улицу, бродил вокруг дома, но так ничего и не узнал: из рассказов соседей выходило, что уехала Фаина из города совсем, никто не видел ее.

И все-таки Петр не терял надежды отыскать девушку. В Кедровый не просился. Подогнал дела с учебой — этим и объяснил Гурьянову свое пребывание в Шурде.

А на должности Петра в Кедровом сидел Бедрицкий, человек, которого Ступин устроил по настойчивой просьбе своего знакомого из треста. Бедрицкому оставалось полтора года до пенсии, нужна была приличная зарплата. Ни специального образования, ни опыта он не имел, но Ступин решил, что на хозяйственной, административной работе протянет Бедрицкий свой год с лишним. А дружбу с трестовским начальником терять не следует. В благодарность тот знакомый и так уж помог кое в чем стройке.

Приживался Бедрицкий трудно. Ему, городскому жителю, все было здесь чуждо и ново. Вечерами хотелось принять ванну, а вместо этого приходилось греть на плите воду и, ежась от холода, мыться в тазике. Ходить в баню-вагончик Бедрицкий избегал: не хотел лишний раз встречаться с людьми, которые держались с ним довольно странно.

Днем он сидел в кабинете и растерянно перебирал заявления, требования, часто бегал к Ступину посоветоваться. Тот просматривал бумажки и диктовал: этой откажите, этому пообещайте, а с этим вообще не разговаривайте.

Больше всего Бедрицкий боялся женщин, которые просили устроить детей в ясли. Мест не было.

— Что же, голубушка, разве уж совсем не с кем оставить ребеночка? А если с бабушкой?

— Какая бабушка? Имела бы ее, не пошла бы к вам.

Бедрицкий бежал к Ступину.

— Да что вы сами-то ничего решить не можете! — начинал злиться тот. — Любой вопрос на стройке для вас — темный лес.

Люди раскусили это еще быстрее начальника и иной раз просто озоровали.

Однажды в кабинет к Бедрицкому быстро вошел парень и сообщил испуганно:

— Товарищ начальник! На электростанции котел прохудился, вода бежит прямо на костер и гасит его.

— А запасного нет?

— Нету. Разве только из бани взять.

— Как же баня без котла?..

— А уж тогда не париться, товарищ начальник!

Заместитель пошел советоваться, а «проситель», давясь смехом, скрылся.

Начальник стал подыскивать для трестовского протеже другую должность, но тот, во всем нерешительный, вдруг заявил, что уезжает домой, — в Горноуральск. Ступин уговаривал его вяло, неискренне, и отпустил.

В поезде приняли его отъезд спокойно, горемовцев не удивишь: руководство не впервой меняется, а этот, сразу было видать, долго не протянет. Посидел, пока Петр Росляков хворал, и ладно. Вреда от него, как и пользы, не было.

Но когда Ступин стал водить по поселку, возить на трассу другого — толстенького, веселого человека, задумались: кто такой, на чье место?

Каждый раз, знакомя строителей с приезжим, Ступин тихонько и многозначительно добавлял: «Дипломированный!» А тот запросто останавливался со всеми встречными, легко заводил беседу, играя живыми глазами, расспрашивал о житье-бытье, давал советы.

— Мастерские нужны, — хлопал мягкой ладонью по машине, стоявшей на ремонте под открытым небом.

— Строим, — хрипел довольный Ступин и, загородив рот рукой, шептал механикам: «Дипломированный!»

Скоро это стало кличкой новоприбывшего.

— Сегодня к нам в пекарню «Дипломированный» закатился, — хохотала Настюра Мартынюк. — Ничего мужик, свойский. Чуть не буханку хлеба съел, а меня вон ущипнул повыше локтя, — показала синячок на руке.

Клавдия Маклакова рассказывала приехавшей с Ершика Наталье:

— «Дипломированный» говорит мне: «Готов по три тарелки супу съедать, лишь бы вы сами мне его подавали».

— Так я не пойму, — размышляла Наталья Носова.— Его, что ли, на место Петра ставят? А Петра куда определяют?

Официального приказа о снятии Рослякова не было, хотя Колечкин уже работал вместо него. Но вот Ступин вызвал к себе Хохрякова и Заварухина.

— Прошу понять меня правильно, — сказал он. — Я принял Колечкина не потому, что он доводится мне дальним родственником, седьмой водой на киселе. Согласитесь, я мог и не сообщать об этом, — добавил живо. — А потому, что Колечкин действительно хороший инженер, с опытом, работал в Горноуральске в солидных организациях.

— Почему ушел оттуда?

— Ну, знаете, — откинулся на стуле начальник. — Не беспокойтесь, биография у него в порядке, — по привычке разорвал какую-то бумажонку и остановился взглядом на Заварухине. — По-моему, любому инженеру интересно и полезно поработать на такой стройке, — сказал выразительно.

Заварухин промолчал — кто будет против этого возражать. Собственно, и о Колечкине он не мог сказать ничего плохого. Тот все время проводит на строительстве поселка, выезжает и на трассу. Хватка у него есть, с людьми держится просто.

— Но с Росляковым, на мой взгляд, получается как-то нехорошо, — уже вслух закончил свою мысль Заварухин, и Хохряков решительно поддержал его:

— Очень нехорошо получается с Росляковым.

— А что с Росляковым? Что с Росляковым? — вспыхнул Ступин. — Давайте говорить честно. Ну не дорос еще Росляков до командира. В нем столько мальчишества, верхоглядства!

Ободренный молчанием собеседников, продолжал возбужденно:

— Ну возьмите вы ту историю с шурдинской бабкой! Или путешествие по болоту. Кому нужен такой героизм?

Собеседники молчали.

— А этот, извините, шахер-махер с асбестовой крошкой, со скважиной, с петухами!

— Скважину нефтяники сделали, — напомнил Заварухин.

— А петухи несутся,— без улыбки вставил Хохряков.

— Ну, а случай с экскаваторщиками? — продолжал Ступин, будто не слыша их замечаний. — Такой дефицит у нас эта профессия! А он взял и уволил сразу троих... «Рвачи! Летуны!» Скажите, пожалуйста! — насмешливо развел руками. — Никакой гибкости!

— Так они и есть летуны, по документам было видно, — сказал кадровик, и Ступин поморщился.

— Не вам такое говорить, товарищ Хохряков, не мне слушать. Народ к нам прибывает разный, и кое на что приходится закрывать глаза.

— Кстати, экскаваторщики сами заявили, что не хотят работать в таких условиях, — сказал Заварухин. — Ну, Росляков и уволил их. В конце концов должность заместителя начальника давала ему на это право.

Ступин внимательно посмотрел на главного инженера.

— Мне бы не хотелось ловить вас на слове, Валерий Николаевич, — опять разорвал он какую-то бумажку, — но в таком случае и я, видимо, имею право решить вопрос с Росляковым, — и мимоходом сообщил: — Тем более, что кандидатура Колечкина уже согласована с трестом.

Хохряков и Заварухин не откликнулись.

— Я понимаю, есть тут уязвимое место, — с каким-то даже удовольствием раскручивался Ступин. — Колечкин мне родня, до него был неудачник Бедрицкий. Но ведь Колечкин — вы это сами видите — не чета Бедрицкому!

«Зачем сравнивать с Бедрицким, когда речь идет о Рослякове», — усмехнулся Заварухин и опять вспомнил о своих размышлениях по поводу «дальнего прицела», по поводу бесконечных придирок Ступина к Петру. Но даже если Заварухин был близок к истине — попробуй сейчас доказать это, — Росляков долго отсутствовал по болезни. Ступин имел право сделать замену; потом Петр сам согласился ехать экспедитором в Шурду, решив поправить институтские дела. И вот на стройку прибыл дип-

ломированный инженер с опытом. При чем же тут Ступин? Как все здорово!

— И правда, кто ты такой есть? — сказал Михаил Козлов, когда Петр, придя в «Дом офицеров», рассказал ему о своей встрече с Александром Праховым. — П-пентюх ты не лучше Бедрицкого.—И, раскладывая на столе учебники, заявил:— Меня ему так просто не сковырнуть.

— Ладно, сиди, пока он другого свояка не подобрал на твое место, — устало отмахнулся Петр.

— Да мне плевать на это место, — рассердился Михаил. — Я п-принципиально!

— А, ладно, — зевнул Петр. — Зато я «хвосты» ликвидировал, — и прикрылся одеялом.

Пожалуй, только сейчас он по-настоящему осознал, как ловко воспользовался Ступин всем, что произошло этим летом. Как кисейная барышня, раскис тогда Петр в болоте, валялся в больнице, ездил по курортам. И вот— теперь каждый вправе спросить его: а кто ты такой есть? Ведь, если разобраться, на должность шурдинского экспедитора, скорее всего придуманную Ступиным специально для Петра, можно было посадить любого. Чаще всего шоферы и не заходили в маленький вагончик, стоящий в тупике станции, а сами получали грузы и отправлялись с ними в Кедровый. Только Костя Плетнев по дружбе не упускал случая повидаться с Петром.

— Сидишь? — спрашивал он, сжимая сигарету редкими зубами.

— Занимаюсь,— откладывая учебники, отвечал Петр.

Наверняка Костя просто подсмеивался и над ним, и над его должностью. Да и не только он. Все в поезде, наверно, усмехались. Ему не хотелось так думать, но он чувствовал, что и Гурьянов стал относиться к нему с меньшим интересом, равнодушно. Это очень расстраивало Петра.

Михаил Козлов старательно высчитывал что-то на бумажке, закусив нижнюю губу. Еще в августе, когда Петр был болен, Козлов взял отпуск, съездил в Новосибирск и сумел восстановить право на учебу, которую забросил. Перевелся в Горноуральский железнодорожный институт, осенью кое-что сдал и вот учится теперь на третьем курсе. Это и была та «свинья», которую он «подложил» Ступину: попробуй сковырни его — молодой, подающий надежды студент-производственник.

Петр вдруг рассмеялся:

— Слушай, Мишка, а вдруг у Ступина и в мыслях нет подкапываться под тебя? Вот и будешь как дурак ходить в грамотеях.

— Молчи уж, п-пентюх ссыльный.

Глава четвертая

Перед самым Новым годом в таежный поселок прибыла из Шурды парикмахерша. Обмела в ледяных сенях «заезжей» подшитые валенки, в пустой комнате с рукомойником в углу сняла с себя три шали, полушубок и села возле горячей печки на единственную табуретку.

— Ну и заехали вы! — сказала уборщице Шуре.

Та и ответить не успела, как женщина заговорила снова:

— У меня план. Так что времени терять не будем. Где клиенты?

— Какие клиенты? — не поняла Шура.

— Ну... Стричь, брить... завивать.

— А-а! — Из соседней комнаты, в которой почти впритык стояли четыре койки с жиденькими подушками, Шура вынесла табуретку и устроилась у печи, рядом с гостьей.

— Так и будем сидеть? — немедленно спросила та.

— А что ж делать?..

— Люди-то где?

Шура подошла к окну и громко задышала на замерзшее стекло. Добилась — оттаяло темное пятнышко. Пристроилась к нему одним глазом и еле-еле разглядела контору. Только в отделе кадров горел свет, остальные окна терялись в морозной мгле — еще не было и семи часов утра.

— Разве что Хохрякова позвать...

— Давай Хохрякова, — согласилась парикмахерша и стала вынимать из чемодана всякие баночки, скляночки.— Стол мне еще надо.

— Разве что из конторы принесу...

— Неси из конторы.

Шура вернулась довольно быстро. Вся заиндевевшая, покрасневшая, внесла в комнату маленький стол.

— А Хохряков где?

— Они приветствие пишут...

— Какое еще приветствие?

Шура присела на табуретку и радостно сообщила:

— Наши строители к Новому году план перевыполнили. Трассу по тайге продвинули дальше, чем надо.

— Ну и что им за это будет? — рассмеялась парикмахерша, ловко раскладывая на столе ножницы, бритву, бигуди...

— Приветствие будет и награда.

— Им награда, а мой план гори?— продолжая разбирать чемодан, ворчала женщина. — Я черт знает по каким ухабам ехала сюда двое суток, промерзла вся да еще матерщины наслушалась...

— С Костей Плетневым ехали? — спросила Шура.

— Уж не знаю с кем. А только как увязнет его машина или встречные загородят зимник, он такое выпустит!

— С Костей, — убежденно кивнула Шура.

Она сбегала к соседним домикам, потопталась у темных окошек, не решаясь постучать. Сегодня «актированный» день, мороз сорок семь градусов. На трассу люди не пойдут, пусть хоть поспят подольше.

Шура только месяц назад пришла сюда пешком из деревни, которая уместилась в маленькой ложбинке, в тридцати километрах от Шурды. Всю жизнь она прожила там. Родительский домишко стоял на берегу светлого, прозрачного озера, воду которого не могли замутить даже осенние дожди.

Родители умерли рано. Тихая, неприметная Шура одна вела маленькое хозяйство и работала в полеводческой бригаде. Четыре года назад неожиданно посватался к ней тракторист из той же деревни, и Шура переехала на другую сторону озера. Четыре окна ее нового жилья смотрелись в ту же чистую воду, но никогда этот берег не освещался солнцем так ярко и тепло, как родной южный бережок.

А два месяца назад тракторист привез в дом вместе с сундуками новую жену — богатую вдову.

Родительский домишко был уже продан, да и от стыда Шура не могла остаться в деревне. Добралась до Шурды, узнала о стройке и пришла в тайгу.

И неплохо здесь совсем. Народ простой, добрый. Хохряков сказал:

— Угадала ты, Шура, к самому сроку, открыли мы «заезжую». Пока в ней поработай, а там видно будет. Если понравится — и дальше с нами поедешь, в другие места. — И показал на карте, где они с поездом побывали.

Весь свет объехали! А она, кроме своей деревеньки да Шурды, ничего не видела. И сразу спокойно ей стало, исчез страх от неведомого, непривычного. Все теперь пойдет само собой, а ты только езди да работай на совесть.

«Не буду тревожить людей, пусть поспят».

Шура вернулась в «заезжую». Туда же вбежала промерзшая кошка и кинулась в другую комнату, под кровать.

— Ну? — спросила парикмахерша, мешая в печи.

— Разве что мне завиться...— неуверенно предложила Шура.

— А почему бы нет? — деловито согласилась парикмахерша. — Ну-ка!

Шура и оглянуться не успела, как уже сидела на табуретке с подстриженными волосами, туго закрученными и втиснутыми во что-то. Голову ее стянуло, в некоторых местах жгло. Шура опасливо поглядывала на бачок с бурлящей водой, на резиновые трубки, одна из которых шла от ее головы к этому бачку, а другая — к пустой бутылке, поставленной на полу. Из бутылки шел пар, из трубки в нее что-то капало.

— У вас столовая далеко? — справилась прибывшая.

— Через два домика...

— Ты сиди так, а я пойду перекушу. Не крутись, а то бачок свернешь.

Когда минут через двадцать в «заезжую» кто-то вошел, Шура побоялась даже голову повернуть. Пришедший, видимо, смотрел на нее с удивлением, потому что ничего не говорил, только изредка шмыгал носом да хрипло дышал.

— Кто там? — спросила Шура.

Пришелец протопал мерзлыми валенками по комнате и встал перед Шурой. На бороде и усах повисли сосульки, нос покраснел, глаза слезились.

— Ты чего это, а? — спросил дед Кандык.

Шура не знала, куда деваться от его смешливого, быстрого взгляда.

— Завиваюсь я. — смущенно пробормотала она.

— А в поллитру чего капает? — хитро кивнул дед на бутылку.

— Не знаю...

Дед хохотнул:

— Ну, дела! На привязи. значит, ты теперя. И ни туда и ни сюда, покуда поллитра полная не набежит. На самогон тебя перегоняют!

Он совсем развеселился и, сняв шапку и рукавицы, уселся на табуретку против Шуры.

Парикмахерша вернулась лишь через полчаса, ведя за собой двух женщин. Ловкими пальцами отделила Шуру от бачка и бутылки, раскрутила волосы, подвела к рукомойнику и раза два плеснула на завитки теплой водой.

— Я тебя потом причешу, сейчас мне этих клиенток обработать надо.

У новой «клиентки», Маруси Плетневой, хорошие светлые волосы. Парикмахерша уже ухватила ножницами блестящие, длинные пряди, как у стены охнул дед Кандык.

— Очумела, Маруська? Пошто резать даешь?

Парикмахерша повернулась, несколько раз звонко чикнула ножницами перед его носом.

— Вот отрежу бороду-то! Тебе, дед, не стричься, не бриться. Шел бы домой.

— Пошто пойду? — заулыбался тот. — Поглядеть интересно. Кино-то к нам реденько заезжает.

— Тогда помалкивай!

— Я и слова больше не скажу, раз у дуры у самой ума нету. Ну будет тебе, Маруська, дома!

Светлые пряди полукружьем упали возле табуретки.

Отогревшаяся кошка вылезла из-под кровати, подошла к печи и стала тереться о ее теплое ребро, высоко подняв пушистый хвост.

— Убирай хвост-то! — прикрикнул на нее дед Кандык. — А то в одночасье обстригут твою красоту.

Парикмахерша быстро накручивала короткие прядки.

— По крайней мере, встанешь утром, с волосами не надо маяться. Раз-раз — и причесалась. Быстренько перекусила, да и пошла. На трассе работаешь?

— Ага, сучкорубом. Вот только два дня в столовой повару помогаю — из-за морозов на трассу не ездим.

Дверь широко распахнулась, и в «заезжую» вошел Костя Плетнев. С удивлением оглядел пыхтящий «агрегат», волосы на полу, жену, притянутую к бачку и бутылке. Маруся сидела так, что видеть его не могла. Костя постоял молча, затем крепко выругался и вышел, хлопнув дверью. Кошка, перепугавшись, метнулась с подоконника, опрокинула склянки. Комната вмиг заполнилась острым запахом тройного одеколона.

— Сатана, — ругнулась парикмахерша, но заниматься кошкой не стала, были дела поважнее: клиентка вдруг решительно дернула за резиновые трубки.

— Снимай! — взволнованно потребовала она. — Снимай! Домой мне надо немедля. Это Костя, муж мой, приходил. Из Шурды вернулся.

Тут и парикмахерша всполошилась. Она сразу узнала шофера, который привез ее сюда, но что «обкорнала» его жену — не ведала. А он, выходит, и дома еще не был, наверно, машину ремонтировал — в дороге все чего-то отлетало. Когда въезжали в поселок, она сама пригласила его зайти, обещала обслужить без очереди. Вот он и пришел сбрить бороду.

Парикмахерша с трудом уговорила Марусю досидеть, раз уж дело сделано. А муж успокоится, когда жена придет домой с моднющей прической.

Она увидела, как вторая приведенная ею «для плана» клиентка, будто бы выпуская кошку на улицу, вышла сама и не вернулась. «Ну и бог с тобой!» — равнодушно подумала женщина.

Когда Маруся отсидела свое, парикмахерша сняла с ее головы закрутки, тщательно вымыла кудри под умывальником и снова накрутила, теперь уже на бигуди. Дала волосам хорошо подсохнуть, устроила Марусю на табуретку перед зеркалом и заколдовала над ней.

У деда Кандыка затекла нога, онемела от долгого сидения на полу. Он поднялся, обошел людей, уставившихся в небольшое зеркало, и сел на подоконник. Вот уж отсюда-то ему прямиком все видать.

А парикмахерша и приговаривать забыла. Губы сжала крепко, в них шпилечки держит, скрепочки разные. Работает, старается, никого, кроме Маруськи, не видит.

А людей уже вон сколько пришло. И сучкорубы тут, и шоферы, и механики... Расчесала кудри по прядочкам, разложила на голове то крендельком, то валиком, самую макушечку вздыбила, приподняла, а на нее еще завиточки выпустила. Чудеса, да и только!

Вновь приходящие шумно спрашивали, можно ли побриться, нельзя ли завиться, но на них шикали, и они тоже пристраивались, выискивали местечко и смотрели на руки мастера, на Марусю...

Наконец Маруся встала с табуретки, неотрывно глядя на себя в зеркало. В «заезжей» было тихо. Парикмахерша тоже молча, чуть устало смотрела на творение своих рук.

Первым заговорил дед Кандык:

— А как ты ее, Маруся, до завтрева-то убережешь? Забота тебе, да и только!

Маруся охнула, приложив ладони к горячим щекам. Ведь уже сейчас надо идти в столовую, кормить строителей обедом, потом ужином. И завтра целый день париться у котла да бегать по поселку, собирать для новогоднего ужина рюмки, стаканы, вилки...

Она с отчаянием взглянула на парикмахершу. Та порылась в сумке, подала цветную сеточку.

— Вот возьми. На ночь надень аккуратненько. На подушке, конечно, не крутись.

В «заезжую» с шумом вошел Костя. Все повернулись к нему, чуть расступились. Он медленно обвел глазами присутствовавших.

— Костя!

Настороженно, недоверчиво глядел парень на светловолосую красавицу, с горделивой улыбкой шагнувшую ему навстречу

— Я тебя к обеду ждала, Костя...

Он стоял, молча смотрел на нее. И только когда на подоконнике, крякнув, заерзал дед Кандык, проговорил осипшим голосом:

— А мы к утру прибыли...

Парикмахерша глубоко вздохнула. И, будто очнувшись, оглядела очередь. Увидела Шуру. Та, зачарованная ее колдовством, так и забыла надеть платок, и высохшие жиденькие спиральки смешно топорщились на ее голове.

Парикмахерша всполошилась:

— Шурочка, — сказала она. — Извини. Сейчас я займусь тобой. Я тебе такую прическу сделаю!

— Да что вы! — Шура, застеснявшись, быстро прикрыла голову платком.— Разве что немножко наладьте...

— Только сначала, без всякой очереди, обслужу вот этого человека. — И прямо, спокойно взглянув на Костю, парикмахерша пригласила: — Пожалуйста, товарищ шофер, прошу!

Она уже валилась с ног, когда совсем поздно в «заезжую» пришла Клавдия Маклакова. Устало опустилась на табуретку перед зеркалом, сдернула платок, вытащила шпильки. Волосы тяжелой волной упали на плечи и спину.

Парикмахерша и Шура смотрели на нее с молчаливым восхищением.

— Неужели шестимесячную? — наконец проговорила приезжая.

— Нет, — сказала Клавдия. — Такую... знаете? Высокую с переплетом, — и мягко покрутила руками над головой.

Парикмахерша взяла расческу.

А Клавдия, глядя в зеркало, думала:

«Я первая тебя брошу. Завтра. У всех на виду. Вот уж ты вздрогнешь!»

Глава пятая

В фойе нового клуба на подоконниках и стульях навалом лежала одежда — вешалок не хватало. Дед Кандык долго искал местечко для своей обновы с цигейковым воротником и наконец закрепил ее на доске Почета, прикрыв на портрете пышную бровь Максима Петровича.

В зале тоже было тесно. Пахло хвоей. Один угол полностью заняла елка. Как ее ни вымеряли, она оказалась выше, чем надо, и елку укоротили с макушки. Серебристый шпиль поэтому был насажен на одну из боковых веток и походил на палец. Палец указывал на сцену. На сцене под той же неизменной красной скатертью — небольшой столик, за ним — Ступин.

Долго заседать не думали, президиум не избирали. Просто было решено в девять часов вечера провести небольшую торжественную часть, отметить передовиков. А потом — танцы. Ближе к полуночи кто-то перейдет в столовую, где уже накрыты столы, кто-то в освобожденные для праздника комнаты общежития, а те, кто хочет провести Новый год по-семейному или с близкими друзьями, разойдутся по домам.

В зале было тихо. Ступин, не напрягая голоса, докладывал о достижениях, с которыми строители пришли к Новому году, прочитал поздравительную телеграмму из треста.

Он был оживлен, не экономил слова, как обычно, даже шутил: «Чуете, какой сквозняк по тайге идет?»

Люди понимали — это он про трассу. И правда, в лесу — тихо, а выйдешь на просеку — шапку с головы сносит. Далеко по тайге прошел тот сквозняк, прорубили ему строители дорожку, да еще грунтом присыпали — гуляй, не хочу!

— Сделано немало, — говорил Ступин, — но еще больше предстоит сделать. Впереди зима. Надо воспользоваться морозами и до весеннего размыва завезти как можно больше материалов, механизмов, продуктов... Забросить еще один «десант» километров на пятнадцать — восемнадцать дальше Малайки. Надо хорошо подготовиться к приему молодежи, которая скоро появится на стройке...

Поставив задачи, Ступин отметил, что в коллективе строительного поезда многие поработали хорошо. Но тут голос отказал, и как Ступин ни покряхтывал, восстановить его не сумел. Тогда он поманил председателя постройкома Лазутину, сидящую в первом ряду, и передал ей список. У той голос зычный, дед Кандык трепыхнулся на скамейке, когда она откашлялась.

Лазутина уже хотела выкрикивать фамилии, но надумала еще чего-то. Достала из кармана бумажку и сначала громко сообщила цифру — сколько людей завоевало к Новому году высокое звание «Ударник коммунистического труда». И объявила их поименно, чтобы, значит, потом, когда будет вызывать по списку, не приставлять это к нужной фамилии. Воспользовалась случаем и укорила профорга и воспитателя с Малайки — и кисточки, и краски выделены им сполна, бумага ватмановская отпу-

щена, а стенгазета выходит только по праздникам. Попутно одобрила экспедитора с вертолетной площадки, который в свободное время бескорыстно написал много лозунгов, и на данный момент они разосланы на все участки трассы.

Потом Лазутина еще раз откашлялась и начала:

— Приказом начальника поезда премируются следующие товарищи...

К сцене, неловко пробираясь по узкому проходу, смущаясь от аплодисментов, один за другим потянулись люди... Отрез на платье получила бригадир сучкорубов Наталья Носова, яркий термос — Максим Петрович, рубашку в красную клетку — Ислам Шарипов... Были отмечены Мартынюки, Плетневы, Мария Карповна, вызвали Клавдию, но ее в клубе не было.

Шли и шли к сцене строители... Петр не поверил, когда Лазутина выкрикнула и его фамилию. Михаил ткнул его в бок, только тогда Петр поднялся и пошел.

Ему хлопали особенно громко и долго. Ступин улыбался, кивал и тоже хлопал. Петр получил коричневый портфель, сунул его под мышку и, пожимая плечами, отправился на место.

— Это тебе компенсация за понижение зарплаты, — немедленно объяснил Мишка.

Потом начали выносить скамейки, оставили только по два ряда вдоль стен.

В клубе играл мехколонновский баянист. Галина танцевала с Михаилом Козловым — рассеянная, неразговорчивая.

— П-почему невеселая?

Она пожала плечами, не ответила.

— Пригласи Галю, — сказал Петру в перерыве между танцами Михаил.

Петр и сам хотел пригласить, но наготове были сразу четыре солдата. Баянист только пошевелился — и они ринулись к девушке. Петр перехватил откровенно рассерженный взгляд Галины и виновато развел руками.

Позднее она сама подошла к нему.

— Разрешите пригласить вас, — сказала довольно ехидно.

— Чего злишься, Галя?

— Ты что-то очень задаваться стал.

— Я не задаюсь, просто почти не бываю в Кедровом.
— За что это тебя так понизили?..
— Зато тебя не мешает повысить до главного инженера, — отшутился Петр.
— А что? Дисциплину бы навела.
— Это уж точно! — весело согласился Петр.
— Где встречаешь Новый год? — спросила Галя. — В столовой?
— Нет. Там у нас семейные и начальство. Ни по какой статье не подхожу.
— Так где же?
— В общежитии с ребятами.
— И с девчатами вашими?
— А куда их денешь?
Галина, помолчав, предложила:
— Пойдем ко мне. Мы небольшой компанией собираемся.
— Я бы пошел, да Мишка обидится.
— И его позовем.
— Так перед ребятами опять неудобно.
— Короче — не хочешь?
— Да нет... Не то, чтобы...
Танец окончился, и к ним протиснулся Михаил.
— Галя, ты где Новый год встречаешь?
— Дома.
— П-пойдем лучше к нам, а?
— Я уже договорилась, нельзя мне.
В конце концов решили так: примерно до часу ночи Петр и Михаил побудут в общежитии, а затем придут к Гале.
...В столовой все стены были увешаны гирляндами из кедровых и пихтовых веток, в зелени ярко горели красные гроздья рябины. За сдвинутыми столами шумно, весело. До Нового года оставалось пять минут, и Колечкин волновался:
— А где же у нас Клавдия Ивановна?
— Выйдет, — успокаивала Маруся и, выставляя новые блюда, все поправляла пальцами немного нарушенную модную прическу.
— За стол, за стол, друзья! — крикнул Колечкин, косясь на окно раздатки. — До Нового года осталось пять минут! — еще громче объявил он. — Пока открываем шампанское, пока кладем закуску...

Полина Мездрина, прибывшая из Малайки, привела на вечер веснушчатого широколицего солдата с хитрыми быстрыми глазами. Солдат принес проигрыватель, и Полина по-хозяйски заводила то одно, то другое. Пластинки были нерусские — солдат служил за границей. Настюра Мартынюк слушала-слушала незнакомую рыкающую музыку, махнула рукой и пошла плясать «барыню». Кто-то сбегал домой, притащил «Амурские волны», и Максим Петрович пригласил на вальс Зинаиду Федоровну.

В кухне Клавдия еще раз взглянула на себя в зеркало, повешенное на стене, и в самые последние минуты вышла к столу. Оживленный говор, суета — все прекратилось немедленно.

Ну вот. Как было задумано, так и получилось. А теперь пусть пьют, поют, пляшут. Она же скоро опять уйдет в кухню, будто по делам. Чтобы таращили глаза, искали — где она. И чтоб он каждый раз даже спиной чувствовал, когда она появится снова.

Колечкин, избранный тамадой, стоял с бутылкой шампанского в руках.

— Ну вот... Вы пришли. Можно и начинать, — забормотал он.

Клавдия села на оставленное для нее место.

— Встали! — взглянув на часы, скомандовал тамада.—С Новым годом!— быстро обвел глазами застолье. — С новым счастьем! — склонившись к Клавдии, добавил тихо, многозначительно.

Она выпила и пошла, показывая свою красивую спину, обтянутую синим трикотажным платьем: специально ездила в Горноуральск, искала что-нибудь подходящее для этого вечера.

Вернулась, когда все уже захмелели. Теперь мужчины, увидев ее, вскакивали, говорили комплименты, а женщины начинали неестественно оживленно беседовать друг с другом.

— Ты у нас сегодня королева! — сказал Максим Петрович, разглядывая шикарную прическу Клавдии.

— Приглашаю на фокстрот, — подкатился к ней Колечкин.

Заварухины не танцевали. Главный инженер сидел рядом с недавно приехавшей величественной супругой Ступина и слушал ее монотонный рассказ о дипломированном инженере Колечкине.

— Станислав моментально вживается в любую среду. Будь это интеллигенция или самые простые люди — он всегда найдет с ними общий язык. Вы же видите, он как рыба в воде! — кивала она крупной головой на мужа своей младшей сестры.

Зинаида Федоровна рассеянно разговаривала с Марией Карповной. Бердадыш все пытался рассказать кому-нибудь «байку», но его никто не слушал.

Двери широко распахнулись, на пороге встал Леха-механик.

«Всю обедню испортит!» — пронеслось в голове Клавдии. Она бросила Колечкина и шагнула к Лехе.

— Или нам сюда нельзя? — скривил губы механик.

Клавдия подхватила его под руку, вывела на улицу. Вернувшись, увидела, что Зинаида Федоровна уже взяла с окна сумочку. Валерий нетерпеливо дослушивал свою собеседницу. Сейчас уйдут!

Клавдия пересекла столовую, выбрала пластинку.

— Дамский вальс!

Она не знает, «вздрогнул» ли он, когда у всех на виду пригласила его на танец. От еле уловимого знакомого запаха одеколона все закружилось, и он прижал ее к себе.

— К чему это, Клава?..

Может, послышалось? Может, и не говорил ничего?

Отпрянула, чтоб увидеть его лицо, глаза.

Господи! Наплевать на все! Положить голову на грудь и кружиться, кружиться...

Его пальцы до боли сжали ее кисть. Мгновенно поняла: это не ласка, предостережение. Ну ясно! Он испугался! Здесь же не глухая тайга, а он и там осторожно озирается.

Сразу увидела всех окружающих. Танцевали только Костя с Марусей. Остальные молча стояли в сторонке и внимательно смотрели, Зинаида Федоровна рылась в сумочке у окна.

Неожиданно для себя Клавдия с силой повернула Валерия так, что ее лицо никому не было видно.

— Мне нужно что-то сказать тебе, — проговорила тихо, но внятно. — Ночью приходи ко мне. Всего на одну минуточку! — И добавила угрожающе:— А если не придешь, я пошлю за тобой Леху-механика!

И не дожидаясь конца музыки, ушла.

Глава шестая

Огня не включала. Только затопила печь: в комнате выстыло. И в душе было холодно. Вдруг таким далеким стал недавний вечер, этот дурацкий вальс. Кого тешила, чего добивалась? Все равно ведь не придет.

Плита порозовела, и Клавдия поставила на нее чайник. Совсем голодная. Хоть кипятку с сахаром выпить. Даже хлеба нет.

Ей показалось, что за окном кто-то ходит. Затаив дыхание, оттянула край занавески. Сразу узнала — «дипломированный»! Круглый, как окатыш, бегает взад-вперед. Всю тропку загородил своей тушей, никому из-за него прохода нет.

Не одеваясь, выскочила на улицу.

— Чего вы тут топчетесь?— спросила, подойдя вплотную. — Чего вам не спится?

— Клавочка, — схватил ее пальцы Колечкин, но она, вырвав руку, проговорила яростно:

— Чтоб духу вашего под моим окошком никогда не было!

И пошла, вглядываясь в знакомые окна. В это время там погас свет.

«Сейчас придет!»

Дома стала метаться по освещенной уличными фонарями комнате. Убрала со стола посуду, разгладила ладонями сбившееся на койке покрывало, потом вдруг сдернула его, занавесила окно; стащила простыню, наволочку, постелила все чистое. Руки нащупали в шкафу прохладный целлофан. Сбросила платье, белье... надела другое...

На миг зажгла свет, посмотрела на себя в зеркало. Решительно выдернула шпильки, скрепки. Волосы темными змейками упали вниз... Чтоб все как там, в Айкашете...

Услышав голоса, бросилась к выключателю, потом к окну.

Петр Росляков и Михаил Козлов вели под руки пьяного Леху.

В комнате стало жарко. Клавдия легла в прохладную постель и будто в себя пришла. Подумала с привычной усмешкой: так зачем же ты ждешь его? Отставку давать или еще для какой надобности?..

В коридоре стукнула дверь. Послышались шаги... Господи!

В комнате ярко вспыхнул свет.

— Ты уже дома? — громко, весело заговорила Наталья.—А мы у Ислама гуляли. Ночевать к тебе надумала.

И вдруг осеклась, увидев напряженное, оцепеневшее лицо, волосы, разметавшиеся по белым кружевам, завешенное окно...

Осторожно стянула у порога валенки, разделась, погасила свет, неловко легла рядом с подругой в белую, свежую постель.

— Кончай ты с этим, Кланя, — сказала отрезвевшим голосом. — У него своя жизнь, у тебя своя.

Клавдия не отвечала.

— Сколько я тебя, дурочку, уговаривала: учись, Кланька, учись! Не-ет... Ты на красоту свою понадеялась! — с горечью выговорила Наталья.

А Заварухин в ту ночь отчаянно мечтал: вдруг бы на стройке не оказалось ни Клавдии, ни Зинаиды! Чтоб можно было наконец спокойно поработать!

Презирая себя, он все-таки прислушивался к доносившимся с улицы голосам и звукам: вполне допускал, что Клавдия может выполнить угрозу и прислать Леху-механика — так агрессивно она была сегодня настроена. Если это случится, он просто-напросто не откроет двери. Мало ли кто там стучит в новогоднюю ночь...

Жена явно не спала, но ни о чем не спрашивала. Возможно, поняла, что выходка Клавдии и для него оказалась неожиданной, что он раздосадован и обескуражен. А может быть, просто выполняла уговор никогда больше не возвращаться к этой теме. Заварухин уже здесь, в тайге, убедил жену, что с Клавдией у него все покончено.

Он и сам так думал, пока не встретился с ней на трассе. Потом еще была встреча... Сейчас он невольно вспомнил все, заволновался и наконец ехидно спросил себя: выходит, ты не прочь встречаться с ней? И ответил с циничной прямотой: да, но чтоб об этом не знала ни одна душа!

Будто все теперь поставил на свои места, и все же не почувствовал облегчения. В нем родилось презрение к себе. Заварухин вышел на кухню и закурил...

Если бы это была любовь — большая, настоящая, о какой грезилось с юности и какая так и не встретилась!

Тогда все было бы иначе, и сейчас он не презирал бы себя.

Да и Клавдия, скорее всего, выдумала свое чувство к нему от тоски. Если бы хоть она-то любила беззаветно... Так ведь нет... Встречи их были чисто случайными, она их не искала, не подстраивала. Наоборот, избегала. А вот сегодня выкинула номер.

«Ну что ж... Тем лучше. Вот и надо поговорить прямо и откровенно. Возможно, она сама пришла к такой мысли, поэтому позвала и ждет, чтобы сказать: «Пора покончить с этим». Ну что ж... Так будет честнее... Она все поймет. Она же умница...»

Вспомнилось вдруг, как Колечкин весь вечер волочился за Клавдией, заглядывал ей в глаза, что-то говорил на ухо...

«Пошляк!»

Заварухин решительно надел полушубок, но тут же повесил его обратно.

«Не хитри, Валерий».

В двери кто-то забарабанил.

«А вот это зря, Клава...»

Не испытывая ничего, кроме огорчения, Заварухин вышел в холодные сени и открыл дверь.

— Вы чего это, бабы, заперлись, а?

На крылечке мотался в одной рубахе электрик, живущий в соседнем доме. Узнав главного инженера, пожаловался:

— Я ведь только на минуточку выскочил, а они заперлись.

Заварухин провел его по узкой тропе к дому, указал на распахнутые двери. Возвращаясь, посмотрел на барак Клавдии. Ни одного огонька. Все спят. А она? Нет, конечно.

«И все-таки что же у нас с тобой, Клава?..»

Глава седьмая

В январе и феврале на таежную стройку приехало много новых людей. Хохряков с утра до вечера сидел в отделе кадров, беседовал с черноглазыми молдаванками, прибывшими по комсомольским путевкам, подолгу

разбирался в путаных биографиях всякого рода тунеядцев и пьяниц.

— Ничего, принимайте! — отмахивался от его сомнений Ступин. — Сколько-нибудь да поработают. Люди нам нужны позарез!

Среди приезжих были и такие: покончив с подъемными, начинали бунтовать: что за жизнь! В баню — очередь, в столовку — очередь, кино привозят редко, газетки идут с опозданием.

— Да ты и не читаешь их, газетки-то, — скажет кто-нибудь.

— Это не твое дело, а газетки должны приходить в срок.

Расценки им малы, нормы выработки велики...

В общем, искали предлог, чтоб расторгнуть договор, уехать на другую стройку и начать все сызнова.

Хохряков думал, кого куда послать. Особенно беспокоили девчата. На Малайке — солдаты. Ребята вроде неплохие, но кто их знает? Чтоб не обидели. А может, и семьи хорошие появятся. Но есть среди молдаванок две-три... Сомневается в них Хохряков. Их бы лучше здесь, на глазах, оставить.

Ступин торопил:

— Давайте всех девчат на Малайку — в сучкорубы, в штукатуры. Остальных людей — на Ершик, в постоянный поселок. Давайте, давайте!

И девчата уехали на Малайку. Дней через десять оттуда вернулась осунувшаяся Полина Мездрина. Пришла в контору, попросилась на прежнюю работу. Хохряков не стал расспрашивать, написал на бумажке распоряжение бригадиру и несколько даже виновато подал листок Полине.

— Кончилась Полькина семейная жизнь, — съехидничал в столовой дед Кандык, но на него шикнули: ладно тебе, помалкивай!

Колечкин энергично занимался новым таежным участком, взял на себя все организационные вопросы, не забывая и производства.

— С лесниками опять конфликт на Малайке. Надо ехать, — говорил Ступин. — Да и котел нужно другой отвезти: тот мал, ртов добавилось.

Начальник был доволен — пусть Станислав полностью возьмет на себя Малайку, потому что сам он занят на

Ершике, а главный инженер контролирует строительство постоянного поселка.

Но вот как-то приехал с Малайки прораб и сказал Хохрякову:

— «Дипломированный» петухом ходит перед девчонками.

Другой раз сообщили, будто Колечкин приезжает на Малайку с вином и распивает его с девчатами в вагончике.

Это уже никуда не годилось, и обеспокоенный Хохряков решил поговорить со Ступиным. Тот неожиданно признался:

— Я уж и сам кое-что заметил. Нельзя, видимо, держать его на таком приволье. Ну ладно, — вздохнул он.— Вот вернусь из Горноуральска, подумаю, как быть.

Через неделю в новые ремонтные мастерские пришла рассыльная и сказала, что начальник поезда просит главного механика зайти к нему.

Василий Чураков вышел от Ступина растерянный и взволнованный. Хохряков столкнулся с ним в дверях, но тот даже не заметил его.

По поселку пронесся слушок: Чураковы собираются уезжать. Как так? Неужели из-за Прахова? Так ведь он вроде потише стал, пьет меньше. Елена подкараулила вечером Надежду Чуракову, увела в сторону, стала расспрашивать...

И вот совсем недавно в кабинет к начальнику без стука вошел трезвый, но мрачный Александр Прахов. Не здороваясь, шагнул к столу.

Ступин нахмурился.

— В чем дело?

— Предупредить хочу — не спекулируйте на наших семейных делах, — глухо проговорил Прахов. — Мы тут без вас разберемся. Понятно?

— Вы о чем? — хмуро бросил Ступин.

— Сами знаете о чем. И нечего делать вид, будто хотите оградить Чуракова от меня. Не нуждается он в вашей помощи и ни в какой другой поезд не поедет.

— Минуточку... — еще более нахмурился Ступин.

— Скажите уж прямо, что не знаете, куда сунуть своего «дипломированного» бабника. Вот и подкапываетесь подо всех. Петр Росляков чем вам плох оказался?

— Прошу не давать мне указаний! — Ступин побагровел, на лице белоснежно проступили корявины. — Я знаю, что делаю!

Прикрыл глаза, чтоб успокоиться.

— Чураков, к вашему сведению, согласился. Разве ему будет хуже в поезде, который дислоцируется возле Горноуральска?

— А вы спросили, нужен ли нам ваш «дипломированный» вместо Чуракова? — побелел механик.

— И спрашивать не собираюсь! А вас давно мог бы уволить за пьянку, за прогулы, за шантаж!

Присутствовавший при разговоре Хохряков схватил Прахова за плечи, уперся в его широкую грудь, толкая к двери.

— Александр, уйди, — уговаривал он. — Уйди, Александр.

— Вы сами требовали, чтоб Чураковы уехали! — хрипел Ступин.

Кадровик повернулся к начальнику.

— Не то говорите. Нельзя так!

Прахов вышел, хлопнув дверью.

На другой день Василия Чуракова снова вызвали в контору. Ступин рассказал ему о «возмутительной выходке» Прахова, напомнил, что с самого начала не требовал ухода главного механика, а просто предлагал хороший вариант, о котором случайно узнал в тресте. Он и сейчас ни на чем не настаивает, но если откровенно, то его смущает, что Чураков лишь практик, не имеющий специального образования. Стройка разрастается, теперь она под неослабным контролем главка. Чуть ли не в марте из Москвы должен приехать один из руководителей — проверка будет серьезная. И если Чураков считает, что он сумеет обеспечить фронт работ и механизмами и своевременным ремонтом... Ну тогда что ж... дай бог.

Скромный, тихий человек, Василий Чураков не знал, что ответить начальнику. Наверно, не покажется ему серьезной такая причина, что трудно расстаться со своим поездом. Да и не о том разговор. Разговор идет о работе.

А дела с ней обстоят неважно. С механизмами трудно, их и сейчас не хватает. За морозы тракторы и трелевщики здорово поизносились — их не глушили сутками.

Бригад стало много, а пил почти не добавилось. Позарез нужна танкетка, а трест никак ее не выделит. Да что там говорить! Много еще всего надо.

Но если бы это зависело от него! Разве бы он пожалел время или руки?

— Делайте как хотите, — главный механик пошел из кабинета, опустив плечи. Он так измотался за последние месяцы, так извелся и на работе, и с той бедой, что чувства притупились.

— Нет, я только предлагаю, а уж вы решайте, — несколько растерялся Ступин, а когда за Чураковым закрылась дверь, крепко потер ладонями виски и надолго задумался.

Глава восьмая

В марте доехать от Шурды до Кедрового — задача нелегкая. Все, кто обживает тайгу — строители, леспромхозовцы, нефтяники, газовщики, — норовят ухватить зиму за хвост, впрок подбросить необходимое. Машины идут одна за другой. Дорога разбита, шоферы все кого-нибудь тянут лебедками или вытягивают из ухабов свои машины. Помогают телеграфные столбы — за них цепляются тросом и вылезают.

Несколько километров можно проехать по асбестовой тропе, насыпанной гурьяновскими строителями, но и она кончается.

Подремывая в Костином МАЗе, Петр вспомнил, с каким пристрастием допрашивал его Ступин об асбестовой крошке — откуда взял? Да это Гурьянов, по просьбе Петра, выписал ее буровому мастеру, с которым Петр познакомился в колхозной больнице. И нефтяники утрамбовали площадку возле своей вышки. И Звяньгин сделал узенькие дорожки к яслям и детскому саду. Даже неловко, как щедро расплатились они за это. И цыплят привезли, и скважину пробурили.

Петру нравился Звяньгин. Не потому, что вытащил его из болота — об этом Петр вспоминать не любил, — за многое другое уважал он Звяньгина. Кое-кто говорил о

председателе колхоза — «хват», «ухо с глазом», а Ступин назвал «блатмейстером».

Побольше бы таких «блатмейстеров». Не блат у него с разными организациями, а производственная дружба. Кто сейчас снабжает строителей Гурьянова квашеной капустой, картошкой и прочими продуктами? Звяньгин. И ему хорошо, и строителям неплохо. А если и схитрил тогда немного насчет подшефного колхоза, так разве это в нем главное? Он — работник, вот что главное. Принял колхоз-развалюху, а сейчас «Светлый путь» — один из передовых: больницу построил Звяньгин, ясли, школу... А фермы у него какие!

Не для личного хозяйства старается человек. О нем он совсем не заботится. Только радиоприемник у него хороший — интересуется Звяньгин последними известиями, хочет знать, что делается в мире, а особенно в его Шурдинском районе — какой колхоз хвалят, какой ругают.

И еще любит он одеться и причесаться аккуратно. Не в каждом колхозе увидишь парикмахерскую, а у него есть. Уже на третий день прислал он в больницу к Петру Рослякову мастера, и тот, несмотря на высокую температуру у клиента, напрочь все сгреб с его лица.

Опять на болоте «пробка». Костя, вяло ругнувшись, откинулся на спинку сиденья, закрыл глаза, уютно сложил на груди руки:

— Пусть теперь меня «растаскивают». А я уж натаскался.

Прошло довольно много времени, никакого движения не чувствовалось. Шоферы не торопились выходить, выжидали — может, рассосется без их помощи, курили и дремали в кабинах. А Костя и в самом деле уснул — вторые сутки они в пути.

Петр выскочил на дорогу. Над болотом посвистывала темная ночь. Только фары машин выбрасывали пучки света, освещали кузова стоящих впереди МАЗов, самосвалов, ЗИЛов... Петр вгляделся в длинную ленту замершего каравана и пошел узнать, кто завалился.

Но дело было в другом — не смогли вовремя разъехаться встречные и теперь стояли нос к носу на очень неудобном для объезда месте. Шоферы поругивались без энтузиазма.

— Уснул за баранкой, так и скажи, — говорил один.

— Это ты шары выпучил не в ту сторону, — отвечал второй, — мог бы остановиться на том, длинном свертке. Фары-то мои видел ведь.

— Хватит ругаться,— закуривая, посоветовал Петр.— Никакие свертки уже не помогут. Тракторы в вашей колонне есть?

— Нет, вроде не трещали.

— У нас тоже не слышно было, — отозвался второй шофер. И указал пальцем в сторону: — А вон там что чернеет? Трактор, не трактор...

По глубокому снегу Петр пошел к чему-то темному, стоявшему метрах в двадцати от дороги. Это и в самом деле был трактор. С вагончиком. Наверно, нефтяники оставили. Петр ощупал мощные гусеницы — ничего себе! И не видал таких.

Вернулся к дороге, закричал, приложив к губам согнутые ладони.

— Э-э-эй! Трактористы в колонне есть?

Ему не хотелось тревожить Костю, однако именно Костя вышел первым.

— Ну?

Петр повел его к трактору. Костя забрался в кабину, подвигал рычагами, вылез.

— Я с такими дела не имел.

Через минуту Петр снова кричал у дороги:

— Э-э-эй! Трактористы в колонне есть?

Никто не откликался. Шоферы, пользуясь передышкой, спали, кое-кто курил на подножках. Но вот к Петру подошел немолодой уже человек и сказал, позевывая:

— Я танкист. А что?

Вскоре он сидел в незнакомой кабине, двигал рычагами. Трактор не заводился. Заинтересовавшись необычной машиной, подошли и другие шоферы, осматривали, щупали, дымя сигаретами...

Трактор рыкнул, затрещал и двинулся с места. Вагончик дернулся, подпрыгнул, двери его открылись, мужчина и две женщины оказались на снегу.

— Что это? Кто? — испуганно спрашивали они спросонья.

Еле поняли, в чем дело. Мужчина рассердился— хоть бы сначала вагон отцепили, а потом и дергали, тюхти!

Петр стал уговаривать его сделать «растаску». Тот оглядел длинную линию на дороге и сердито спросил:

— Где тот, который заводил?

— Здесь я, — откликнулся танкист.

— Садись со мной, покажу, как управлять машиной. А с меня хватит! Мы трое суток не спали.

— Спасибо! — сказал Петр.

Он сел в кабину вместе с танкистом, подбадривал его, похваливал. Ничего, освоился танкист. Вот уже две машины стащил с дороги, пошел за третьей...

— Я в войну восемнадцать фашистских танков подбил...

— Здорово! Награды есть?

— Ордена Отечественной войны — первой и второй степени — и четыре медали «За отвагу».

— Ого! Нефтяник?

— Нет, из леспромхоза.

— А я строитель. Дорогу ведем по тайге.

— Долго ведете, у нас древесина товарность теряет. Короед аж зубы об нее пообломал.

Когда встречные машины были отставлены, вся колонна зашевелилась. Заметив это, Петр крикнул:

— Рассредоточьтесь!

Пропустив два-три грузовика, делал знак: стоп!

Вот уже и горемовская машина прошла вперед.

— Залезай давай, — буркнул Костя.

— Разъедемся уж теперь, езжай, — посоветовали и шоферы.

Миновали болото, начался зимник. Вот он раздвоился — один конец пошел по тайге прямо, а другой завернул к Ершику. На этой дороге стоял щит: «Проезд запрещен!»

— Галина воткнула, — сказал Костя.

Он затормозил, вышел из машины, без труда выдернул щит, отложил в сторону. Сел в кабину и зарулил по запретной дороге.

Расчет Кости был прост: Галина до того соскучилась о Рослякове, что даже обрадуется, неожиданно увидев его на насыпи.

И Петр не возражал повидаться с Галей.

Когда МАЗ въехал на свежую насыпь, Костя и Петр сразу же увидели Галину. Костя мгновенно насупился, стиснув в зубах окурок, приготовился к атаке. Но Галина продолжала спокойно сидеть на подножке крана. Костя даже растерялся. Не знал, то ли двигать

вперед, то ли спускаться на слань. Поехал по насыпи, упрямо глядя перед собой.

— Останови, — попросил Петр. — Галя!

Девушка подошла, поздоровалась.

— Чего это у вас тишина такая?.. — начал Петр, а сам во все глаза смотрел на Галину.

— Уехали за грунтом. Карьер далеко.

— Почему похудела так, Галя?

— Не думай, не из-за тебя, — усмехнулась девушка.

— Я и не думаю, — горячо заверил Петр. — Что с тобой?

— Не климат, — развела руками Галя.

— Что-нибудь болит у тебя?

— Ничего не болит. Просто слабость, даже на шоферов кричать неохота, — улыбнувшись, кивнула она на Костю.

Тот облокотился на окошко, проговорил очень неуверенно:

— Ладно тебе заливать. Никакая ты не больная.

— Весной вообще люди слабеют, — бодро сказал Петр. — Недостаток витаминов, истощение организма.

— С усиками тебе лучше, — сказала Галя.

— Ну, значит, будут усики! Вечером ты дома? Я зайду?..

Девушка чуть пожала плечами.

Костя крутнул баранку и решительно съехал на слань.

— Давай на трассу! — распорядилась Галина.

— Да ничего, мы и тут... Недалеко же, — бормотал Костя.

— Давай-давай! Один раз можно.

Костя въехал и молча, неторопливо двинулся по сланевому грунту.

— Изменилась Галя, — озабоченно проговорил Петр.

Костя не ответил. Лицо его было хмурым. Только сейчас заметил Петр, что и шофер похудел, осунулся — зимние «болтанки» и «недосып» давали себя знать.

— Вообще, здесь климат не очень... Хоть для кого.

Костя опять промолчал.

— Ты чего? — удивился Петр.

Тот не ответил. Петр обиженно повел плечами.

И вдруг пришла мысль: Костя Плетнев не верит, что Галина больна. Он, как и все в поселке, убежден, что она

извелась из-за Петра. И вот, пожалуйста, выражает свой протест. А ведь как ругался с ней всегда!

Петр решил проверить догадку, заговорил о другом:

— Интересно, зачем Малыгин вызвал меня в Кедровый?..

Костя не откликнулся.

Глава девятая

Малыгин прилетел в Кедровый, пришел в контору и не застал там никого.

— Где Ступин?

— На Ершике.

— Хохряков?

— На Малайке.

— Колечкин?

— На Малайке.

— Отлично! И я отправлюсь туда.

Ступин, узнав вечером о приезде начальника, тоже решил ехать на Малайку.

— Они сказали, что завтра прибудут, а вам велели здесь их ожидать, — внесла ясность уборщица Шура. Из «заезжей» ее перевели в контору, и она считала это повышением — работы здесь куда больше.

Ступин провел неспокойную ночь — его удивил неожиданный приезд Малыгина и то, что Малыгин не пытался разыскать его, чтобы как обычно вместе поехать по всем участкам трассы.

Утром он сидел в конторе и разбирал почту, не решаясь уйти даже на ближние объекты стройки.

Начальник треста появился после обеда. По нахмуренному лицу Ступин понял, что он чем-то недоволен.

— Ну и наломали вы дров! — с места в карьер начал Малыгин.

Ступин освободил ему свое место за столом, но тот ходил по комнате.

— Когда вы были на Малайке? — спросил Малыгин и с досадой указал на стул. — Садитесь, в ногах правды нет.

— На прошлой неделе, — ответил Ступин, продолжая стоять. — Но там часто бывает мой заместитель.

— Вот именно пустили козла в огород.

«Вон в чем дело...»

— И вообще, как могло случиться, что за короткий срок у вас сменилось столько заместителей? — Малыгин остановился возле Ступина.

— Насчет Бедрицкого я разговаривал с вами, товарищ начальник...

— Да. Был разговор, но ведь речь шла только о временной замене Рослякова, пока тот болен, пока в отпуске, на курорте. Кстати, я советовал вам обойтись своими силами.

— С Бедрицким действительно неудачно... — проговорил Ступин. — Но Колечкин — дипломированный инженер...

— Это я уже слышал! — резко оборвал Малыгин и спросил: — Вам известно, что одна девушка с Малайки уехала в Шурду, в больницу?

— То есть как?

— Не понимаете? — прищурился Малыгин.

Ступин какое-то время смотрел на него оторопело, потом лицо его стало бледнеть.

— Неужели... Нет, я не знал...

— Потому что вы ничего не видите дальше «двадцатипятипятки» и «тридцатипятипятки», а вагоны с девчонками стоят чуть в стороне, метрах в десяти от трассы. Зато ваш заместитель протоптал туда дорожку.

Ступин сел, начал менять местами папки на столе, перебирать и совать в ящики какие-то бумаги. Потом спросил с плохо скрытой надеждой:

— Наверно, которая-нибудь из тех... Есть там две...

— Нет! — отрубил Малыгин. — Хотя это не имеет значения. — И подошел к столу вплотную. — Как раз наоборот. Самая молоденькая, самая тихая. Молоко на губах не обсохло! Как будете отчитываться перед матерью?

Ступин заговорил еле слышно:

— Я уж и сам, товарищ начальник, думал, что надо его держать на глазах.

— В шею его гнать надо!

Вошел Хохряков, и по тому, как он сел и закурил, Ступин понял, что он в курсе дела. Возможно, он и сигнализировал начальнику треста. Или Заварухин.

Малыгин резко высказался по поводу истории с главным механиком Чураковым. Ступин окончательно понял, что приезд его не случаен.

— Вы даже нитки не подбираете. Шьете черными по белому. Нельзя так не уважать людей.

Ступин молчал. Хохряков курил у окна.

— Наверно, я действительно неправ, — заговорил Ступин. — Но, товарищ начальник, — чуть усилил он голос, — не всегда можно и на поводу у них идти. Они вообще искоса смотрят на любого нового человека, так сказать «не своего».

— Неправда, — возразил кадровик. — А Заварухин? А Бердадыш?

— А Хохряков? — продолжил список Малыгин. — Разве его не приняли десять лет тому назад?

Ступин не откликнулся, и Малыгин продолжал:

— Если люди видят, что этот, как вы говорите, «не свой» работает на совесть — его с удовольствием и быстро примут в «свои». Потому что сами они ездят с места на место не баклуши бить.

— А я?..

Ступин не сказал, выдохнул это. Малыгин и Хохряков увидели, как мелко задрожал его подбородок, дернулись губы.

— Неужели кто-нибудь... может...

— Нет, — покачал головой Хохряков и вздохнул. — Как работника вас ценят, — и отвернулся к окну.

О многом хотел сказать сегодня начальнику поезда, для такого разговора и пришел в его кабинет. Да нелегко собрать воедино все свои размышления, изложить убедительно. И не во всем еще разобрался Хохряков... А о том, что лежит на виду, уже сказано Малыгиным.

Хохряков взглянул на Ступина.

— Вы вроде как черту провели в своей жизни, — неожиданно для себя высказал он мысль, которую долго не мог уловить и сформулировать. И, словно боясь, что она ускользнет, заторопился: — Будто отделили все, что прожито и проработано, от того, что предстоит прожить... Где-то еще там, в Айкашете, оттяпнули — уж извините, если что не так.

Увидев, как Ступин шагнул к столу, сел, опустил руки на разложенные бумаги, Хохряков умолк, достал сигарету, закурил и вышел.

Малыгин молча вытряс из карманов на подоконник все, что накопилось за командировку, — поломанные папиросы, какие-то бумажонки, кусочек черного хлеба...

Ступин, думая о своем, наблюдал, как Малыгин ребром согнутой ладони сгребал на газету мусор с подоконника.

— Оставьте, — проговорил тихо. — Шура уберет.

— Может, пойдем к вам выпьем чайку? — неожиданно предложил Малыгин.

Вальяжная супруга Ступина пекла булочки. Движения ее были медленными, размеренными: отрезала кусочек теста, клала на ладонь, слегка прихлопывала, загибала края и перекладывала на смазанный лист. Снова отрезала кусочек теста, выщипывала на нем какой-то узор и, чуть склонив крупное тело, помещала украшение в приготовленную на листе «чашечку». Получалось что-то похожее на цветок.

Даже приход начальника треста не изменил ритма ее движения, хотя полное лицо выразило приятное изумление, она замерла всего на миг, сказала певуче:

— Очень-очень рада. Проходите, проходите. А я пеку «розочки» к чаю.

Ступин разулся у порога, и Малыгин хотел сделать то же, но хозяин шепнул:

— Не надо. Проходите так.

Малыгин видел, как Ступин, приподнявшись на цыпочки, что-то тихонько сказал жене, и та, величественно кивнув, положила «розочку» на лист.

В квартире было пусто, стояло только самое необходимое. Малыгин невольно сравнил это неуютное жилье с квартирами Федора Мартынюка, Максима Петровича... Там над кроватями — коврики, на стенах — зеркала, на окнах — тюлевые занавески. Для них это дом, а для Ступиных только времянка.

Малыгин взглянул на чемоданы, стоящие один на другом и покрытые скатертью. В углу фанерный ящик, на него наброшена клетчатая салфетка. Почему-то подумалось — во всех этих емкостях сложены «дефицитные» товары, которые в Горноуральске достать трудно, а на стройку их завозят.

— Садитесь сюда, — пригласил Ступин и первым устроился на краешке койки, прикрытой байковым одеялом, взятым, скорее всего, из общежития.

— Да нет, зачем же? — возразил Малыгин и вытащил из-под стола табуретку.

Закурили. В открытых дверях показалась хозяйка, улыбнулась Малыгину.

— Живем попросту, не обессудьте, — пропела она. — А вот годика через два приходите к нам в горноуральскую квартиру. Уж там я приму вас как подобает.

«Ты лучше сейчас пошевелись, хоть чашку чая дай»,— думал голодный Малыгин и с удивлением поглядывал на Ступина.

А тот сидел на кровати и жалко улыбался.

— Нынче у нас стены поштукатурили, — продолжала хозяйка. — Так знаете, что случилось? Пришла ко мне работница моя из ясель, навалилась на стенку, а сверху ей чуть не на голову шлепнулась вот такая лепеха. — Она указала на темное пятно под потолком.— Позвали мы Михаила Козлова, так называемого старшего прораба. Показываем на результаты его ремонта. Он глядел, глядел и высказался: «Зачем стенки т-трогали?» Представляете?

Малыгин расхохотался.

— Вот именно — комедия! — кивнула хозяйка и вернулась в кухню.

— Песка не было. Глину смешивали с опилом. Конечно, ненадежно, — тихонько объяснил Ступин, косясь на проем двери, заполненный пышным телом супруги.

«Что это он в самом деле? — все больше недоумевал Малыгин. — Такой жесткий на работе и такая тряпка дома?»

И подумал: неужели ларчик открывается так просто? А он-то шел сюда, чтоб побеседовать по душам, разобраться, понять...

— Козлов — неплохой парень, — громко сказал он. — Вот еще Росляков вернется на свое место, и пойдут дела.

Малыгин увидел, как замерли только что двигавшиеся рычаги-локти хозяйки. Она спросила, не оборачиваясь:

— А Станислава, значит, главным механиком решили?

— А Чуракова куда? — весело справился Малыгин.

Хозяйка повернулась и выразительно посмотрела на мужа.

— Чураков остается на своем месте, — сказал Ступин и закашлялся.

— А Станислав?

— Станислав поедет в Горноуральск, — ответил Малыгин и пятерней причесал свои седые волосы. — Ведь на место старшего прораба Колечкин ни за что не пойдет, — хитро прищурился на женщину.— Он же дипломированный инженер.

— Нет, почему же?.. — сказала та, заволновавшись.— Надо поговорить с ним.

— Не пойдет он, — уверял ее Малыгин.

— Нет-нет, — не чувствуя иронии в его голосе, протестовала хозяйка. — Он согласится, я знаю. Извините,— спохватилась она. — Я все еще вас не покормила. Сейчас быстренько все доделаю, сядем за стол, все обговорим, все решим...

Малыгин взглянул на Ступина. Тот безучастно сидел на краешке койки, смотрел на голое окно, за которым уже потемнело.

— Нет, спасибо. Я ненадолго зашел.

Хозяйка загородила выход, просила остаться: ведь надо решить насчет Станислава.

— Колечкин уедет в Горноуральск,— решительно надел шапку Малыгин.

На улице было ветрено. Деревья раскачивались, сбрасывая хлопья снега. Только кедры стояли крепко, величественные и торжественные.

Малыгин шел и думал о Ступине.

Глава десятая

А тот сидел на краешке койки и думал о себе, не отвечая на вопросы жены. Удивленная и рассерженная, она наконец с треском захлопнула дощатую кухонную дверь. Раньше бы трепетом отозвался у него в груди этот стук... А сейчас он только прикрыл глаза, чтобы остаться одному.

Он вспомнил другой звук — еле слышный скрип двери, закрывшейся за главным механиком Василием Чураковым, когда тот выходил на днях из его кабинета.

Именно тогда впервые, почти физически, ощутил Ступин ту черту в своей жизни, о которой смутно догадывался Хохряков. И Заварухин тоже...

Да, Ступин назначил двух молодых парней на ответственные должности со своим расчетом: он сберегал места для зрелых, солидных, знающих людей, которые понадобятся на новостройке. Что в этом зазорного? Разве знал Ступин, что его трестовский дружок будет подсовывать ему такие «кадры», как Бедрицкий и Колечкин? Насчет Колечкина в Горноуральске все решили без него, в «кругу семьи» — жена выдала свою младшую разведенную сестру за Колечкина, племянника того трестовского знакомого. Ступин в глаза не видел «свояка», пока тот не заявился в тайгу взамен Бедрицкого с длинным письмом от своего дядюшки: дипломированный, знающий, понимающий...

Пришло письмо и от жены:

«Тебе осталось до пенсии совсем немного. Надо все успеть сделать так, чтобы потом было хорошо и обеспеченно. Надо помочь Марине. Станислав здесь получает маловато, а у них ни квартиры, ни обстановки. Пусть годика полтора поработает у тебя на Севере. Марине тоже подыщи что-нибудь подходящее. А Казимир Семенович за это время устроит им в Горноуральске квартиру через трест. Я понемногу готовлюсь к отъезду. Надоело жить без тебя. Ты не забыл, что мне вот-вот стукнет 54? Будущий год у меня тоже ответственный, подумай об этом. По моей нынешней должности, я подсчитала, пенсия выйдет только 41 р. 80 копеек».

Когда Ступин, приезжая в Горноуральск, задумывался над всей этой философией, ему хором втолковывали: «Все так делают. Не деликатничай». — И приводили примеры, называли имена, фамилии...

«В конце концов я же не собираюсь держать их, как спортсменов, на липовых должностях, — приглушал свои сомнения Ступин. — Они же будут работать».

Трудоустройство жены Ступин поручил Хохрякову, сам в этом не участвовал. А та все быстро разузнала, навалилась на кадровика всей своей мощью и стала заведовать новыми яслями.

Зато устройством свояка Ступин занимался сам. И вот, когда тихо закрылась дверь за главным механиком Василием Чураковым...

...Январский план «горел». Машины отказывались работать на морозе. Чтобы завести их, требовалось несколько часов, рабочие уезжали на трассу с большим опозданием. Василий Чураков установил под навесом котел, который кипел круглосуточно. От котла отвел несколько патрубков. Продрогшие машины пристраивались к ним, и живительный горячий пар всю ночь отогревал их радиаторы. А ранним утром у навеса рокотали моторы, люди шумно рассаживались в кузовах, и машины везли их на трассу, на работу. Он же, Василий Чураков, съездил тогда за тридевять земель по бездорожью к газовщикам и и привез от них зимней смазки. Этот его тяжкий рейс обрадованные шоферы называли — «рейсом дружбы»: газовщики выручили строителей. Вытянул из прорыва январский план «необразованный» главный механик поезда Василий Чураков.

...И когда за ним закрылась дверь, еще одна горькая мысль обожгла Ступина. Все есть за его, ступинскими, плечами — работа, война, награды... А образования нет. Всего-навсего одноэтажное, деревянное, изъеденное жучком училище, оконченное неведомо когда в маленьком городке Саратовской области. И никто не корит его за это.

Так сам-то он что же?..

Однако на Рослякова эти чувства не распространялись. Ступин по-прежнему считал: рано ему в командиры (только теперь добавлял: успеет), и вины перед ним не чувствовал. И все-таки снова задал себе вопрос, который и раньше приходил в голову: если бы Росляков не заболел, сумел бы Ступин, как намеревался, легко заменить его Бедрицким или Колечкиным?

И ответил: едва ли.

«Может, именно в нем, Рослякове, уже видят люди того «своего» командира, который им так нужен?» — вспомнил он разговор с Заварухиным.

И неожиданно непривычное чувство овладело Ступиным. Чувство, похожее на ревность, которую заподозрил в нем главный инженер Заварухин. Но ревность не к рабочей сметливости Петра—тут Ступин еще и сам силен,— а к чему-то совсем другому, что угадывал он в этом парне, чего не имел сам, и в чем, видимо, нуждались люди.

— Иди чай пить! — рыкнула из кухни жена.

Он поднялся с койки.

— Казимир Петрович не простит тебе за Станислава! — жена почти швырнула на стол тарелку с плюшками. — И Марине ты всю жизнь испортил.

— Я?!

— Ты, ты!

— Передай своей Марине, — яростно прохрипел он,— что ее новоиспеченный «дипломированный» муженек тут только и знал, что по бабам бегал!

И вдруг осекся, пораженный мыслью: за весь этот трудный вечер он и не вспомнил о той девушке с Малайки...

Глава одиннадцатая

Весна расковала тайгу, сняла белые покрывала, провела первую зарядку — деревья по ее команде расправляли уставшие ветви, медленно поводили вершинами. Если и гнулись ветки, так под тяжестью токующих глухарей, которые расселись на елях, соснах, кедрах.

Опять на проталинах голубели медуницы, прятались неприметные прозрачные подснежники. Серебристый звон стоял утрами, когда строители выходили из палаток, — ломались замерзшие за ночь лужицы. Падали и рассыпались вдребезги сосульки...

Уже больше месяца Петр на передовой, в тайге. Малыгин, сообщив о его восстановлении в должности заместителя начальника поезда, сказал:

— Кроме того, мы решили закрепить за вами новый северный участок трассы. Видимо, там и будет пока главное ваше житье.

Определил задачи, сообщил, какая выделена техника.

— Подумайте и скажите, что потребуется еще.

Вспомнив ночную «растаску» на болоте, Петр назвал марку мощного тягача.

Малыгин с любопытством посмотрел на него.

— Вы меня, часом, не за нефтяника приняли?

— А почему нам не дают таких машин? — спросил один из прорабов.

Малыгин развел руками:

— Ну нет у нас таких тягачей, товарищи. Нет и нет. И нечего впустую об этом разговаривать.

— Тогда так, — сказал Петр. — Прошу два трактора забрать обратно, их надо ставить на ремонт. А взамен дать четыре.

Все рассмеялись.

— Тогда два новых, — убавил Петр.

Колечкина на планерке уже не было. Он отбыл в Горноуральск еще вчера. Вполне возможно, что спал в кабине одного из грузовиков, «растаской» которых занимался на болоте Петр. Колечкин требовал написать в трудовой книжке: «Уволен по собственному желанию». Не вышло. Записали ту статью, по которой уволили.

Ступин на планерке молчал. Петру было известно, что на состоявшемся заседании парткома его серьезно предупредили.

Несколько дней перегоняли машины на новый участок. Назвали его Медвежий — очень глухой была здесь тайга. Установили палатки. И все пошло, как когда-то в Кедровом, затем на Ершике и на Малайке...

Нет, не все так. Было кое-что новое. Бригады Петр рассредоточил, разбил на звенья — чтоб не мешали друг другу. Где звено — там и палатка: меньше ходьбы. Древесину сортировали сразу — одна шла на сланевую дорогу, другая на строевой лес, третья на дрова. Сучья сжигали тоже сразу. На трассе никаких завалов.

Ступин, прибывший на участок, быстро все это про себя отметил. Петр исподтишка следил за выражением его лица — сам знал, что на вырубке порядок.

— Хорошо, конечно, устраиваетесь, — сказал начальник. — Но если будете так «вылизывать» каждый метр — не успеете перебраться через болото.

Сказал сдержанно и отбыл без обычных нотаций и наставлений, как будто подчеркнул — вы мой заместитель, вам поручен участок трассы, будьте любезны отвечать за него.

Сразу после его отъезда Петр ринулся по «визирке» в глубь тайги...

Болото было небольшое, но снег на нем уже осел. И думать нечего прорубаться сюда трассой. Надо немедленно мять зимник и перегонять часть машин на ту сторону, иначе можно засесть тут на все лето.

Это были дни тяжелого труда. Вернее, утратились понятия «день», «ночь». Люди слились с машинами, стали бесчувственны к холоду и усталости. Солнце прогрело открытое заболоченное место, и оттаявшей глубины вполне хватало, чтобы засадить трактор или трелевщик. Люди лезли под осевшую машину, в ледяной воде отыскивали руками крюк, цепляли за него стальную петлю троса, командовали: «Тяни!» — и неистово помогали машине выбираться из трясины и нащупывать по болоту новый путь...

— Надо делать тропу, — говорили измученные строители, — из чего хочешь, а надо делать тропу, — и оглядывались по сторонам, тащили и валили в кучу все, что можно было найти.

Но мало тверди на болоте.

«Надо подвезти бревен с Малайки», — решил Петр, а когда бревна прибыли, дал команду:

— Пусть трелевщик идет, пока может, и сваливает их перед собой, и въезжает на них. Пусть сам делает себе переправу.

Прошло еще несколько дней, прежде чем по тропе, уложенной трелевщиком для себя, постепенно перебрались и другие машины...

Вот тогда только увидели люди, что в тайге весна. Поют даже непевчие птицы. Какая-то, похожая на ворону, но крупнее, пролетая над костром, издала непонятный звук — будто стукнул кто-то по дну пустого ведра.

Ислам пошел на охоту. К вечеру Маруся Плетнева, взятая на новый прорабский пункт поварихой, сготовила глухариную похлебку, все наелись до отвала, напились чаю с болотной клюквой и в шесть часов вечера завалились спать... Теперь можно, теперь они на «том» берегу.

Через пару дней на новоселье Медвежьего пришел из Малайки главный инженер Заварухин. Посмотрел на почерневшего от солнца и трудов Рослякова.

— Ну как, Робинзон? Нелегко?

С пристрастием расспрашивал строителей о перекрытии болота.

— Умно придумали, — сказал одобрительно. — На Ершике в прошлом году такое же болото вручную крыли. Почти месяц.

— Мы тоже посидели немало, — насколько мог скромно вздохнул Петр, испытывая радость от похвалы.— Целых десять дней.

— Ничего себе, «посидели»! — улыбнулся Заварухин, вглядываясь в похудевшие, но счастливые лица строителей.

Среди новичков, прибывших по вербовке, были тут и свои, поездовские. Перебрался на передний край Костя Плетнев с женой, попросился к Петру Ислам — пока нет печных работ в строящемся постоянном поселке. Платят здесь больше, а семья у Ислама немалая.

— Люди попались настоящие, — еще так объяснил Петр успех переправы главному инженеру.

— А может быть, командир у них ничего? — улыбнулся тот и быстро добавил: — Вам, Петр Николаевич, надо отправиться в Кедровый. Отдохнете и, видимо, слетаете в Шурду — с вертолетами опять загвоздка.

Петр откровенно обрадовался. Хотелось повидаться с Галей. В тот раз у него так быстро все изменилось, что они не успели поговорить. Встретил ее в столовой да проводил до дому.

— Карьеру ты строишь потрясающе! — всплеснула руками Галина. — От экспедитора напролом до зама.

Не успел обидеться, как она горячо попросила:

— Петя, не сердись! Шучу ведь! Ты не представляешь, как я рада! Мне было очень обидно за тебя. Ведь ты же приехал дорогу строить!

Лицо ее оживилось, похорошело.

— Когда приедешь в Кедровый? — спросила, тепло всматриваясь в его глаза.

— Не знаю даже...

— Ну ладно... — передохнула легко.

Позднее Петр раза два был в поселке по делам, но Галю все не заставал: со специальной группой она надолго ушла в глубь тайги в поисках лучших грунтов.

«Ну да уж теперь вернулась, — надеялся Петр. И мечтал: — В кино сходим. Интересно, какая картина идет в нашем клубе?»

Утром Заварухин немного проводил его. Прощаясь, вспомнил:

— А в поселке у нас воробьи появились.

— Ну, все! — улыбнулся Петр. — Теперь можно прочно заносить наш Кедровый на карту!

Глава двенадцатая

На участке недалеко от Шурды меняли старый железнодорожный путь. Много лет пролежал он на этой насыпи. Бывало, от тяжести поездов, от лютых морозов не выдерживал рельс, от сырости портилась шпала, дождями и весенними водами размывало балласт. Но приходили люди, заменяли рельс, клали новую шпалу, подсыпали щебенки, и опять мчались по старому пути тяжелые составы...

Но теперь он доживал последние часы.

Сначала прошел по нему путеукладчик с огромным краном, с платформами, загруженными новыми звеньями пути. Затем проследовал путеразборщик с порожними платформами, и уже в конце внушительной колонны двигался электробалластер. Сейчас он пойдет обратно: ему начинать.

Петр пристально вглядывался в лежащие на изъезженной насыпи рельсы и шпалы...

Старый путь будто задышал, зашевелился, отряхиваясь. И под натиском мощного механизма стал медленно вылезать из утрамбованной многими годами земли...

Равнодушный балластер шел дальше. А на вырванный путь уже надвигалась новая сила— путеразборщик. Прошел он по старым рельсам, и нет уже после него никакой железной дороги. Будто и не бывало!

Теперь по пустой насыпи шел трактор с рыхлителем, выравнивал балласт, готовил его под укладку нового пути. А за трактором...

Петр вскочил на ноги. Из кармана вылетел портсигар. Присев на корточки, Петр, не глядя, шлепал вокруг себя ладонями, боясь оторвать взгляд от тоненькой девушки, идущей за трактором. Она шла и лопатой убирала распорки, сбрасывала под откос все ненужное...

Они бродили по майским улицам Шурды до позднего вечера. Петр шел так, чтоб все время чувствовать ее плечо или руку. Спрашивал для того, чтобы слышать ее голос. Проголодались, поели в столовой. Фаинка вышла оттуда чуть раньше, и Петр не сразу увидел ее на плохо освещенной улице. Заметался из стороны в сторону, добежал до проулка, повернул обратно...

— Петя! — окликнула его удивленная девушка. Она стояла, прислонившись к телеграфному столбу.

— Ну, знаешь!

Не сумев скрыть волнения, Петр крепко схватил ее за руку.

— Скажи, какая у тебя фамилия?

— Фирсова.

— Ну вот! А я думал — Глазырина. — Держа ее руку в своей, признался: — Я все время искал тебя! С того лета. Уже думал, что ты уехала из Шурды.

— Только мой папа знал, где я.

Они долго стояли возле крыльца путейского общежития на окраине Шурды, договорились о завтрашней встрече, но не двигались с места. Вот погас свет в комнате, где жила Фаинка.

— Девчонки спать легли, — сказала она.

— Засони, — откликнулся Петр.

На окраине города было темно и пустынно. Петр вдруг заволновался, представив, как Фаинка одна идет ночью по улице. Вспомнились слухи об уголовниках, недели две назад бежавших из шурдинской тюрьмы.

— Поедем со мной в тайгу!

Девушка подняла лицо, пытаясь разглядеть его глаза.

— Я люблю тебя, — будто ответил на ее вопрос Петр.

Стояли тихо, прислушиваясь к себе, друг к другу. Никому не говорил такого Петр, ни от кого не слышала такого и Фаинка.

— Мне папу жалко, — наконец шепнула она.

— Глазырина М. К. увезем с собой, — немедленно решил Петр и облегченно расправил плечи. Все вдруг стало ясным, определенным, конкретным.

— Петя! Ты это просто так говоришь? Шутишь?

— Не имею привычки говорить просто так, — уже с озорством ответил Петр. — Единственно, что меня беспокоит, — в тайге тебя заедят комары.

Девушка рассмеялась.

— А у тебя там нет никого? — спросила еле слышно.

В тайге была Галина. Только вчера он ходил с ней в кино, а потом долго сидел в ее уютной комнате и выбирал что-нибудь почитать — Галина выписывала почти все «толстые» журналы.

В кармане Петра лежали три письма в Ленинград — Галя просила опустить их в Шурде.

— Где у вас почтовый ящик? — справился Петр.
— Чего? — напряженно переспросила Фаинка.
— Ладно, потом опущу.
Девушка шагнула к крыльцу, поднялась на ступеньки.
— У меня там нет никого, — поспешно заверил Петр. — Была, уехала, — легко соврал он. — Не климат.
— А если бы не уехала?
Теперь Фаинка оказалась выше его на целые две головы, и Петр смотрел на нее снизу вверх.
— Все равно, — выдохнул он. — Мы просто дружили.
Притянул ее к себе, поцеловал. Потом вдруг подхватил на руки, ногой открыл дверь и поставил девушку в длинном полутемном коридоре общежития. Сонная сторожиха оторвала голову от сложенных на столе рук, недоуменно посмотрела на вошедших.
— Это я, тетя Маня, — сказала Фаинка.
— Вижу, — басом ответила та. — А это кто?
— А это — ее жених, — поклонился и расшаркался Петр.
Сторожиха хмыкнула, в глазах появилось любопытство.
— Много тут всяких женихов ходит.
— К вам ходит много женихов, мадам? — строго повернулся Петр к Фаинке. Ему показалось, что коридор мгновенно осветился от ее сияющих счастливых глаз.
— Какой номер вашей виллы? — спросил Петр.
— Девятый, — рассмеялась Фаинка.
Он снова легко поднял ее и пронес мимо оторопевшей сторожихи в комнату, опустил на узкую железную кровать, снял с ног грязные туфли. И в этот миг вспыхнул свет.
— Еще чего? — пробасила сторожиха. — А ну-ка...
— Удаляюсь, — сказал Петр и склонился к Фаинке.— До завтра, гражданочка Рослякова!
Он уже выходил на улицу, когда услышал сзади шум. Оглянулся: Фаинка бежала по коридору, протянув к нему руки.
«Как в ту ночь на болоте», — обожгло воспоминание. Бросился навстречу.
— Тетка обидела?! — заглянул в широко раскрытые глаза.
— Нет, — прижалась к нему Фаинка.

— А кто?

— Петя! Я боюсь, ты уйдешь и больше я тебя никогда не увижу!

— Пойдем со мной!

— Куда?

— В кабинет к Гурьянову. Там два дивана... Один ничего себе.

Он не заметил, когда подошла сторожиха. Она стояла совсем рядом и молча глядела на них. Вдруг шагнула, ухватила Фаинку за косу и оттянула голову. Петр напружинился, готовый броситься на женщину.

— Чего ревешь-то, дурочка? — сказала та, приглушив бас. — Радоваться должна, что достался тебе самостоятельный парень.

Петр уже успокоился.

— Откуда это известно, что я самостоятельный?

— Ой, милый, — покачала головой женщина. — Я с одного разу человека определю. Всяких навидалась!

— Собирайся, Фаинка!

— Да куда ты ее потащишь на ночь глядя? — снова вмешалась сторожиха, взяла девушку за руку: — Пойдем. Ложись и спи себе. А завтра свидитесь и договоритесь обо всем.

Взглянув на Петра и заметив его озабоченность, подтолкнула к двери:

— И ты, милок, иди себе спокойно. Никто ее тут не тронет. Ты не думай, я жалею их. У меня только голос грубый.

Петр вышел, но тут же сел на ступеньку под звездное небо.

Глава тринадцатая

Фаинка сладко зевнула.

— Спать ведь хочешь, — сказал Михаил.

— Не, — покачала она головой.

— Устала ведь.

— Не! — и отложила в сторону готовый чертеж.

— Везет же людям! — вздохнул Михаил и потянулся.

— Может, и тебе помогу, — пообещала Фаинка.

Михаил задержался на ней взглядом.

— Слушай, п-подружка, а вдруг я возьму и влюблюсь в тебя?

— Влюбляйся.

— А что мне будет от Петьки?

— Наподдаёт тебе.

— Убьет меня Петька.

— А может, и убьет, — согласилась Фаинка.

Вот так они сидели вечерами, занимались каждый своим делом и болтали уже полмесяца. Петр привез Фаинку в Кедровый, устроил ее с жильем и работой, а сам через три дня уехал. Хохряков направил «Петрову невесту» воспитательницей в детский садик. Козлов хотел перейти в общежитие, чтобы освободить комнату для нее, но девушка отказалась — ведь Михаил студент-заочник, где ему там заниматься?

Петр обрадовался, когда Фая предложила ему помочь с чертежами. Целый день рылся в своих перепутанных бумагах, выгребал их из стола, из тумбочки, рассказывал, что и как нужно делать.

— Сумеешь? — с надеждой спрашивал он.

— Сумею. Только подписываю я неважно.

— Ерунда. Я сам подпишу, — и заглядывал ей в глаза. — Это правда, что ты в Кедровом?

В день отъезда Петра на трассу Фаинка, возвращаясь с ним из столовой, попала в лужу и промочила ноги. Дома Петр снял с нее мокрые чулки и на четвереньках полез под кровать искать свои тапки. Мишка молча наблюдал за ним, потом грустно обратился к сладко посапывающему на кровати щенку:

— Б-байкал, у тебя отбивают хлеб.

Щенка от своей сибирской лайки подарил Петру Ислам Шарипов. В редкие приезды домой Петр пытался учить Байкала, но тот лишь прыгал вокруг хозяина да носился по комнате.

— Мог бы и занятья с ним немного, — выговаривал Петр Михаилу. — А то вырастет дураком, как с ним охотиться?

— Я вслух читаю ему лекции п-по механике.

— Он мне даже тапки не ищет, — ворчал Петр, разуваясь.

— Вот это мы еще не п-проходили.

А тут Петька сам с радостью полез под кровать искать свои шлепанцы для Фаинки.

— Когда теперь приедет Петя? — вздохнула девушка, покусывая кончик карандаша.

— Днем он рубит трассу, а ночью долбит осиновый корабль, — разъяснил Михаил. — Уже покрасил клюквой нижнюю рубаху. После хорошего ливня прибудет к своей Аксоль п-под алыми парусами.

— Не Аксоль, а Ассоль, — поправила Фаинка.

— Правильно, — зевнул Михаил. — Спутал. Аксоль — это олифа. Надо вот клуб красить и больницу, а олифы нет.

На кровати чихнул сонный щенок.

— Пожалуйста! — развел руками Михаил. — Байкал подтвердил, все точно: аксоли нет, а Петька уже выкрасил клюквой рубаху.

Глава четырнадцатая

Но Петр не приехал в Кедровый ни в этот месяц, ни в следующий. Не отпускала работа. До весенних разливов не успели проложить слань по болоту, которое преодолели с таким трудом. На зыбкой топи так и лежала тропа из веток, тонких деревьев и бревен. К краю болота с грехом пополам добирались из Малайки машины, урча сбрасывали груз и, боясь съехать на раскисшую землю, долго пятились, а потом чудом разворачивались и уходили. Все, что скидывали машины — продукты, палатки, горючее, — строители перетаскивали по тропе на свою сторону.

Как-то грузовик кроме продуктов и горючего привез человек двенадцать — пополнение, которое ждали в Медвежьем. Все это были незнакомые люди, прибывшие на стройку по вербовке, но Петр сразу увидел среди них вернувшегося из Кедрового Ислама Шарипова.

Новички перебирались через болото долго, неумело. Некоторые оступались, вставали на четвереньки поперек тропы, загораживали проход, осторожно поднимались и боком-боком двигались дальше.

Ислам помогал им всем, и Петр еле дождался его.

— Ну что там, в Кедровом? — спросил нетерпеливо.— Как там Фаинка?

— Фаинка-то караша-а...

— А что плохо?

— Тот баба вертолет прилетал.

— Какая еще баба?

— Куркуль тот, знаешь?

— С Пролетарской, 16, что ли? — догадался Петр.

— Он, он, — закивал головой Ислам.

— Зачем ее в тайгу занесло? — озабоченно спросил Петр.

— Мужик свой искал.

— Глазырина? — еще больше удивился Петр. — А он где?

Ислам рассмеялся, собрав щеки в крутые складки.

— А мужик тайга спасался, пешком бежал, пекарня сидел...

Однажды вечером в окно «Дома офицеров» кто-то осторожно постучал. Фаинка отдернула занавеску, радостно вскрикнула и бросилась на улицу. Байкал насторожил острые уши и на всякий случай взлаял разок.

«Петька», — решил Михаил.

Фаинка ввела усталого, немолодого уже человека.

— На место, — крикнула собаке, но та вдруг стала высоко подпрыгивать, визжать — в общем, всячески выражать свой восторг. Только когда сам гость цыкнул на Байкала, он уполз, обиженный, под кровать.

— Садись, папа, — суетилась Фаинка. — У нас чай еще не остыл, сейчас мы покормим тебя. Какой ты молодец, что приехал!

«На чем приехал?» — размышлял Михаил.

Глазырин уже не раз внимательно ощупал взглядом его остроносое лицо, худые плечи, длинные руки. Наконец не очень приветливо обратился к дочери:

— Чего ж не знакомишь меня... с дружком своим?

— Ой, правда что! — всполошилась Фаинка. — Миша, — указала на Козлова, а потом на отца, — мой папа, Михаил Клементьевич. Вы тезки!

Глазырин явно опешил.

— Это не я, — догадавшись, в чем дело, сказал Михаил.

— То есть как... не ты? — глуповато спросил Глазырин.

— Ой, папа, ты все перепутал, — заговорила смущенная Фаинка. — Это не Петя. Это Миша.

— А где Петя?

— А он в тайге, далеко. Уже два месяца не был дома.
Глазырин осмотрел комнату, особое внимание обратил на две железные узкие койки. Взглянул сначала на громко тикающий будильник, затем на Михаила.

— А ты вроде засиделся, тезка.

Михаил начал собирать со стола бумаги и книги.

— Папа! — порозовев, воскликнула Фаинка. — Ну что ты в самом деле... Он же здесь живет! А я— в общежитии.

Неожиданно отвернулась, уперлась лбом в свежепобеленную стенку комнаты и заплакала.

— Фая, ну что ты... — растерялся от ее слез Михаил. — Все правильно, сегодня я уйду в общежитие.

Он сунул книги в этажерку, захватил пиджак, кепку и бодро попрощался с порога:

— П-приятных снов!

До полночи разбирался Глазырин в «сложной» ситуации. А когда узнал, что Петр и Фаинка до сих пор не расписались, совсем разволновался. Сел в кровати, закурил.

— Это как же так, а? Со мной не познакомился, обманом увел тебя в тайгу...

— Ну почему же обманом, папа!

— ...наобещал всякого, опозорил и смылся в темный лес!

Фаинка встала, завернулась в одеяло, зажгла свет и прямо посмотрела на отца.

— Как тебе не стыдно, папа!

Погасила лампу, легла и притихла в постели.

Глазырин долго молчал. Он знал по опыту, что больше ничего не добьется от дочери. Теперь она рассердилась и не будет отвечать на вопросы. А узнать ему хотелось о многом.

— Ну, ладно, — примирительно заговорил он. — Когда свадьба-то?

Ответа не ждал, но Фаинка ответила:

— Хотели в августе — не получится. Скорее всего на ноябрьские...

— Ну и как он? Ничего себе парень?

— Ой, папа!

Фаинка повернулась к отцу и стала рассказывать о Петре. Глазырин слушал, не перебивая, не задавал никаких вопросов, только думал про себя — выросла дочка. И невольно ворошил все в памяти.

Фаинка не была ему родной дочерью. Он женился на ее матери в Тобольске, когда девочке было всего четыре года. Ровно через восемь месяцев жена скончалась от какого-то недуга. Глазырин вспоминал сейчас, как помогали ему соседи растить девочку — хвалили, что не бросает чужого ребенка, не сдает в детский дом. Потом переехал в Шурду. Устроился на работу, получил комнатку. Фаинка училась. Вечерами топили с ней печь, сидели у огня, разговаривали. Хорошо было...

Но вот взяла его в шоры одна шурдинская вдова, привела в дом, показала свое богатство.

Кончилась хорошая дружба, отошла дочка от отца, не делилась ничем. Не приняла порядки нового дома, не приняла новую мать, хотя та и пыталась приручить ее. Если и жила с ними, так только из-за бабушки Моти. А как умерла бабушка — ушла Фаинка из ненавистного дома навсегда. Невесело думать об этом.

Не любит Глазырин вспоминать и еще об одном — как потерял он свою квалификацию, принял от жены справку о его нездоровье, добытую нечистым путем.

— Пенсия маленькая, зато все сутки твои. Дом под присмотром. А в хорошее время будешь уходить на промысел — по клюкву, по орехи, на рыбалку... Я тебе говорю, проку больше будет... — поучала тогда жена...

— Ну согласись, папа, согласись!

Глазырин потер лоб, отогнал неприятные мысли, не сразу понял, о чем Фаинка просит его.

— Уверяю, работу тебе сразу дадут, койку в общежитии выделят.

Вон о чем она просит...

— Ты ведь электрик, папа. А электрики очень нужны. Или, может, хочешь к Пете, на трассу? Правда, там в палатках живут и комаров очень много.

— Их и здесь хватает, — отозвался Глазырин.

— Вот именно! И здесь их хватает, — обрадовалась Фаинка. — Так что у Пети тебе будет неплохо.

Она вдруг вскочила с кровати и опустилась на колени возле изголовья отца.

— Папа!

Умолкла, словно набирая дыхание, и Глазырин напрягся под одеялом.

— Если ты не уйдешь из того дома... забудь, что у тебя есть дочь.

Медленно поднялась с колен и хотела лечь, но из-под кровати вылез Байкал и просительно завилял хвостом. Фаинка открыла дверь, и собака стремглав вылетела на улицу.

Это несколько сбило девушку, она подумала, что отец, пожалуй, не принял всерьез ее заявление.

— То, что я тебе сейчас сказала, чистая правда, — твердо повторила она.

— А я и знаю, что правда, — вздохнул Глазырин и предложил: — Поспим, дочка. Я ведь пешком двое суток до вас добирался...

— Пешком?

— Ага, — зевнул Глазырин. — По болоту, правда, железную дорогу кладут... Маленько подвезли на дрезине. А там уж...

Он вдруг захрапел на полуслове.

На другой день, проводив Фаинку на работу, Глазырин побывал в постоянном поселке, посидел на электростанции, забрел на трассу... В следующие дни сходил с дедом Кандыком в тайгу, насолил грибов, засыпал сахаром бруснику. А потом рыбаки взяли его на утренний лов — наварил ухи, угостил дочку.

— Если жить с умом, здесь можно скопить деньжонок, — подвел он итог. — Летом тайга хорошо кормит. Нынче еще и орехи будут. Да и зимой сообразить можно.

— Можно, конечно, — согласилась Фаинка. — Только людям пока все некогда промыслом заниматься. Петя уже мотор «Стрелу» купил, осину подобрал, а лодку долбить времени нету.

— А где та осина? — поинтересовался Глазырин.

— У-у! Далеко, — махнула рукой Фаинка. — На его участке, в Медвежьем.

Глазырин задумался.

— Это еще уметь надо, лодку-то мастерить, — усмехнулся он.

Как-то Фаинку встретила Клавдия Маклакова.

— Так Глазырин-то, выходит, твой отец? — спросила

с любопытством. — А я думаю, чего это он Петру лодку долбит, нанялся, что ли?

Фаинка даже рот открыла от удивления.

А Глазырин и в самом деле готовил лодку своему будущему зятю. Недалеко от пекарни нашел толстую осину, взял на лесосеке «Дружбу», вырезал из осины метров десять ствола, попросил тракториста подвести болванку к нужному месту. Потом зашел в кузницу, из старой кирки и топора сделал три разных тёсла и приступил к работе. Нашлись у него и помощники.

Собрался чуть не весь поселок, когда, закончив долбежку, Глазырин и его подручные приступили к «разводке». У большого костра они нагревали бока будущей лодки, обильно смачивали их, чтобы не обгорели, а потом вколачивали в разопревшие стенки сырые, чуть согнутые елки. Елки постепенно должны выпрямляться и разводить борта.

— Мастер ты, да и только! — хвалил гостя дед Кандык. — Хорошо пойдет лодка, сразу видать.

— Еще смолить будем, — говорил довольный Глазырин.

В самый разгар лодочного строительства из Шурды прилетела жена Глазырина. Люди видели, как он опешил, заметив неподалеку от себя коренастую женщину, как рассеянно снял брезентовые рукавицы, бросил их внутрь распертой лодки и медленно направился к супруге.

Фаинка в тот вечер домой не пришла, ночевала в общежитии. Глазырин сказал жене, что нанялся за выгодную цену делать лодку, что есть и другие заказы. Зачем упускать такое?

Но жена была непреклонна — завтра же домой.

— Хоть одну-то надо доделать, просмолить осталось,— упирался Глазырин.

— Сами просмолят. Скинь им немножко цену, и все. Завтра в двенадцать полетим. Я договорилась с вертолетчиком.

И тогда Глазырин решился на невероятное. Утром ушел из «Дома офицеров» и сгинул. Дед Кандык был уверен, что он скрывается в тайге. Но оказалось не так: Глазырин в тот день сидел за печкой в пекарне и рассказывал Настюре про свою жизнь. Настюра даже всплакнула, утирая глаза полой белого халата.

Куркулиха улетела одна, оставив мужу грозную записку...

Глава пятнадцатая

Желтая кувшинка, встревоженная волной, высоко подняла головку на тонкой шее, будто хотела посмотреть, кто это заехал в их тихую заводь. Рядом заколыхались ее круглые листья, омылись водой и заблестели на солнце. Но лодка пронеслась. Вот тихо, грустно легла кувшинка на воду, замерли, высыхая, листья. Опять тишина и покой в маленьком омутке.

А лодка была уже далеко, резала носом неглубокие воды таежной речки, неумело перепрыгивала завалы. Стоял август, речушка обмелела, обнажила влажные «десны» берегов.

Завалов было много. То и дело преграждали путь упавшие деревья — многие годы подмывала их вода, — надо было, глуша «Стрелу», проезжать в узенький проход, оставленный «топляками».

Вот мотор взревел и умолк. Петр дернул ремнем раз, другой... Не заводится. Опять срезало шпонку.

— Елки-палки, — Глазырин подтянул штаны. Совсем недавно Петр снял с него ремень, потому что заводить мотор было нечем: порвалась веревка, с которой они пустились в путь, вышел из строя тоненький ремень Петра. Теперь вся надежда была на глазыринский, широкий и крепкий.

Петр веслом подогнал лодку к берегу, и Фаинка, перегнувшись через борт, блаженно зарылась носом в незабудки.

Наверно, это было безрассудно — вот так плыть и плыть вверх по реке. Гвоздей на шпонки оставалось совсем мало, запасы бензина невелики, да и продуктов взяли немного. Но во время одной остановки Фаинка вытащила из камыша какой-то странный предмет — не то ложку, не то поварешку. И уже ничего нельзя было сделать с Петром.

— Едем дальше!

Рассказал, что есть тут где-то маленькое селение, живут в нем староверы. Слышал о них от геологов и давно уже собирался побывать там. Интересно же!

Речка выгибалась, петляла. Солнце то било в лицо, то грело спину. Когда в лицо — значит, ехали вперед, а когда в спину — катили обратно.

Глазырину хотелось утятины. Тяжелые птицы словно дразнили — то и дело поднимались из прибрежных кустов, переплывали речку. Но Петр заявил, что охота на уток сейчас запрещена и разговора насчет «покушать дикого мясца» быть не может.

— Да ведь тайга тут нехоженая! — ворчал Глазырин.

День клонился к вечеру. Петр начал волноваться — далеко то селение или близко? Из-за частых остановок он не мог сообразить, сколько они проехали: много или мало. Чувствовал, что, наверно, придется заночевать в тайге.

На завале опять срезало шпонку, и Глазырин сказал хмуро:

— Три гвоздя осталось.

Лодка замерла у берега, под огромным густым кедром.

— Давайте переночуем здесь, — бодро предложил Петр и посмотрел на Фаинку.

Она сидела, чуть нахохлившись. К вечеру на воде стало прохладно. Фаинка явно замерзла. Какой прок от сырого брезентового плаща, в который она куталась. От него только холод.

Петру стало невыносимо жаль ее.

Глазырин, кряхтя, полез на берег и скрылся за толстым стволом кедра. Девушка приподнялась, молча сбросила с себя плащ, осторожно шагнула по мокрому дну лодки.

— Подожди, Фаинка!

Петр обошел ее, выскочил в прибрежную траву.

— Иди ко мне!

Она прижалась влажным от брызг лицом к его горячей шее.

Он так и стоял, не опуская ее на землю, и думал — на кой ляд сдались ему эти староверы, куда он тащит ее, такую маленькую, хрупкую, замерзшую? Он испытывал невероятную нежность к ней. Он шептал какие-то ласковые слова, обещая развести костер на всю тайгу, согреть ее, накормить и уложить спать.

— А три оставшихся гвоздя я использую для строительства дворца или, в крайнем случае, шикарного шалаша для тебя... для нас...

Фаинка тихо, счастливо смеялась.

— Ты не сердишься, что из-за этих чертовых шпонок и завалов я почти не смотрел на тебя всю дорогу?

— Уже не сержусь...

— Но сердилась?
— Не то чтоб сердилась...
— Но обижалась!
— Чуть-чуть...
— Ты думала: вот какой балбес, приехал из Медвежьего и сразу прилип к своей осиновой лодке!
— Мы же едем вместе.
— Вот только скажи слово — и не поедем ни к каким староверам!
— Нет, мы поедем. Я хочу!
— Ну, а раз ты хочешь, мы будем у них, даже если не останется ни одного гвоздя, ни одной капли бензина, даже если порвется последний ремень Глазырина М. К.!
— Петя, я люблю тебя!
— А я тебя?
— И ты меня!

Глава шестнадцатая

— Один гвоздь остался, — сказал Глазырин, когда мотор уркнул и затих.
— Один гвоздь — это три шпонки, — весело отозвался Петр и пошел из лодки. По пути он крепко сжал плечи Фаинки, заглянул в ее счастливые глаза.
— Здорово ты саданул меня ночью локтем в бок, — вспомнил Глазырин.
Петр рассмеялся.
— Я не виноват. Видел во сне, что мотор ремнем завожу.
— Смех смехом, а где староверы? — вздохнул Глазырин.
Видно было, что поездка нравится ему все меньше. Ночью под кедром он спал плохо, крутился. Все, что было из одежды, Петр разложил возле костра для Фаинки, а сами они спали на брезентовом плаще.
— Может, завернем корабль да на Пролетарскую, 16? — не очень ловко пошутил Петр и заметил укоризненный взгляд девушки. Глазырин тоже посмотрел на него внимательно, хотел что-то сказать, но промолчал.

Петр сел на место и, досадуя на себя, раз шесть яростно дернул ремнем. Только после этого мотор завелся.

Тайга отступила от берегов, шире стали прибрежные поляны, на изгибах реки открывался глубокий простор, синело привольно раскинутое небо. Меньше встречалось завалов, зато рябили, искрились на солнце мелкие перекаты, иной раз приходилось снимать сапоги, закручивать штанины и тащить лодку по шуршащему дну до тех пор, пока она не начинала мягко покачиваться на воде.

Глазырин помалкивал, но все-таки Петр услышал разок:

— Добро бы хоть к людям ехали, а то неведомо куда.

— К людям едем, — сказал Петр, обрадовавшись, что тот заговорил. — К непьющим и некурящим. А едят они только то, что добыто своими руками, — выкладывал он скудные познания о староверских обычаях.

— Они и попить не дадут из своей кружки, — добавил Глазырин, думая о еде: хлеб кончился, и других припасов не осталось.

— У нас есть пустые консервные банки, — шутил Петр, раскручивая в лодке сырые, измызганные штанины. — Напьемся.

— Стоп! — спустя полчаса крикнул Глазырин, и Петр, мгновенно заглушив мотор, огляделся.

С берега им судорожно кланялось воткнутое в землю удилище. Леска металась то вправо, то влево, то глубоко уходила в воду, то вытягивалась из нее, ослабевала и снова уходила сгибая удилище.

— Жерлица! — заорал Петр.

— Сено! — крикнула Фаинка.

На широкой поляне стояли два стожка, огороженные жердями.

— Кто говорил?! Кто не верил?! — вопил Петр.

Щука была большая и свирепая. Глазырин еле вытянул ее, так она боролась, так хотела сорваться. Фаинка боязливо поджала ноги, когда отец бросил рыбину на дно лодки. Петр накинул на щуку свой плащ, и тот ходуном заходил возле ног Фаинки.

— Привезем и скажем: вот вам на пирог, — заводя мотор, репетировал Петр близкую встречу с людьми.

— Надо глядеть, может, у них еще жерлицы поставлены, — повеселел Глазырин.

— Мостик! — сообщила Фаинка.

Лодка уже пронеслась мимо сооружения из трех досок, оправленных неотесанными тонкими березками. Видимо, это был причал, земля возле него — в глубоких вмятинах, заполненных водой.

По травянистой поляне от берега шла тропка на поросший лесом косогор. С косогора по ней бежали ребятишки, мал мала меньше. Скатились на поляну и остановились, разглядывая незнакомцев. Старшую девочку лет двенадцати облепили младшие, ухватились за подол, вцепились в руки. А с горки ковыляла совсем крошечная девчонка. Она то и дело поскальзывалась, смешно поднималась и опять шла.

— Не ходи, Стешка! — звонко крикнула ей старшая. — А то заберут тебя, увезут, так будешь знать!

Но малышка бесстрашно топала к берегу. В руках она держала чекушку с соской и по пути не торопясь посасывала из нее.

— Вот они староверы, — улыбнулась Фаинка и направилась к ребятишкам. — Вы не бойтесь, мы вам ничего не сделаем.

— Мы не боимся, — ответила старшая и начала одного за другим отцеплять от себя малышей. — Мы думали, папка приехал.

Они гуськом пошли по мягкой зеленой поляне. Глазырин шел позади, нес в мешке все еще вздрагивающую рыбу.

...Не раз похвалил себя Петр за то, что не разболтал Фаинке и ее отцу сплетни о староверах. Сейчас, вглядываясь в добродушные, полные любопытства лица стариков и старух, он зло издевался над собой, казнил за фантазию, за сказки, которые слышал и сам придумывал о людях «затаившихся в тайге».

Только кое-что было верно. Они и в самом деле ушли в эти леса из-под Шадринска во время коллективизации. Одни опасались ее не зря, другие сбежали по глупости, запуганные кулаками. Охотник показал им в тайге хорошее, тихое местечко, они построили сначала общий барак, а потом начали понемножку расселяться в собственные рубленые избы. Позднее их стали вывозить отсюда в дальний колхоз на севере. Из окон многих избушек сейчас зеленым пламенем вырывалась крапива. Но несколько семей тогда вернулись и стали жить в глухой тайге,

сажать огороды, охотиться, рыбачить. Больше их никто не тревожил.

Петр ходил по заросшим лопухами тропкам. Хатенки по пригорку разбежались далеко друг от друга.

— А зимой как?

— На лыжах, — пояснила старушка, повязанная белым платком, одетая в коричневое платье, сшитое на руках.

Петр видел жернова, резные прялки, сохи, плуги — вещи, которые выставляются сейчас в музеях. Все сделано своими руками, все было в употреблении не так давно.

— Чья? — вспомнил Петр и достал из кармана почерневшую поварешку. Старики передавали ее из рук в руки.

— Соломеин, кажись. Али Феоктистин?..

— Наш, я мастерил, — сказал розовощекий дед Фиогней.

На нем были домотканые синие в полоску штаны, засунутые в валенки с укороченными верхами. А катаной шляпе его «набежало» не меньше пятидесяти лет — так он определил сам.

Петра поразили имена стариков — Мамельфа, Соломея, Пуд, Анфельфий... Полуторагодовалой Стеше — Степаниде тоже давали имя по «Прологу» — рыхлой книге, из которой посыпались тараканы, когда Петр снял ее с полки в доме многодетного охотника...

В каждом огороде они должны были что-нибудь съесть — у кого репку, у кого морковку, у кого гороху. Их потчевали кислым квасом, молоком, угощали шаньгами с «налёвкой» из брюквы.

Дед Фиогней зазвал гостей к себе в избу. В переднем углу было завешано что-то потемневшей марлей. Наверно, иконы. Койка стояла под марлевым пологом — от комаров. На стене тикали ходики.

— От них только два колесика остались, остальное все моими руками сделано, — кивал старик на фанерный квадратик с разрисованным чернилами циферблатом. — В 1902 году куплены.

Дед Фиогней слыл в этом поселке главным грамотеем, не считая, конечно, двух охотников — Илариона и Галактифона. Когда-то он по церковным книгам многих обучил здесь грамоте, только Пуд Иваныч не поддался:

свою фамилию — Амосов — одолел лишь наполовину — «Амо» и сказал, что хватит.

Руки у Фиогнея Еремеича золотые. Все резные прялки, туески и другие предметы домашнего обихода и хозяйского инвентаря делал главным образом он, и делал хорошо — красиво и прочно.

— Если бы батя не ушел в двадцатых годах в леса — большим бы человеком был в миру, — сообщил Петру охотник Иларион, который причалил к мостику часа через три после их приезда. Это его ребятишки сбежали к берегу, в его дом пришли уставшие и голодные «мореходы».

Жена Илариона — Полуферья — тяжело топталась возле огромной осевшей печи, ополаскивала в мутной воде миски, чашки, ломаные алюминиевые и деревянные ложки. Большой живот ее колыхался — женщина ждала очередного ребенка.

— Кто это, парень, к нам? — спросила, когда путники, сопровождаемые ее ребятишками, вошли в дом.

Познакомились быстро. Полуферья не очень удивилась их приезду.

— Дорогу-то, девка, скоро построят?—обратилась она к Петру. Гости поняли, что хозяйка вставляла в свою речь то «девку», то «парня» независимо от того, с кем разговаривала. Фаинку она, например, спросила: «Умаялась, парень, в дороге?»

(Позднее они узнали, что и муж ее, Иларион, имеет такую же привычку.)

Глазырин подал хозяйке щуку, пояснив, что сняли с их жерлицы. Женщина не удивилась, не обрадовалась, сказала:

— Завтра, парень, пирог спекем, а нынче уха у меня сваренная.

Уха была из вяленых карасей, мутная, невкусная, жидко заправленная картошкой. Полуферья вылила ее из чугуна в огромную миску, поставила на середину толстоногого стола, который вмиг, как мухи, облепили ребятишки, расхватали ложки.

— Ись-то, девка, нечем? — помяла подбородок Полуферья и достала с полки еще несколько деревянных ложек, обтерла их передником, подала.

Ребятишки азартно хлебали теплую уху, облизывали ложки и снова заезжали ими в миску. Глазырин не ел.

А Петр и Фаинка, боясь обидеть хозяйку, все-таки несколько раз зачерпнули отдающей железом жижи, мужественно проглотили ее.

— Почему свежую рыбу не едите? — не удержался Глазырин. — Вон сколько ее в речке.

— Свежую впрок, девка, сушим да вялим. Зима-то долгая, робят-то много.

Петр и Фаинка были смущены тем, что приехали с пустыми руками, никаких гостинцев нет.

— В следующий раз все будет по-другому, — неловко намекал Петр.

В опорожненную из-под ухи миску хозяйка налила густой простокваши. Ребята заторопились с ложками — каждому хотелось ухватить сливочек. Заметив их усердие, мать нахмурилась:

— Вы что же это, парень, гостям хлебнуть не даете?

И вылила еще целую кринку простокваши в другую миску. Глазырин облегченно вздохнул и стал есть.

— А я видал вас в нашем поселке, — удивленно сказал Петр Илариону, когда тот появился в доме, неся в мешке улов.

— Бываю там, покупаю кое-какой продукт, — скупо объяснил Иларион.

Вот на нем, да еще на охотнике Галактифоне, по сути, и держится это заброшенное в глухую тайгу селеньице. Они пашут старикам огороды (лошади у них от охотничьего хозяйства), привозят муку, крупу, макароны...

— Едят? — удивляется Глазырин. — Макароны-то ведь заводским путем делаются.

— Едят, девка, — незло усмехается Иларион. — Куда денешься.

Во второй маленькой комнате висит Почетная грамота, выданная Илариону за высокие показатели в республиканских соревнованиях охотников. Там же приткнулся в угол старый приемничек — единственный глашатай всех новостей.

— Знают, что в мире делается? — интересуется Глазырин.

— А как же? — отвечает Иларион. — Вчера приходит дед Фиогней. «Ну-ка, говорит, включи приемник. Узнаем то да се».

— А вы, Иларион, не думаете переезжать к нам на стройку? — спросил Петр и увидел, как настороженно повернула голову Полуферья, прислушиваясь, что ответит муж. А тот промолчал. Только чуть повел плечом.

Один за другим стали подходить принаряженные старики и старушки.

Степенно топтались у порога, пока хозяева не приглашали — проходите, гостями будете! — садились в сторонке, помалкивали, глядели.

С улицы прибежала старшая дочка Илариона и сказала Петру, считая его главным:

— Бабка Пелагея желает, чтобы вы пришли к ней.

...Крохотный, игрушечный дворик. Цветут анютины глазки, мальвы. Возле низенького пустого сарайчика греется на солнышке белая кошка. Рядом роется в земле такая же белая курица.

Из сеней скособочившегося домишки послышалось бормотание — кто-то выползал через порог. Кошка, жмурясь, чуть подняла голову, а курица, закудахтав, бросилась навстречу хозяйке и стала ходить вокруг, тереться блестящими боками о ноги, обутые в подшитые валенки.

— Ну-ко ты, Анисья, постой-ко соваться-то... — неожиданно громко заговорила старуха, отгоняя курицу.

Она плохо видела, эта бабушка Пелагея, силилась разглядеть гостей в большие, чуть затемненные очки, привезенные ей когда-то Иларионом. Черный платок обрамлял длинное лицо с крупным носом и впалыми щеками.

Фаинку и Петра она усадила на скамейку рядом с собой, а Глазырин сел поодаль на чурбанчик. Сухими пальцами старуха гладила девушку по плечам, по волосам, ласково прикасалась к лицу:

— На вон-те, на вон-те, — громко приговаривала она, потому что сама слышала плохо, — раскрасавица какая девонька... Любишься с ней? — неожиданно повернулась к Петру, и тот покраснел, как клюква.

— Не женатые они еще, — вмешался Глазырин, но бабка не слышала и теперь гладила Петра.

— На вон-те, на вон-те... Раскрасавец какой паренечек, — водила ладонями по упругой загорелой шее, оглаживала крепкие плечи, грудь, застегнула пуговку на рубашке... — На вон-те, на вон-те... Какие люди мне достались!

Петр сидел весь красный, не знал, как избавиться от старушечьей ласки, боялся, что еще чего-нибудь скажет бабка.

И как в воду глядел.

— Спать ко мне идите, под полог, а я к Соломее уползу с клюшечкой, — предложила она. — На всем свете одни будете, избеночка моя эвон куды от других отбежала!

Глазырин сердито шагнул к старухе, оттянул ее платок:

— Не женатые они! Поняла? — и отошел, тихонько поругиваясь. — Еще староверкой числится, бесстыжая!..

— На вон-те, на вон-те! Женишок с невестой! — заприговаривала бабка. — Кем робишь? Начальником?

— Вроде бы...

— Сколь получаешь?

— Хорошо получаю!

Петр резко встал, чтобы закончить это «интервью».

Они еле ушли от бабушки Пелагеи. Она хватала их за руки, плакала беззвучно, прикрывая платком впалый рот.

— Одна я, Петенька, как перстик одна... Только вон клушка Анисья да кошка Машка...

— А зимой как? — спрашивал расстроенный Петр.

— Соломея берет. Да в тягость я. Отец у нее Фиогней.

— Чем кормишься, бабушка?

— Иларион, спаси его господи, всех нас кормит. Случись с ним беда, и мы помрем друг за дружкой...

— Почему из колхоза убежали? — с досадой пытал ее Петр. — Там старики живут, в ус не дуют, пенсию получают.

Бабка перестала плакать. Вытерла под очками глаза.

— Давно уж это было, соколик, забывать стала.

Вместо матерых староверов, которые, как он опасался, будут «затягивать в свои сети» молодежь со стройки, Петр увидел дряхлых стариков, проживших без пользы, без радости.

— Увезем тебя с собой!.. — решительно заявил он бабке.

Та испуганно затопталась у калитки.

— Нет уж, миленький, нет, голубочек мой...

— Боятся, парень, в миру жить. Отвыкли, — провожая на другой день гостей, сказал Иларион и вздохнул:— А Галактифон в ваш леспромхоз нанимается, переезжать надумал, избу там рубит...

— А ты? Ведь тебе же хочется на стройку.

— А мне, девка, нельзя пока. Куда их?

Старики стояли темной кучкой недалеко от берега. Петр махнул им рукой, завел мотор, лодка рванулась от маленького причала, а старики все стояли неподвижной кучкой, смотрели вслед лодке, пока она не скрылась за поворотом.

«Вот дурни, вот дурни!» — с горечью думал Петр. Чувствовал, что бессилен помочь им, сами бегут они от помощи.

На одной из стоянок Глазырин негромко сказал Петру:

— Ты вот тогда... в передний путь... намекнул мне насчет Пролетарской, 16. Думаешь, так просто бросить все и уехать?

Видимо, это было плодом его раздумий.

— Вы с теми стариками себя сравниваете? — уточнил Петр.

— Зачем? Хоть с тобой. Давай вот брось все, да и поезжай на другое место.

— Куда? — заинтересовался Петр.

— А хоть на Пролетарскую, 16, — прищурился Глазырин.

Петр расхохотался, но быстро умолк, внимательно вглядываясь в собеседника.

— Сравнение ваше ни в какие ворота не лезет, — внушительно проговорил он. — Вы только чуточку поразмыслите, — поднял вверх палец, — чего оставляете вы, уходя с Пролетарской, 16, и чего бы оставил я, уйдя из поезда, со стройки.

И невольно перенесся мыслями в Медвежий, на лесную вырубку, и первозданная тишина, которая его сейчас окружала, нарушилась: ворвался рокот машин, звон пил, стук топоров...

«А я плаваю тут, по гостям разъезжаю!»

Он сердито взглянул на Глазырина. Тот, хмурясь, подправлял сучья в костре. Фаинка спала под кедром.

Через два дня Петр был уже в Медвежьем, а через неделю Глазырин сказал Фаинке:

— Ну, погостевал у вас, и хватит. Домой пора.

— Как?!

Глазырин не стал смотреть в лицо дочери, вытащил из-под койки большой мешок с молодыми, еще не набравшими ядреной крепости шишками, отсыпал из него в угол. Снял с полки пакет с сушеными белыми грибами, отсыпал из него в пустую кастрюлю.

Потрясенная девушка стояла, не говоря ни слова.

— Уж больно вы тут все шустры, — натягивая сапоги, глухо проговорил Глазырин. — Можно, конечно, так-то, когда ни кола ни двора...

— А у тебя там что, что у тебя там? — прошептала Фаинка.

Глазырин поднялся, с обидой посмотрел на нее.

— Руки мои там, дочка, — потряс большими кистями, — во всем мои руки — в дому, во дворе, в огороде...

— А у них — не руки?!

Фаинка шагнула к окну, дернула занавеску, тонкая нитка оборвалась, шторка упала на пол.

— Вот так и живете, — усмехнулся Глазырин. — Все на живульку.

— Ты за окно посмотри! На поселок, на трассу! Бессовестный! — крикнула Фаинка и, упав на кровать, разрыдалась с горьким отчаянием.

Глава семнадцатая

В конторе, несмотря на выходной, людно. Даже экспедитор с вертолетной площадки здесь — приколачивает в коридоре какую-то схему.

Основной шум идет из кабинета Ступина — два плотника срочно набивают панели из светло-зеленого линкруста. Ступин тут же. Придирчиво смотрит, ровно ли намечена линия, то и дело дает указания Шуре:

— Отскобли пятно с полу, видишь? Окна красили — наляпали... Портреты хорошенько вытри, сегодня же повесим обратно.

Бухгалтерия чистит свои столы. Елена Прахова, повязанная платком, в фартуке, протирает газетами оконные стекла.

Оживленно в производственном отделе.

— Где папка? — шумит Бердадыш, роясь в бумагах, наваленных на столе. — Сколько раз говорю: не прячьте папку! Вчера смотрю — обратно нет папки! Где папка? Э, думаю, ладно! Нет — не надо. Завтра найдется. А пути начальства неисповедимы. Я домой, а «сам» на порог: дай, говорит, мне папку с расчетами по вокзалу. А я где возьму? Нету!

— Вот она, — молодой специалист — рыженькая — вынимает папку из стола начальника.

— Так ведь в столе! — шумит Бердадыш. — А я на столе ищу!

Поддавшись горячке, охватившей всю контору, подозрительно осмотрел свои шкафы и Хохряков. Но там было все в порядке: «личные дела» стояли на полках, плотно прижавшись друг к другу. Хохряков только сплюснул и подложил под ножку дубового стола-ветерана другую спичечную коробку.

Тихо было лишь в кабинете главного инженера Заварухина.

...Всю последнюю неделю он находился на Ершике. Там готовились принимать из-за болота материалы для сборки звеньев — рельсы, шпалы, накладки, костыли... Уже сделан маленький тупичок — первые метры пути в тайге; поставлена «жэска», прожектора освещают два вагончика и четыре палатки. Ершик основательно не строится: здесь будет временная звеносборочная база, а когда путь дойдет до поселка Кедрового, база перекочует туда.

Но сейчас этот временный пункт в лучшем положении: обогнав железную дорогу, пока еще непрочно уложенную по серой асбестовой тропе, в Ершик пришагали-таки телеграфные столбы, и крошечный зеленый вагончик, к которому сбежались провода, звенел и звенел приветами из Шурды и Горноуральска.

— Ну что слышно? Когда приедут? — кричал в трубку Заварухин, и близкий голос Гурьянова отвечал:

— Ничего неизвестно, Валерий Николаевич. В тресте тоже не знают.

— ...Начальству, главное, врасплох захватить,—смеялась в пекарне Настюра Мартынюк. Она отскабливала листы, убирала с глаз лишние формы. — Начальство-то, может, и не придет, а мы во всех закуточках чистоту наведем.

Шура сунулась было с ведром в кабинет Заварухина, хотела прибрать там, но Ступин остановил ее.

— Не надо, не надо. Мы его закроем на ключ. Лучше здесь хорошенько вымой, — указал на огороженный угол «приемной». — Секретарши нету, что ли? — спросил недовольно.

— Ребеночек у них маленький, а ясельки в воскресенье закрытые, — напомнила Шура.

Ступин опять зашел к себе в кабинет, оглядел побеленные стены. «Над панелью надо маслом до потолка покрыть».

Петр на выходной тоже прибыл из Медвежьего в Кедровый.

— Кто приедет? Когда? — спрашивал он всех, но толком ему ответить не могли.

Заглянув в детский садик к Фаинке, Петр отправился в больницу навестить Костю Плетнева. С крыльца его чуть не окатила грязной водой Мария Карповна.

— Здравствуй, Петя! — крикнула она и распорядилась: — Ноги вытирай хорошенько, все вымыто у нас, вычищено. — И справилась: — А ты так приехал или жалуешься на что?

— Костя как себя чувствует? — разуваясь у порога, спросил Петр.

— Иди к нему, а мне некогда, — махнула рукой Мария Карповна. — Мне еще в аптеке все перебрать надо.

— Взбесились вы тут все, что ли? — рассмеялся Петр и в одних носках пошел по чистому крашеному полу к приоткрытой двери.

Костя лежал на койке, положив на ее спинку огромную в гипсе ногу, и читал «Щит и меч». Одно время в поезде буквально все говорили только об этом романе. До того зачитались, что Ступин вместо «Товарищ Шацкин» написал «Товарищ Шварцкопф», так и отправил письмо в Горноуральский трест начальнику отдела снабжения.

— Э, Костя! — тихонько окликнул Петр. — Здравствуй.

Костя повернул голову, улыбнулся.

— Ну как ты тут? — присел возле него Петр.

— Ничего.

— Ислам боится, что у тебя нога не так срастется, — рассказывал Петр...

...Это ЧП произошло у них в Медвежьем месяц назад. Один парень во время трелевки захватил семь «хлыстов», зачокеровал, махнул водителю, и тот включил лебедку. Вместе с обвязанными тросом лесинами попала «вольная» береза. Ее как-то прихватило бревнами и потащило на широкую черную спину трелевщика. Береза яростно сопротивлялась, уперлась одним концом в пенек и стала выгибаться дугой. А когда связка поднялась на щит, вырвалась, разогнулась и полетела...

Помочь Шарипову было нельзя, Петр только закричал дико:

— Исла-а-ам!

И зажмурился.

А когда открыл глаза и побежал, перепрыгивая через пни и бревна, увидел: Ислам вылезал из кучи остывшей золы на месте вчерашнего костра, недоуменно таращил глаза и размазывал на лице сажу. А в трех-четырех метрах от той «вольной» березы, перелетевшей всю вырубку, лежал Костя Плетнев...

Оцепеневший Ислам опомнился лишь тогда, когда Костя застонал и пошевелил рукой. Опустился возле него на колени и, плохо соображая, что делает, стал тихонько оттягивать черными от сажи пальцами его веко. Костя открыл глаза, Ислам вздрогнул, спросил тихонько: «Зачем так, а?»

Он не понимал, что произошло, кто швырнул его в холодную золу. Ясность внес один из вальщиков:

— Когда вы, Петр Николаич, закричали Шарипову, Костя обернулся и увидел березу. Она бы в аккурат въехала в Исламову спину. Плетнев ка-ак прыгнул, ка-ак поддал Шарипову, Шарипов и улетел в костер.

...В дверь заглянула молоденькая медсестра, увидев гостя, порозовела, спросила смущенно:

— Навестить приехали?

— Да, — кивнул Петр и поинтересовался: — Когда вы нашего Костю на ноги поставите? — и пошутил: — Трактора в Медвежьем замаялись без него, из сил выбиваются.

— Все равно ему пока на ту работу возвращаться нельзя, — улыбнулась девушка и вышла из палаты.

— Помнишь, как мы перли тебя на самодельных носилках по тайге? — спросил Петр, и Костя кивнул, уставившись в стенку перед собой. На стене висела картинка

из журнала, прибитая сегодня Марией Карповной для красоты. А что нарисовано, никак не разобрать — не то цветы, не то овощи, не то люди.

— Учти, к моей свадьбе должен быть на ногах! — прощаясь, сказал Петр.

Костя промолчал. Видно, все еще не мог простить другу, что из-за него уехала со стройки хорошая девушка Галина.

Петру и самому тяжело думать об этом. Галя пишет из Ленинграда Михаилу Козлову, что до сих пор видит во сне тайгу и трассу. Просит сообщить, как идут дела, до какого километра продвинулась насыпь, с каких карьеров возят грунт.

О Рослякове в тех письмах — ни слова.

...В поселке тогда сразу стало известно, что Петр вернулся из Шурды с девушкой. Похоже, он и не собирался делать из этого тайну. Клавдия в раскрытые двери конторки наблюдала, как хлопотливо-заботливо таскал он от раздатки тарелки с едой, как расставлял их перед своей суженой. В том, что большеглазая, тоненькая девушка его невеста, сомневаться не приходится: на лице Петра все написано. Никого не видит, кроме нее. Не заметил даже, как в столовой появилась Галина и с подносом подошла к его столу.

Клавдия не слышала разговора, но хорошо видела лицо Петра. И ждала — как все получится, что теперь будет.

А Петр улыбнулся Гале радостно, помог снять с подноса тарелки. Когда она села, указал ей на свою девушку, видимо, познакомил их. Та протянула руку над столом, и Галя пожала ее.

Потом поднялась и пошла к окну раздатки. Постояла там с минуту и вышла на улицу.

В тарелке остывал ее суп. Вот Петр начал оглядываться. Галины все не было. Каждый раз поворачивался, когда стукала входная дверь. Нету Галины.

Невеста Петра, видно, стала догадываться о чем-то. Перестала есть, сидела с опущенными глазами. Но вот взглянула. Будто вопрос задала Петру.

А он и сам расстроился. Отодвинул тарелку со вторым, поставил на это место локти, пальцы сцепил у подбородка. Повернулся к невесте и стал говорить. Она слушала и все смотрела ему в глаза. Потом притронулась к его руке и быстро поднялась. Оба пошли из столовой.

Клавдия — к окну.

Девушка шла к «Дому офицеров», а Петр вышагивал в сторону поселка мехколонны.

Похоже, дала ему невеста совет повидаться с Галиной. Значит, поверила.

Клавдия не осуждала Петра. Любовь — дело такое. Постороннему тут все равно не разобраться. И уж лучше бы не совались люди.

Петр не нашел Галю в конторе, отправился к ней домой. Дверь была заперта изнутри.

— Галя! — приблизив губы к щели, окликнул негромко.

Галина не ответила. Но было ясно, что она дома.

Петр стоял перед дверью и старался разобраться в том, что произошло, вспомнил, что было у них с Галей. Да, она нравилась ему. Дружил с ней, ходил в кино, танцевал в клубе. Бывал дома. Любил разговаривать с ней, спорить, хотя она нередко «загоняла его в угол» и выигрывала спор.

У них была хорошая дружба. И больше — ничего.

— Галя... Давай поговорим. Мы же с тобой друзья. Я люблю ее. Слышишь?..

За дверью было тихо.

— Вот уж такого я не ожидал от тебя, Галя! — расстроенно проговорил Петр.

И ушел.

— Она очень любит тебя, — узнав обо всем, сказала Фаинка.

— А ты?

— И я тоже. Очень!

Фаинка вздохнула совсем по-бабьи и продолжала задумчиво:

— Галя, наверно, уедет отсюда.

Петр энергично запротестовал:

— Ты не знаешь ее. Она никуда не уедет, пока не достроит дорогу. Ей здесь не климат, а она работает. Галина очень любит трассу.

— А тебя еще больше, — упрямо обронила Фаинка.— И, наверно, уедет.

— Ну что ты такое говоришь, Фая!

— Я бы уехала.

На другой день Петр снова разыскивал Галю, но ее не оказалось в поселке — ушла на участок. А на утро сле-

дующего дня он отправился в Медвежий. Чувство радости от того, что в Кедровом его теперь будет ждать Фаинка, было омрачено.

Но Петр все-таки не допускал мысли, что Галя может уехать.

Однако именно об этом спустя две недели ему хмуро сообщил вернувшийся из поселка Костя Плетнев.

— Так, наверно, в отпуск, — смущенно предположил Петр.

Костя очень красноречиво посмотрел на него, бросил окурок и пошел.

«И все еще не хочет знакомиться с Фаинкой, — идя сейчас из больницы, с обидой думал о Косте Петр. — А при чем тут она? Вот интересные люди!»

И хотелось ему привести такой пример. Полгода назад приехал по назначению в Кедровский леспромхоз молодой инженер Георгий Лихой. Фамилия у него боевая, а на самом деле Гошка очень скромный и, между прочим, симпатичный парень. И вот влюбился в Галину. Поджидал ее у столовой (Мария Карповна быстрее всех «засекла» это), нередко захаживал на участки трассы, где Галя работала, провожал в поселок. Ну и что? Она танцевала с ним в клубе. Георгий и домой иногда к ней заходил. Галка книги ему давала, журналы. Ну и что?! А потом уехала, даже не попрощавшись. И остался Гошка со своей любовью. Тут кого винить будем?

Петр знал, что Георгий выпросил у Мишки Козлова адрес Галины, но пишет ли она ему, не допытывался.

На свою свадьбу Георгия Лихого он обязательно пригласит. Никаких претензий к Гошке у Петра не было и нет. И он даже считает, что Галка, возможно, упустила свое счастье. Уж фамилия-то, во всяком случае, ей бы здорово подошла—Галина Лихая! Лучше не придумаешь.

«А приветы мне в письмах к Мишке могла бы присылать», — с обидой размышлял сейчас Петр.

Проходя мимо, заглянул в окно столовой. Клавдия Маклакова и еще какая-то деваха развешивали ситцевую занавесь, отгородив от длинного помещения довольно большой угол. Наверняка для московского начальства. Смехота!

Петр твердо решил не участвовать в готовящемся спектакле. Повидается с Фаинкой — и в Медвежий.

Но Ступин задержал его.

Глава восемнадцатая

— А сколько же сейчас времени? — войдя в контору, поинтересовался высокий плотный человек. Наверно, его удивило, что в конторе много народа, хотя рабочий день окончен.

— Половина восьмого, товарищ начальник, — ответил Ступин и шагнул к Елене Праховой, оказавшейся поблизости.

— Сидите все в кабинетах, нечего в коридоре торчать!

И повел гостей к себе.

Их оказалось немало. Тут были Малыгин, Гурьянов, заказчик Клестов, начальник комбината из Шурды, мостовики, лесники и даже нефтяники. Петр удивился — откуда взялись, на чем добирались? Руководитель из главка, как магнит, вытянул всех за собой.

Кузеванов без приглашения сел за ступинский стол, и мгновенно началась «летучка». Как будто возобновилась прерванная беседа. Никто не говорил долго, короткие вопросы, как мячи, перелетали от одного к другому, не задерживаясь, отскакивали и лаконичными ответами летели обратно.

— Лежневку за Медвежьим стоит ли вести далеко?

— Не надо. Дорого. Все завозите зимой. Гурьянов вон построил — деньги на ветер.

— Нам бы тупичок небольшой...

— Пройдем хотя бы насыпью, тогда и о тупиках для леспромхозов говорить будем.

— Молодежь на Ершике клуб просит.

— Это временный пункт. Придет укладка, переведем звеносборку, и Ершик потеряет свое значение. Жилье там есть?

— Есть.

— Помыться есть где?

— Есть.

— Все! Больше ничего не будет, товарищи! Ох, — Кузеванов крепко потер виски ладонями, — уж очень душно здесь!

Поднялся и вышел в «приемную», где по приказу Ступина сидела Шура. Она дремала.

— Нет ли, голубушка, некрашенного кабинета?

Шура вздрогнула от неожиданности.

— Разве что у Валерия Николаевича... — и растерянно подала ключ Кузеванову.

Тот открыл дверь и с удовольствием вошел в прохладную комнату. Включил свет, опять по-хозяйски сел за стол и пригласил:

— Пожалуйста, сюда, товарищи!

Летучка продолжалась. Прыгали мячи-вопросы, отскакивали мячи-ответы, сталкивались на лету.

— Перекусить бы, — наконец сказал Кузеванов. — Мы сегодня толком не ели.

Ступин вскочил, на пути шепнул Петру:

— Ведите в столовую, за полог.

По дороге разговор продолжался: нефтяники выпрашивали вагончики под жилье, мехколонновцы — трубы для водоотвода, Чураков расхрабрился и пожаловался, что нет запчастей к «Дружбе».

— В больнице у нас, товарищ начальник, медикаменты хранить негде. Мыслимо ли, вместе с другим инвентарем держим, — подкараулила Кузеванова Мария Карповна.

— Слышал, хорошая у вас больница.

— Очень даже хорошая, товарищ начальник. Народ с удовольствием ложится к нам.

Дорогу неожиданно преградил пьяный человек в распахнутой телогрейке.

— Обман! — притопывал он вихляющимися ногами.— Все на обмане! Жидкий подлесок — одна цена, густой — совсем иная. А здесь? — ткнул он пальцем в Петра. — Все под одно идет! Правильно это? Неправильно!

Из-за угла дома выскочила женщина, схватила пьяного за шиворот, но тот упирался.

— Да я здесь и часу жить не намерен. Летом комаров своей кровью поил, а сейчас на койке мерзну, руководство даже про дрова не заботится...

— Иди-ка ты, иди, не путайся под ногами у добрых людей, — тянула его женщина, и пьяный, пытаясь вырваться, свалился под ноги Кузеванову. Женщина закрыла лицо платком и заплакала.

— Только тут и жизнь увидела с ребятишками, — горько всхлипывая, говорила она: — На хорошую работу определили, квартиру дали. Люди какие! Чего нету — иди проси, всегда выручат. А из-за него... — она вдруг

яростно пнула мужа валенком, и тот, уже поднявшийся на четвереньки, рухнул снова.

— Зачем же так, — смущенно проговорил Кузеванов, а Петр, подхватив пьяного под мышки, оттащил его к столовской поленнице.

— Товарищ начальник! — женщина приложила к груди обе руки. — Он без меня не уезжает, — кивнула в сторону поленницы, — а я не хочу мотаться за ним. Товарищ Хохряков, — повернулась к кадровику, — из городов в два счета выселяют пьяниц и тунеядцев, а вы чего глядите?

— Вот к нам и выселяют, — хмуро заметил Хохряков. — Мы с ними и маемся.

Когда двинулись дальше, Петр счел нужным разъяснить:

— А с подлеском дело давнее. Сначала не знали, как выписывать наряды. Платили одинаково и за густой и за жидкий. По площади. Ну и получался обсчет.

— Выходит, не зря вам попало сейчас от этого критика? — улыбнулся Кузеванов.

— Все уже забыли про те обсчеты. А ему, — Петр бросил насмешливый взгляд на пьяницу, — больше поговорить с вами не о чем. А хочется!

Ступин встречал гостей на крыльце. В столовой у ситцевой занавески стояла принаряженная Клавдия. Она быстро оглядела пришедших, сразу отметив, что Заварухина нет. Значит, и сегодня не приехал с Ершика.

Вымыв у порога руки, Кузеванов несколько оторопело поклонился Клавдии, кивнул посетителям, доедавшим ужин.

— Сюда, пожалуйста, — предложила Клавдия, и Кузеванов, улыбнувшись ей, прошел за цветастый полог. За ним волной укатились остальные.

Петр не собирался задерживаться здесь, обещал Фаинке прийти ужинать в «Дом офицеров». Но ему хотелось поговорить с Гурьяновым, рассказать о своих делах, расспросить о новостях, узнать что-нибудь о Звяньгине. Они только пристроились в дальнем углу за столиком, освобожденном шоферами, как из-за ситцевого полога выглянул Малыгин и позвал Гурьянова:

— Иди-ка сюда, друг любезный, вопрос к тебе имеется.

Петр посидел какое-то время, но поняв, что Гурьянова скоро не выпустят, поднялся.

В сумрачном углу столовой кто-то все еще «тюкал» рукомойником. Петр всмотрелся и узнал Ступина. Тот вымыл руки, вытер полотенцем и, неслышно шагая, приблизился к занавеске. Постоял в нерешительности. Из-за полога доносились голоса, вот кому-то довольно резко ответил Кузеванов...

Ступин все стоял. Потом направился обратно к умывальнику, намочил ладонь и начал тереть ею рукав своего кителя.

«Почему не заходит?» — снова усевшись за стол, удивленно следил за Ступиным Петр.

Недоумение сменилось презрением — боится, что ли? Поднял такую суматоху, заставил выгребать мусор из всех углов, контору до сих пор держит по кабинетам «на стреме», а сам топчется у порога... Вслед за презрением— досада, почти злость на тех, за ситцевой занавеской: могли бы и вспомнить, что хозяин-то здесь все-таки Ступин. Позвал же Малыгин Гурьянова. И уж совсем неожиданно — острая жалость к этому заметно постаревшему за последнее время человеку.

Ступин подошел к вешалке, стал искать свое пальто.

«Неужели уйдет?»

Тот долго рылся в кармане, достал носовой платок, сухо высморкался, положил платок обратно и все стоял у порога.

Петр взял стакан и звякнул им по грязной тарелке.

Ступин оглянулся и буквально ринулся к Рослякову, обегая пустые столы.

— Ну вот, хоть найдем минутку поговорить, как там у вас, в Медвежьем. А то сегодня сутолока такая, людей понаехало!

Из кухни с большим подносом вышла Клавдия и осторожно направилась в отгороженный угол и оглянулась.

Петр приподнялся, многозначительно потыкал пальцем в свой загроможденный грязной посудой стол. Она кивнула и ловко пробралась к ним.

— Ой, где расселись! Посуда не убрана, клеенка не вытерта.

— А нам тут нравится, — заявил Петр и сгреб со стола тарелки, переставил на соседний.

— Не надо, не надо! — шепнул Ступин, увидя, что Клавдия поставила им хлеб, салат, колбасу. — Несите сначала туда!

— Ничего, не умрут, — не снижая голоса, ответила Клавдия. — Мне выгоднее в первую очередь свое начальство накормить, — игриво добавила она.

— Точно! — одобрительно подтвердил Петр, довольный, что Клавдия все поняла и правильно ведет себя.

— Спасибо, у нас теперь все есть, — торопил Ступин. — Теперь туда несите.

Клавдия скрылась за пологом, и шум там мгновенно стих.

Примерно через полчаса, когда уже наелись ухи, покончили со вторым, в столовую вышел Кузеванов, взглянул в сторону кухни, но вдруг заметил Ступина и Петра. Внимательно посмотрел на них, чуть пожал плечами.

— Вы что же это, товарищи?.. — В голосе одновременно слышались неловкость и досада. — Вы что же это отгородились от нас? — уже шутя, подергал он занавеску. — Неужели вдвоем веселее?

— А нас трое, — Петр указал на Клавдию, вышедшую из кухни с клюквенным морсом.

Кузеванов с откровенным восхищением посмотрел на женщину.

— А вы хитрецы! — сказал Ступину и Петру. — Я иду к вам, а то с меня там три шкуры дерут.

Ступин, освобождая место, пересел к Петру, и тот откровенно ликующе взглянул на него — мол, соображаешь? Сам к нам пришел! И нечего тушеваться, ты тут, в тайге, не шишки сшибаешь, а дорогу строишь. Скоро благодаря тебе Кузеванов приедет через болота в классном вагоне со всеми удобствами!

Петр только чуть покровительственно переставил тарелки Ступина на свою сторону.

Клавдия моментально появилась с прибором для Кузеванова.

— О, нет, товарищи, пасую! — поднял тот руки. — Поел, больше не могу. Все!

Из-за полога вышел Малыгин.

— Вон вы где!

Подставил стул, сел рядом с Кузевановым, хитро прищурился на Ступина и Петра.

— И начальник, и заместитель пируют, а кто дорогу строит?

Петр улыбнулся в ответ, а Ступин начал оправдываться:

— Петр Николаевич только вчера прибыл из Медвежьего, больше месяца не имел выходных.

Малыгин взглянул на Ступина с веселым удивлением, а Кузеванов сказал:

— Кроме того, они не пируют. Это там, за шторкой, — добавил выразительно, — есть что закусить.

Подошла Клавдия, и Кузеванов обратился к ней:

— Вы все куда-то убегаете. Посидели бы с нами.

Клавдия присела к столу.

— На угол нельзя! — живо предостерег ее Кузеванов, и Малыгин, смеясь, передвинулся на другой стул, освободив свой для Клавдии.

— Ей не страшно сидеть на углах, — махнул он рукой.

— Слушайте, — обратился к Клавдии Кузеванов, — почему вы у меня ничего не просите, а?

Все рассмеялись.

— Она, что ей нужно, с нас хорошо требует, — сказал Ступин.

Из-за полога один за другим начали выглядывать возбужденные бурными спорами люди. Кое-кто одевался и уходил, кое-кто возвращался. Заказчик Клестов направился было к их столу, да с полпути повернул обратно.

«Вот-вот, теперь вы потопчитесь там, а мы с высшим руководством посидим», — веселился Петр, поглядывая на Ступина. А тот вдруг откинулся на спинку стула, положил ногу на ногу, что-то храбро спросил у Кузеванова, затем обратился к Малыгину.

Петр добродушно наблюдал за начальником. «Артист! Никто ведь не видел, как ты топтался у рукомойника, боялся за шторку заглянуть. Сам себе экзамен сдаешь».

Только руки чуть выдавали Ступина, скручивали и раскручивали край клеенки.

— Ну все, товарищи, — решительно поднялся из-за стола Кузеванов. — Завтра нам раным-рано ехать на трассу.

Прощаясь, поцеловал руку Клавдии.

— Спасибо за угощение, а еще больше за то, что посидели с нами.

Они ушли, не заглядывая в «закуток», откуда все еще доносились редкие голоса.

Глава девятнадцатая

Свадьба Петра и Фаинки состоялась только в начале декабря — раньше не сумели. Зато столько событий подарками подкатило к этой свадьбе! На Ершик из Шурды через болота пришел мотовоз. Первые звенья пути, собранные на базе-времянке, улеглись по насыпи в сторону Кедрового... В постоянном поселке заложили каменный вокзал, а в «приемной» у Ступина на всю контору звенел единственный пока телефон.

За неделю до свадьбы в Кедровом неожиданно появился Глазырин. По-хозяйски вытащил из мешка домашний свиной окорок, бережно расставил на полке банки с соленьями, бутылки с «зельем» собственного производства. Дочь не спрашивала— совсем он или ненадолго, и он не говорил о своих планах.

А дня через четыре Петр таинственно сообщил Фаинке:

— Глазырин М. К., с Пролетарской, 16, устроился на таежную электростанцию, получил место в общежитии.

Свадьбу играли в столовой. Клавдия расставила на подоконниках букеты с кедровыми ветками, над местом, куда усадили молодых, опустила с потолка надутый оранжевый шар, изображающий солнце. Солнышко улыбалось во весь рот.

— Пусть будет у вас жизнь светлая, счастливая! — поднимая граненые стаканчики, желали гости.

— Пусть родится у вас сначала дочка, а потом сыночек.

— Желаем тебе, Петенька... Петр Николаевич, успехов в учебе, продвижения по службе...

— Горько, горько!

Гурьянов приехать не смог, поздравил Петра телеграммой. Зато за столом сидел смущенный, ошарашенный весельем и шумом охотник Иларион. Петр неожиданно встретил его утром в магазине. Тот покупал в полосатые домотканые мешочки макароны, лапшу, крупу, соль. Петр обрадовался, расспросил о стариках, пригласил на свадьбу.

Иларион остался. И вот сидел сейчас в шумном застолье.

— А у вас тут, парень, хорошо, — сказал соседке.

— Очень хорошо у нас.

— Может, еще выпьем? — предложил Иларион.

— Разве что немножечко... А вы кто будете?

— А тут я, девка, неиздалека, — махнул рукой Иларион и единым духом опорожнил пятую...

Не было на празднике и Кости Плетнева — лечение затянулось. Но он все-таки прислал с Марией Карповной открытку, поздравил Петра с законным браком. От поздравлений невесты воздержался.

Леспромхозовец Георгий Лихой на свадьбу пришел, сидел за столом рядом с Михаилом Козловым.

Вдоль столов, выискивая «старожилов», ходил Хохряков и читал какое-то письмо.

— Вспомни, был у вас в поезде такой Заквасов? — пытал он Максима Петровича.

Плотник сдвигал аккуратно причесанные брови, силился вспомнить.

— Заквасов? — не один раз переспрашивал он.

— Заквасов Иван Селиверстович, — повторял кадровик.

— Вроде был... А может, и нет.

Мария Карповна увидела, как муж направился с письмом к мирно беседующим Александру Прахову и Василию Чуракову. Она выскочила из-за стола, схватила Хохрякова за рукав.

— Да сядь ты, суматоха, — зашептала ему в ухо. — Кого они сейчас вспомнят? Потом разберешься со своим Заквасовым.

Ей не хотелось, чтобы он мешал дружной беседе. Помирились наконец-то люди, и слава богу.

Леха-механик привел на свадьбу черноглазую девушку, приехавшую на стройку с Бирюсы, ухаживал за ней, подкладывал на тарелку всякую закуску... Захватил большую горсть кедровых орехов и осторожно высыпал перед девушкой на стол. Вот склонился и что-то сказал ей на ухо.

«Господи! — смеялась про себя Клавдия. — Только позову — и вся любовь!»

Сегодня она кухней не занималась. Была гостьей. Кокетничала с Глазыриным, Бердадышем и другими мужчинами. Даже хмуроватого Федора Мартынюка не оставила в покое: сама пригласила на танец и, заглядывая в глаза, спросила чуть насмешливо:

— Ну и как тебе живется, Федя, с твоей Настюрой?

Настюра услышала, смех сбежал с лица, притихла за столом.

Только Петра не трогала Клавдия. Ни-ни! За ту записочку, которую он передал ей перед отъездом из Айкашета, никогда не сделает она ничего плохого ни ему, ни Фаинке. Пусть живут да радуются.

— Эй, Леха!

Механик быстро склонился к «бирюсинке», будто не слышал.

Наталья Носова отвела Клавдию в угол.

— Чего ты бесишься, Кланька? Оттого, что Заварухина твоего нету, красоваться не перед кем?

— А ты чего своего придурка не привела? — скривила губы Клавдия. — Боишься, хохотать станет? Так здесь ведь свадьба, не поминки. Пусть бы похохотал вволю. — И крикнула: — Эй, Леха, иди-ка сюда минут на двести!

Механик привстал. Клавдия, как гипнотизер, всматривалась в его широкую спину. Леха оглянулся...

— Увела ведь, холера! — всплеснула руками Мария Карповна, когда за Лехой и Клавдией захлопнулась дверь. — Ни себе, ни людям!

Она с жалостью посмотрела на осиротевшую за столом «бирюсинку», ухватила за пиджак проходившего мимо Козлова.

— Миша, иди-ка, поухаживай за девушкой.

— П-почему я? Вон лучше Гошу попроси. Он ведь — Лихой.

— Сам иди, дурень! Заучился насмерть! Смотри, глаза у девушки какие распрекрасные.

Тут внимание Марии Карповны отвлек мехколонновский экскаваторщик. Парень явился на свадьбу без приглашения. Сейчас он ловко отплясывал чечетку, не сводя ласковых глаз с молоденькой медсестры. Мария Карповна вспомнила, что уже видела их вместе в клубе на танцах.

«Уведет из поезда невесту!»

А красивый экскаваторщик раздобыл где-то гитару и начал петь. Ему громко хлопали, со всех сторон сыпались заказы:

— «Подмосковные» спой!

— «Зачем ты мать меня родила...»!

— Этот... как его... «Не вынуждай меня». Или как? «Не искушай»?

Но певец слышал только один нежный голосок: «Голубую тайгу»...

И запел с таким чувством, с такими переливами в голосе, что Мария Карповна не выдержала и отвернулась утереть платочком слезы. Про себя решила советовать медсестричке выйти замуж за этого парня и увести его из мехколонны в «Горем».

А кругом голубая, голубая тайга...

Тайга и в самом деле стояла сейчас вся голубая, искристая. Луна с трудом пробивалась сквозь вершины деревьев и, будто отдыхая, свободно плыла над широкой просекой-трассой.

— Тебе холодно? — спросил Петр Фаинку.

— Мне тепло...

— А почему дрожишь?

— Просто так...

— Не бойся...

— Я не боюсь.

Они еще долго ходили по морозному поселку. Наконец Петр чуть замедлил шаги возле «Дома офицеров». Фаинка решительно шагнула к двери, открыла, и они вошли в хорошо натопленную, кем-то прибранную тихую комнату, в которой сегодня не было даже Байкала...

А луна все плыла и плыла над голубой тайгой. Только она видела, как из барака, где жила Клавдия, вышел Леха-механик. Неверными шагами направился по узкой тропе, добрался до первого кедра, обхватил его руками и заплакал, тяжело содрогаясь большим телом. Кедр послушал, послушал и тихонько начал швырять в Леху пригоршнями легкого снега, будто хотел успокоить, охладить его в горе.

Больше Леху в поселке не видели. Волновались, подозрительно глядели на осунувшуюся Клавдию, догадываясь, что это она выжила парня из поезда, а может, и с бела света. Говорили разное, но что произошло в ту ночь с Лехой — не ведали.

Пожалуй, только Наталья Носова, хорошо зная подругу, могла предположить, что было...

Увела тогда хмельная Клавдия Леху назло всем, а больше — самой себе. Разобрала белую постель, распус-

тила по спине волосы, впервые показалась Лехе во всей красе. А потом одумалась, побелела от злости, от гордости — добился молокосос чего хотел! — надавала по щекам, выгнала и приказала сгинуть с глаз долой!

А может, и не так было, Кланьку не спросишь. Как с тех пор сомкнула губы, так и не раскрывает их. Наталья, взявшая отпуск, дня через три уехала с Васей Ракушкиным к московским врачам.

Вскоре Хохряков получил от Лехи телеграмму — тот просил выслать его документы в маленький уральский городок, до востребования...

Как-то, возвращаясь домой, Клавдия увидела идущего ей навстречу высокого человека и сразу узнала его. Он, видимо, тоже. Остановился в нерешительности, посмотрел в стороны. Бежать было некуда — по бокам узкого тротуара глубокий снег.

А она могла свернуть к ремонтным мастерским. Раньше бы так и сделала. Но сейчас пошла прямо. Вот уже рядом они, лицом к лицу.

— Валерий Николаич, — проговорила Клавдия с легкой усмешкой, жалея его. — Не бойтесь вы меня, не обегайте. Работайте со спокойной душой. — И приложила руку к груди, чтоб поверил: — Прошло у меня к вам...

Глава двадцатая

Хохряков здорово просчитался, решив, что дед Кандык с радостью выйдет на работу, когда начнется его «кровное дело» — укладка пути. Начальник отдела кадров торжественно обставил этот момент — послал к старому путевому мастеру Шуру с лакированной цветастой открыткой, на обороте которой написал своим ровным нажимистым почерком: «Милости просим, Иван Матвеевич, обучать нашу молодежь!»

Дед напыжился от гордости, надел новую рубаху, новое пальто, прибыл в контору. Хохряков встал, вышел ему навстречу, крепко пожал руку.

— На вас, Иван Матвеевич, вся надежда.

Дед Кандык дня два усердно учил молодых рабочих, а на третий день, оказавшись на трассе, Хохряков увидел такую картину: Иван Матвеевич сидел на рельсе и, размахивая руками, что-то рассказывал девчатам и пареньку, приставленному к ним бригадиром.

— Перекур? — подсел к ним Хохряков.

Девчата и парень смущенно ухватились за кирки и лопаты, а дед Кандык так и не встал с рельса, решив, видно, разом обрубить концы.

— Я свое отробил, товарищ Хохряков, — не дожидаясь вопросов, начал он. — Нахожусь на заслуженном отдыхе. Рыбаки пригласили меня на хорошую должность — караулить их моторы и лодки. Избушку мне на берегу строят. — И вздохнул, чувствуя виноватость. — А так я всегда помогу, в любой момент, пожалуйста. Разве мне трудно?

Майским днем дед Кандык возвращался на попутной дрезине-автомотрисе из «командировки». Рыбаки посылали его в Шурду закупить всякой рыбацкой утвари: крючков, лесок, замков для ящиков с моторами. В этом же вагончике ехали заказчик Клестов и еще несколько человек, как дед понял, связистов и проектировщиков чуть ли не из Москвы. Всю дорогу они спорили, чего-то доказывая друг другу, останавливали автомотрису, выскакивали на влажную после первых дождей землю, чего-то мерили и опять шумели. Клестов как налился кровью в Шурде, так все еще не побелел.

Улучив момент, когда заказчик первым сердито влез в вагончик, дед Кандык спросил с любопытством:

— Чего это они на тебя наскакивают?

Тот сел на крашеную скамейку, отвернулся к окну. Но, видно, велика была досада на этих приезжих упрямцев, захотелось пожаловаться.

— Понимаешь, чего хотят? Кабель заложить в земляное полотно по бровке сантиметров на семьдесят. А я не желаю! И вот почему. При эксплуатации — случись в кабеле повреждение — придется все расковыривать, насыпь тревожить... Вот они чего хотят!

— Черти, да и только! — с полным участием откликнулся старый мастер. — Им только путь разворошить, а там как хошь разбирайся.

Он тоже сердито посмотрел на возбужденных людей, влезших в автомотрису.

На какой-то очередной остановке связист, надувшись, не вышел вслед за всеми, давая понять, что ему осточертели эти бесплодные споры с заказчиком.

Дед Кандык чуть придвинулся к нему.

— Чего это Клестов-то налетает на тебя?

Молодой московский представитель закурил сигарету, затянулся и сказал:

— Не хочет, чтоб кабель в путь зарывали, ему, видите ли, удобнее, чтобы он на ветру болтался, чтобы повреждение сразу видно было.

Дед уважительно кивал:

— Да он ведь заказчик-то наш, Клестов, козел упрямый. Росляков с мехколонновским инженером неделю назад готовый участок ему сдавали, так ни метру не принял. То ему неладно, это ему не так. Беда с ним!

Тут зашли в вагончик остальные спутники, и дед умолк.

Он с удовольствием проехал бы на автомотрисе до самой речки, но Клестов и москвичи вышли напротив конторы, и водитель дальше не поехал. Дед топал по шпалам к месту своей работы на причал, думая о том, что хотя заказчик Клестов и московские командировочные тянут в разные стороны, а все равно добиваются, как лучше для производства.

Митрофановна выскочила из крохотной избушки, увидев его в окно.

— Приехал жив-здоров, слава богу!

Дед внимательно смотрел на приткнувшиеся к берегу, закрепленные цепями лодки.

— Петр Росляков уехал?

— А нет, Матвеич, не уезжал.

— А куды его лодку девала?

Митрофановна уставилась на берег.

— А куды же я ее подеваю... Туточки где-нибудь.

Дед Кандык бросил мешок на землю, подошел к ящикам, в которых держали моторы. Отсчитал третий с краю, дернул замок, и тот вывалился вместе с дужками. Мотора на месте не было.

— Угнали ведь лодку-то! — набросился дед на Митрофановну. — Кто ты после этого?!

— Да я все туточки, все туточки была...

— «Туточки!» Как вот я теперя Рослякову доклады-

вать стану? Мотор у него новый. Не чета «Стреле». И где я его найду, Петра-то?

— А они с утра вон на Малой речке, — махнула на тайгу Митрофановна. — Чевой-то прорвало у их...

— «Прорвало»! — сердито передразнил дед и пошлепал по раскисшей тропинке.

Малая речка наделала бед. Взбодренная наплывом весенних вод, промыла свое старое, засыпанное зимой русло и ринулась под свежий путь, вымывая и унося землю. Целое звено висело в воздухе без всякой опоры, пройти по нему страшно, не то что проехать. С самого раннего утра Петр, путевые рабочие и бригады плотников усмиряли эту «малявку», которая летом высыхает чуть не до самого дна: сделали запруду, речка пошла по двум руслам, наконец вогнали ее в одно, новое. А старое заложили мешками с грунтом, забили тесом, засыпали.

Теперь нужно было восстановить насыпь в размытом месте. Вагон со щебнем, подогнанный совсем для другой цели, был рядом. Но как заехать на голый путь? Рискованно.

— А ничего, лишь бы четыре колеса вошло! А люки разбивать над самой дырой надо.

Совет дал откуда-то взявшийся дед Кандык. Петр посмотрел на него без особого удивления, он был озабочен создавшейся ситуацией.

— Нет, товарищ начальник, лучше вывалить грунт на полотно, — засомневался кто-то из плотников.

— А потом трактором растолкать, — добавил бригадир-путеец.

Все это Петр знал и сам, но такой вариант займет не менее суток. Потребуется вагонов шесть балласта, и если каждый разгружать на полотне, а потом перелопачивать... Нет, это не дело, когда впереди остановилась укладка. Отсюда видно, как тускло поблескивают на солнце рельсы последнего звена, а дальше идет пустая серая насыпь.

Петр склонен был рискнуть, а тут еще старый путевой мастер то же самое предлагает.

— Не сковырнемся? — Петр выразительно повернул вниз кулак с оттопыренным большим пальцем.

— Ой да! В войну-то над такими ли канавами болтались! — презрительно фыркнул дед на усмиренную речушку.

— А кто на люки встанет? — спросил Петр, оглядывая людей. Тут были молодые, не очень-то опытные путейцы, бригадир — недавний солдат. Люки надо разбивать одновременно с обеих сторон, а то вагон «сыграет» в речку да еще и мотовоз за собой утянет. Но главное — риск для людей.

— А хоть бы я встану с одной стороны!

Дед Кандык всячески хотел угодить Петру, так как собирался, выбрав подходящий момент, сообщить ему о пропаже лодки и мотора.

Петр с сомнением оглядел хлипкую фигуру деда. Ведь тюкнуть-то надо с силой и не промахнуться. Но решил все-таки понадеяться на его многолетний опыт.

— Начнем, пожалуй!

Старый путеец встал одной ногой на край насыпи, второй уперся в подмытую водой шпалу. На другую сторону так же пристроился Петр. Водитель мотовоза по его команде натолкнул вагон на обнаженный путь...

— Р-раз!

Трахнули ломиками по крюкам. Люки открылись, но, видимо, все-таки не одновременно. Вагон «затанцевал» на рельсах, дед не успел убраться и вместе с балластом укатил вниз, а Петр, спрыгнув, зажмурился, прикрыв голову руками, — ему показалось, что вагон валится на него.

Через минуту плотники и путейцы хохотали, наблюдая, как из-под балласта выбирается дед Кандык. Петр сбежал к нему, протянул руку.

— Ну как, ничего? — спросил с тревогой.

— Ничего-то ничего, — отплевываясь щебенкой, ответил дед, — да лодку твою угнали.

— Кто угнал? — не задумываясь, радостно справился Петр: он был доволен, что все так благополучно закончилось — и вагон разгружен за какие-то минуты, и сами живы.

— То-то и оно, что следов не оставил, — продолжал дед. — Дужки в замке вывернул и мотор уволок...

— Как, и мотор тоже? — Это обеспокоило Петра. Совсем недавно они с Глазыриным купили в Шурде новый мощный мотор «Москва».

— То-то и оно, что с мотором. А я в командировке был... Беда, да и только!

— Детектив какой-то... — призадумался Петр.

— Вот именно!

И все-таки радость от удачи в рискованном деле пересилила. Петр крикнул водителю мотовоза:

— Гоните за щебенкой! Быстрее!

Остальные вагоны разгружать будет уже легче. Сегодня восстановят насыпь, а завтра можно спокойно продолжать укладку.

Вечером Фаинка встретила Петра встревоженная.

— Приходили с электростанции, спрашивали, почему папа на работу не вышел, не сменил напарника.

— А где же он?

— Не знаю. В общежитии нету.

Глава двадцать первая

Петр сидел на корме в обнимку с новым мотором «Москва». Нос лодки высоко вздымался над волной, брызги разлетались в стороны, росой падали на прибрежные травы, на прошлогодний рыжий осот и на ярко-зеленый нынешний.

На берегах белым цветом бушевала черемуха, порхали редкие бабочки. Кулики зигзагами мчались впереди лодки, будто заманивали ее куда-то. Порой отчаянно бились на воде глупые утки, стараясь убежать от мотора.

Петр ехал и на все корки ругал Глазырина...

В тот вечер, идя на розыски тестя, он увидел его в коридоре общежития. Глазырин сидел на маленьком ящичке и стягивал сапоги. Из комнаты вышла Шура. Узнав Петра, так и замерла с большими домашними тапками в руках.

— Давай, — тоже смутившись, взял их у нее Глазырин.

Петр, хитро усмехаясь, встал перед тестем.

— Сейчас я, — сказал тот, зная, что с зятем долго в молчанку не наиграешь... Придется обо всем доложить.

...В день свадьбы Петра и Фаинки Глазырин рассказал Клавдии, что ездил на лодке к староверам и видел там такое, чего только в музеях выставляют напоказ. Живут старики так тихо, будто и нет их на земле.

— Я думал, ничего она из того разговору не упомнит, — оправдывался перед зятем Глазырин, — а она назад два дня вызвала меня ночью и стала просить: свези к староверам.

Выехали ранним утром. Ключ от ящика Глазырин решил у Петра не брать — Клавдия приказала никому не говорить ни слова.

Доехали. Привез ее к Полуферье. У той уж девятый родился, нарекли Зиновием по тому же «Прологу»... Иларион был на лове.

Клавдия пошла по хутору знакомиться со старухами, платок по-ихнему повязала, губы поджала, не улыбнется никому. Во всех избенках была, в брошенные тоже заглянула.

— Хорошо-то как! — сказала.

А дед Фиогней заужимался сразу:

— Если ндравится, оставайся. На помочь позовешь, и тебе домик справим.

— А и останусь, — объявила Клавдия.

— Я, конечно, подумал — шуточки шутит. А как пришло время отправляться, она и взаправду не едет, — рассказывал Глазырин. — Я в лодку уселся, мотором затарахтел, думаю, испугается, что оставлю ее, живо залезет. Нет! Стоит на берегу со старухами и ручкой мне помахивает. «Езжай, я здесь жить буду». Я и уехал.

Лодка круто завернула по изгибу реки, и Петр еле успел пригнуть голову — огромный темный ствол упавшего дерева преградил дорогу. От неожиданности Петр выпустил мотор, и через секунду лодка крепко ткнулась носом во влажную землю.

Оказалось, это не завал, не дерево. Это широкая черная труба. Поглаживая ее шершавые бока, Петр подумал — если пойти на юго-восток, можно наступить на пятки нефтяникам, труба совсем недавно вписалась в этот пейзаж.

Опять понеслась лодка... Петр вернулся к мыслям о Клавдии. Он только бы посмеялся над глупой выходкой, если бы не смущало поведение Клавдии в последнее время. Она стала нелюдимой, осунулась, притихла. И Петр пошел к Ступину. Тот без разговора дал ему пару дней, не спрашивая, для чего они нужны. После того маленького «застолья» во время приезда Кузеванова Ступин очень изменился к Петру: сам предложил перебраться из Мед-

вежьего в Кедровый, поручил руководить укладкой пути, освободив от мелких хозяйственных забот.

...Белая курица Анисья рылась возле ног хозяйки, кошка Машка лежала на чурбаке. И та и другая уставились на Петра. На скамейке замерла Клавдия.

Только для бабушки Пелагеи ничего не изменилось. Повернувшись к собеседнице, она продолжала громкий разговор:

— А жена-то у его есть?

Видимо, Клавдия сжала ее руку, подала сигнал. Бабка быстро оглянулась, заплакала:

— Да неужели это Петя! — встала, опираясь на клюшку. — На вон-те, на вон-те... Приехал, навестил...

Петр усадил ее, вытащил из сумки гостинцы.

Клавдия ошеломленно наблюдала за всем. Петр наконец поздоровался с ней.

— Здравствуйте, Петр Николаич, — ответила без обычной усмешки — просто не могла еще, видно, прийти в себя от неожиданности его появления.

— Можешь не величать, — хмуро сказал Петр. Увидел наполовину вскопанный огородик, неуделанные грядки. — Помогла бы лучше, — и взял лопату, стоявшую у дверей сарайчика.

— Я помогла, — тихонько отозвалась Клавдия. — Это мы после обеда посидели немного...

Петр многозначительно посмотрел ей в глаза.

— Почему Иларион пьяный на полатях валяется?

— Не из-за меня, — ответила быстро и рассказала историю, о которой ей со слезами поведала Полуферья.

Иларион изменился с тех пор, как вернулся со свадьбы Петра. Однажды, напившись, выскочил ночью на улицу.

— Заели жизнь мою!— кричал, потрясая кулаками.— Никого, окромя зверья да вас, не вижу! Галактифон в леспромхоз нанялся, избу там рубит. А я в лесу погибать должен...

А на другой день, отрезвев, ходил из дома в дом, валился в ноги, просил прощения. Старики не могли понять, в чем он кается перед ними — глуховаты все, да и спали ночью, не слышали ничего.

А через неделю умер столетний Пуд Иваныч. Иларион выдолбил в мерзлой земле неглубокую могилу, закидал ее снегом, поставил староверский крест и опять запил — считал, что он накликал смерть на Пуда Иваныча.

...Вниз по течению лодка неслась еще быстрее, Клавдия не успевала разглядеть цветущие берега. Да она почти и не смотрела на них, не обращала внимания на уток, убегающих от мотора, па ондатр, переплывающих речку, на щучьи всплески в тихих омутах. На все это она нагляделась, когда ехала с Глазыриным.

А сейчас смотрела на Петра, сначала тайком, коротко, а потом поняла — он ничего не замечает. Сидит за мотором и неотрывно смотрит куда-то мимо нее, вперед. И она все чаще и откровеннее задерживала взгляд на Петре. Вспомнила утреннее прощание на берегу...

Иларион виновато топтался у причала, на поляне кучкой сбились старики, тут же бегали ребятишки охотника. С косогора, всем телом привалившись к старой сосне, напряженно наблюдала за отъездом Полуферья.

Петр затащил в лодку канистру с бензином и молча, внимательно посмотрел на Илариона. Тот отвел глаза.

— Пить, парень, не стану, — пообещал он.

— Ну а как насчет...

— Нет, — понурил голову охотник. — Поздно им, девка, в люди. Пусть маются по-старому. Я их не брошу.

...Взгляд Клавдии стал менее рассеянным, вот совсем сосредоточился. Увидела загорелое лицо, светлые строгие глаза, темные усики, твердо сжатые губы. И руки Петра, уверенно лежащие на рокочущем моторе.

«Красивый какой стал...»

Петр неожиданно заглушил мотор и, не коснувшись Клавдии, как молодой ловкий зверь, выпрыгнул на берег.

Клавдия вдруг заговорила горячо:

— Вижу, испереживался ты, Петя. Всех не обогреешь. Может, еще где сглупа затаились старики. Так поселковый Совет у нас заимелся. Он и пусть заботится.

— Вот это идея!

Петр кинулся к черемухе, наломал белых пахучих веток, охапкой бросил на колени Клавдии.

Мотор затрещал на всю тайгу. Навстречу неслась узкая зеленоватая лента реки, по берегам мелькали рыжие стволы деревьев, откатывалась назад белая пена черемух. Была такая невероятная скорость, что Клавдии на миг показалось — она одна умчалась далеко вперед, а Петр отстал и уже не догонит.

Клавдия повернулась и крикнула ему:

— На меня-то, дуру, не сердись, Петя! Ладно?

Глава двадцать вторая

А дорога продвигалась вперед, уходила на север. Люди строили ее, отмахиваясь от гнуса, обмораживая щеки, проваливаясь в болота. Были грозные телеграммы из главка, когда не выполнялся месячный план, «взбучки» от треста за перерасход материалов и горючего, споры с лесниками из-за очистки трассы, из-за костров в тайге...

А дорога все равно уходила на север. Чтобы ускорить дело, одно из прорабств поезда Гурьянова и шурдинская мехколонна в обход были заброшены по большой северной реке на конечный пункт будущей магистрали. И оттуда они пошли навстречу Ступину, Рослякову, Заварухину, Мартынюку... — всем тем, кто уже столько понастроил всего в глухих лесах Зауралья.

Каждый километр брали с боем, а потом предстояло еще грозное испытание — приемка пути заказчиком.

Однажды, в жаркий летний день, дрезина с подрядчиками и субподрядчиками неслась к перегону, подготовленному для «смотрин». Заказчик Клестов еще ничего не видел, но уже сидел надутый и неприступный.

Петр не ждал ничего хорошего, а настроение все равно было отличное. Здорово это — катить по дороге, построенной своими руками. Он ехал и вспоминал Мустафу из кинофильма «Путевка в жизнь», его ликующее лицо с узкими, как щелки, глазами. Тот тоже мчал тогда по дороге, которую построил сам. Но у Мустафы были враги, его поджидала беда. А у Петра? У него один «враг» — заказчик Клестов. Ну да ничего, обойдется, не впервой.

Вдоль трассы стояли потемневшие поленницы дров, то и дело встречались груды вывороченных корней, перемешанные с землей и мхом. И все это бурно поросло иван-чаем. Как только пробился через такое месиво к солнцу величавый цветок!

На черную папку Петра с маху шлепнулся какой-то жук с длинными усами и клешнями. Видно, решил проехать километра два-три по железной дороге. Петр долго рассматривал его, потрогал за ус. Жук рассердился, застучал сильными лапами по дерматину папки. Видали безбилетника? Еще и фыркает, не хуже Клестова!

Петр подбросил жука, и тот пошел своим ходом. У него оказались довольно большие крылья.

Остановилась дрезина. Конец лирике.

Клестов сошел на путь, оглядел откосы, ковырнул носком ботинка щебенку между шпалами.

— Хотите сдать перегон, — сказал ни к кому не обращаясь.

Никто не откликнулся.

— Хотите сдать перегон? — взглянул он на своих молчаливых спутников.

— Хотим, — признался Петр.

— А я вам сейчас покажу фокус, — Клестов крепко сжал губы, выдохнул через ноздри.

— По-моему, мы не в цирке, — бросил инженер из мехколонны.

— Нет, нет, дайте мне лопату,—разгорался Клестов.—

— Я сейчас покажу фокус!

Лопату ему не дали, он сам взял ее с дрезины и тут же, у себя под ногами, начал копать грунт. Все молча наблюдали за ним.

— Так... так... Еще раз... еще два... еще три...—приговаривал заказчик. — Вот она, земелька, еле добрался. А теперь пороемся здесь, — перешел на бровку. Копнул, и все сразу увидели под тонким балластом глину. — Вот она, тут как тут! Так можно?!

— Но ведь путь стоит семь месяцев, могли быть изменения, осадки, — проговорил молодой прораб этого участка.

— Ага! Осадки! Почему же в одном месте он у вас осел, а в другом кверху вылез? — И сам ответил: — Потому что нарушили правила с самого начала.

— «Горем» же принял насыпь, — вставил мастер из мехколонны, и Петр сердито покосился на него.

— Мы приняли под укладку, но не под сдачу, — напомнил он.

— Ну вот! — развел руками Клестов. — А под укладку иной раз хоть что идет. Ездить-то надо! А сейчас доделывайте. Не приму.

И, чтобы осмотреть водоотводные каналы, сошел под откос.

— Ой, ужас, ой, ужас — высыпал Клестов и добавил совсем тихо, почти панически: — Ужас! Что ни метр, то вилюшка. А это что за пришлепка? — указал на маленькую площадку, образовавшуюся, видимо, из остатков балласта. — Убрать!

— Но она никому не мешает, — сказал кто-то.

— А зачем она мне? — спросил Клестов, нажимая на последнее слово, и вытер лицо платком. — Ну и жарища! Вот тебе и Крайний Север. Сейчас бы в лесок, к речке. Рыбка есть?

— Есть! — хором ответили ему.

Подрядчики и субподрядчики оживились, предлагали то, другое.

— Можно сгонять на дрезине за удочками...

— Тут недалеко озерцо имеется, щука по метру попадается.

Оживился и заказчик.

— Ох, помню давний случай, — заговорил он. — Сделали мы плот и поехали вниз по речке. Возле одной деревушки причалили к берегу, а колхозники давай просить у нас плот на дрова. Мы подумали, да и продали. А сами отошли километра на три, остановились в лесу, опять срубили плот, да и айда дальше!

Смеялись подрядчики, смеялись субподрядчики, заливался над своей смекалкой и заказчик.

— У нас тоже интересная история с одной овечкой была, — живо подхватил мастер из мехколонны. — Мы тогда на Братской работали. Один шофер нашел в степи ягненочка, совсем еще горяченького, в пленке. Овечка, видно, скинула по дороге. Принес его домой, пленку сдернул, завернул в вату, да и положил на печку. Не надеялся, что живой будет ягненочек. А он ничего, отлежался. Стал его шофер молоком поить, и выросла большая овечка. Как собака ходила за хозяином — до того привыкла к нему. Машина ей очень по вкусу пришлась, даже в дальние поездки брал овечку с собой. Она с ним в кабине сидела, а мы уж в кузове ездили.

Клестов хохотал от всей души.

— Вот чертовка! Она в кабине, как принцесса...

Петр рассказал свеженький, только что привезенный из треста анекдот. Кто-то вспомнил еще один...

— Ну и ну! — заливался Клестов — Я вот думаю — кто анекдоты сочиняет? А там что?!

И шариком скатился с откоса.

— Почему эту водоотводную с той соединили? Разъединить!

На путь поднялся взъерошенный, потный. Спутники уж помалкивали.

С другой стороны трассы подкатила дрезина. С нее соскочил Заварухин.

— Здравствуйте! — протянул руку Клестову.

Тот пожал и стоял, несколько озадаченный. При Заварухине отчитывать подрядчиков и субподрядчиков в прежнем тоне не решался, а говорить иначе пока не мог. Большая шустрая бабочка села ему на ухо, медленно помахивала крыльями. Он не замечал ее, и Заварухин, улыбаясь про себя, подумал: «Раз нет пропеллера, почему бы тебе не улететь с участка на крыльях бабочки?» и тихонько спросил Петра:

— Ну как?

Тот выразительно пожал плечами, ответил вопросом:

— А когда он принимал с первого раза?

В это время Клестов заметил на обочине экскаватор, сбежал вниз и громко похвалил:

— Вот тут ничего не скажешь — чисто роет канавку. После него вручную и делать нечего.

Петр узнал в экскаваторщике, которому так неожиданно повезло, того парня, что лихо отбивал чечетку и пел песни на его свадьбе. Отметил про себя — а канавку-то мехколонновский плясун и в самом деле хорошо роет.

Водитель и путевые рабочие перетащили дрезину Заварухина, поставили на путь с другой стороны. И главный инженер попрощался. Заказчик, взойдя на насыпь, еще успел сказать при нем вразумительно и спокойно:

— Мы, дорогие товарищи, строим с вами дорогу для потомков, а не на месяц...

— Но в условиях тайги... — сунулся кто-то.

— Что в условиях тайги? Что в условиях тайги? — взвился заказчик, увидев, как дрезина Заварухина покатила, набирая скорость. — Все должно быть по одним условиям!

И опять стал тыкать в каждую гаечку, в каждый стык. Так и шли вперед метр за метром. Пустая дрезина, как та овечка, преданно следовала за ними...

Вечером Петр возвращался домой измотанный. Возле одного домика увидел на скамейке Костю Плетнева. Тот неумело держал на коленях белый сверток.

— Здорово, мамуля, — уныло бросил Петр и, присев, отогнул край белой простынки. Еле разглядел крошечную мордашку, улыбнулся: — Не матерится еще?

— Девчонка же, — презрительно напомнил Плетнев.

Петр вздохнул.

— Не принял Клестов? — догадался Костя.

— Нет.

— Анекдоты рассказывали?

— Ага...

— Вот черт! — Костя беззвучно перебрал губами: в последнее время он почему-то стеснялся ругаться при Рослякове.

Костя только вчера прибыл из Медвежьего, был первый день в отпуске. Решил провести его вместе с женой и дочкой, которых не стал увозить из Кедрового. Хотя в Медвежьем есть уже и медпункт, и столовая, и даже клуб, но все-таки случись что, здесь и врачи солидные, и к Шурде поближе — садись на рабочий поезд и там.

Петр расспросил Костю про Медвежий и все сидел, домой не торопился — Фаинка дежурит сегодня в детском садике, там и ночевать будет.

— Как тут Ислам? — поинтересовался Костя. — Не видел его еще.

— Без Ислама зашились бы, — ответил Петр. — Дома-то двухэтажные, — кивнул на новый поселок за трассой. — Печей — класть не переклasть!

В клубе кончился сеанс. Люди, оживленно разговаривая, расходились по домам. И вот опять тихо стало в неярко освещенных фонарями проулках.

От дверей женского общежития в сторону мужского шел человек. Неожиданно из-за угла навстречу ему шагнули двое, преградили дорогу. Постояли так. Один вдруг сделал резкое движение, и с головы человека, шедшего в общежитие, слетела фуражка.

Костя и Петр выпрямились на скамейке.

Человек нагнулся поднять фуражку. Один из двух пнул его в спину, и тот упал.

Костя и Петр вскочили.

— Подержи, — Костя сунул Петру ребенка и, прихрамывая, побежал.

— Куда ты со своей ногой! — крикнул Петр, но Костя был уже далеко.

Он быстро разобрался в ситуации. Два леспромхозовских парня били старшего прораба Михаила Козлова. Тот пытался давать сдачи, но ему приходилось туго.

Прежде всего Костя свистнул в свой неизменный манок на рябчика, чтоб создать панику. И добился успеха— один из парней мгновенно скрылся. Зато другой остервенело лез на Михаила, поддавая ему со всех сторон, и Костя бросился на помощь прорабу.

Из дверей женского общежития выскочила девушка, подбежала к барахтающимся в драке парням, схватила палку. Леспромхозовец увидел ее, растерялся. Михаил Козлов навалился на него, а Костя вылез и отошел в сторонку, чтоб все лавры победы достались прорабу: как-никак красивая «бирюсинка» выбирала сейчас себе жениха. Не упускать же такую в леспромхоз!

Костя не поверил глазам своим, когда к месту боя подошел милиционер в полной форме.

— Кто свистел? — строго справился он.

Леспромхозовец поднялся, бросился бежать, но милиционер задержал его.

— Пройдемте, граждане!

— У меня ребенок, — кивнул Костя на Петра.

Тот шел к ним, неловко прижимая к себе младенца.

— Пройдемте, граждане, там разберемся.

— Где? — с интересом спросил Костя.

— То есть как — где? В моем кабинете.

— А я вам что говорил, товарищ начальник? — подбоченился Костя. — Помните? И с работой и с жильем обещал полный порядок.

Милиционер подозрительно посмотрел на него.

— Первый раз вижу тебя...

— Значит, все-таки надумали к нам на постоянное жительство? — продолжал Костя приятную беседу. — Не пожалеете!

— Разговорчики отставить, пройдемте!

— Товарищ начальник, — сказал Костя, забирая у Петра дочку. — Просто я сейчас бритый, и вы меня не узнали. Помните в шурдинской пельменной четырех бородатых шоферов?

Постовой задумался. Чтоб помочь ему, Костя опять вынул манок и свистнул. Из свертка раздался рев.

— А-а, — вспомнил милиционер. — Так это ты приглашал меня на стройку?

— Я, — гордо кивнул Костя, немилосердно тряся плачущего ребенка. — Плетнев моя фамилия.

Через полчаса разобрались на месте. Михаил Козлов

пошел провожать «бирюсинку», Петр — к себе, а милиционер, держа под ручку задержанного леспромхозовца, дружески довел до дому Костю. Тот рассказывал ему про поселок Медвежий: и то там есть, и пятое, и десятое, а милиции нету. Скукота!

— Пока здесь корни не пустили, советую — перебирайтесь к нам! — уговаривал Костя.

Постовой обдумывал предложение. Задержанный леспромхозовец уныло переступал с ноги на ногу.

— А потом и дальше махнем с новым «десантом»! — заманивал Костя и поторапливал: — Ну?

— Там поглядим, — обнадеживающе ответил постовой.

— А как ваша фамилия? — решил основательнее познакомиться Плетнев.

— Разгонов.

— У! — только и смог выговорить Костя.

Глава двадцать третья

Максим Петрович, уминая ногами душистые стружки, делал перегородку в очередном двухэтажном доме постоянного поселка. Из прорабов с Ершика его снова перевели в Кедровый бригадиром плотников — трудно было найти для этой работы лучшие руки. Двое из его плотницкой бригады выстругивали рамы, еще двое стучали молотками в коридорчике будущей квартиры.

В обеденный перерыв они ушли в столовую, а бригадир сел на подоконник и стал пить из бутылки молоко, с аппетитом отхватывая большие куски свежего хлеба. У строящегося вокзала увидел Наталью Носову. Она опять обучилась новому делу — стала бригадиром маляров и штукатуров. Вася Ракушкин в деревянном ящике готовил раствор, помешивая палкой. Максим Петрович знал, что Наталья возила Васю в Москву, а вот что ей там про него сообщили — неизвестно. Сама Наталья не рассказывала, а люди стеснялись выпытывать. Знали только, что пьет Вася какие-то таблетки, вроде бы стал спокойнее, но похохатывает по-прежнему.

Давно поняли горемовцы, что не мужа себе выхаживает одинокая Наталья, а скорее сына, или, лучше сказать, брата младшего. Никто больше не подсмеивался, не ехидничал. А кто-то из женщин, говорят, дал Наталье адрес одной шурдинской знахарки — дескать, съезди, вдруг поможет?

— Здравствуйте, Максим Петрович!

Бригадир шагнул навстречу главному инженеру, поздоровался за руку.

— С трассы, Валерий Николаевич?

— Да. А сейчас вот на вокзал пришел взглянуть.

— Поднимается вокзал, — кивнул на окошко плотник, — скоро уж под крышу залезет.

Они вместе стали у окна. С высоты второго этажа было хорошо видно, как вырос постоянный поселок. Уже работал магазин, достраивалась столовая. Вдоль линии стояли небольшие сооружения для дежурного будущей станции, для вагонщиков, путейцев... Вокруг вокзала утрамбовывалась площадка под заливку асфальтом...

— Да-а... — задумчиво проговорил Заварухин.

— Ага, — живо подхватил Максим Петрович, словно поняв, о чем думает главный. И добавил лихо: — Всех обманем — построим, а жить не станем!

Заварухин взял его за рукав, подвел к верстаку, предлагая присесть.

— Максим Петрович,—сказал несколько смущенно,— хочется мне узнать, почему вы не остались тогда в Айкашете? Ведь вам давали приличную квартиру и совсем уж хорошую работу, в большом комбинате. Почему не остались?

Максим Петрович посмотрел на Заварухина, прихватив нижней губой верхнюю, потом отвел глаза к окну.

— Жалеете?

— Нет, — мгновенно ответил плотник и передохнул с облегчением. — А вы, Валерий Николаич, говорят, пакет из главка получили, — сам задал он вопрос инженеру. — Извините, конечно, что спрашиваю.

— Получил, Максим Петрович.

— Отзывают, выходит, в Москву?

— Пока неофициально. Как говорится, прощупывание почвы. Предлагают подумать, взвесить...

— А что предлагают, Валерий Николаич, опять извините за нескромный вопрос?

— Не до конца ясно. Не то отдел новый открывается, не то заменить кого-то хотят.

— Наверно, бюрократ завелся, — предположил Максим Петрович и, усмехнувшись, покачал головой. — Конечно, плохо ли им, в главке, заиметь человека, который вот такую стройку прошел, — кивнул за окно.

— Для меня, Максим Петрович, во всяком случае, эта стройка — большая школа.

— А для нас, Валерий Николаич? Ведь люди по две, а то и по три профессии освоили. После такой стройки никакая другая не страшна.

Опять помолчали.

— Валерий Николаич, а все равно ведь вы с нами на новое место не поедете...

— Не поеду, Максим Петрович. Потому что... — смущенно начал Заварухин.

— Да вы не стесняйтесь. Я лично так думаю, — бригадир взлохматил пальцами брови, — нам-то бы очень хорошо, кабы вы в главк попали. Не думайте, конечно, что ради блата или еще чего.

— Что вы, Максим Петрович, мне и в голову бы это не пришло, — горячо заверил главный инженер. — Я догадываюсь, почему...

— Вот именно, Валерий Николаич. Чтобы был там человек, понимающий нашу жизнь, чтобы интересовался не только тем, сколько лишнего грунта в болото ушло...

Максим Петрович коротко и точно выразил мысль, над существом которой Заварухин раздумывал уже долгое время. Мысленно он не раз вносил в решения главка пункты, обязывающие улучшить, облегчить эту неуютную, неоседлую жизнь. Он считал сомнительной романтику — «первая палатка», «первый колодец», «первый ломоть свежего хлеба»... Считал, что людей, поработавших в таких поездах лет десять—пятнадцать, надо обеспечивать благоустроенными городскими квартирами. Чтоб человек сам решал, где ему жить дальше и где работать. Уже отсюда, из тайги, Заварухин написал своему бывшему однокурснику в главк, спросил, не делается ли что-нибудь в этом плане? И получил ответ: «Тебя на лоне дикой природы, кажется, на лирику потянуло?»

— Про товарища Кузеванова я плохого не скажу, — продолжал Максим Петрович, — да ведь теперь когда его дождешься? Таких-то строек, как наша, сколько идет в стране? Сам везде не поспеет, так что всякие наезжают.

Смеясь, напомнил, как прошлой осенью прилетел один из главка. Спустился с вертолета, а кругом грязища! Послал экспедитора в контору за руководством. А там, кроме Бердадыша, не было никого — все на трассе. Бердадыш сложил в папку бумаги разные, да и отправил тому представителю, пускай, дескать, списывает.

— И помните, Валерий Николаич? — уже без улыбки покачал головой Максим Петрович. — Стал тот представитель списывать наши цифры и складывать в портфель. Вертолет не отправляли, пока не кончил.

Он задумался, дымя папиросой. Молча курил и главный инженер.

— Петра Рослякова в партию принимать пора, — вдруг сказал старый мастер, и Заварухин кивнул понимающе.

Глава двадцать четвертая

На столе лежал синий тисненный золотом диплом, а вокруг сидели Петр, Фаинка и Михаил Козлов. Петр только что угомонился. Минуту назад он, как сумасшедший, прыгал по комнате, и Байкал с лаем набрасывался на него.

— Тащи сюда ту «свинью»!

Михаил сбегал в общежитие за своим дипломом, и Петр положил его рядом со своим.

— Граждане! — поднялся за столом. — Однажды старший прораб по имени Мишка Козлов надумал п-подложить Ступину хорошую свинью — обучиться грамоте, — торжественно начал он. — Мишка ночами «вкалывал», учился, чтобы Ступин не мог к нему п-подкопаться. А тот и в ус не дул! — потеряв торжественный тон, уже орал Петр. — Еще порой и награждал старшего прораба нейлоновыми рубахами по праздникам!

Фаинка счастливо смеялась, хотя уже не раз во всех подробностях слышала историю про «свинью». Байкал, почувствовав, что снова назревает игра, залаял.

— Ну что, неуч? — Петр схватил свой диплом и потряс им перед носом собаки. — У меня хоть с грехом пополам, хоть с помощью близких родственников, да высшее образование. А у тебя?

Байкал прыгнул на него, и началась свалка.

— Дурень, — покачал головой Михаил. — А еще в кандидаты партии п-приняли.

— А что? — освободившись от собаки, сказал Петр и, сев за стол, принялся за ветчину, привезенную из Горноуральска. — У меня рекомендации хорошие. А теперь еще и этот довесочек, — похлопал ладонью по диплому,— кое о чем говорит.

— Хвастун ты после этого, да и только,— заявил Михаил, разливая по рюмкам коньяк. — За этот «довесочек» вон кому спасибо скажи, — кивнул на Фаинку.

— Спасибо! — отбросив вилку, сложил руки на груди Петр.

— В ногах ты у нее валяться должен, — продолжал Михаил.

Петр немедленно сполз с табуретки и положил голову на колени Фаинки.

— Ноги ты ей должен мыть и воду п-пить!

Петр побежал к печи, схватил таз и уже начал лить в него кипяток из чайника, добавляя заварки, но пришла Шура и сказала, что Петра вызывают в контору.

Домой он вернулся поздно. Пришлось ехать на дальний участок для решения спорного вопроса с мостовиками. В последнее время Ступин чаще всего по таким делам направлял Петра.

Фаинка не спала, сидела на полу возле тумбочки, выгребала из нее учебники и конспекты мужа, туго перевязывала шпагатом.

— Уй! — зажмурился Петр. — Давай закинем их куда-нибудь подальше. В болото!

— Ишь ты! — рассмеялась Фаинка. — А я? Или хочешь, как Байкала, оставить и меня неучем?

Петр сел перед ней на корточки, закрыл глаза. Фаинка поцеловала его в щеку. Петр не изменил положения. Она поцеловала его в другую. Он сидел, не раскрывая глаз.

— Я люблю тебя! — догадалась Фаинка.
— А я тебя? — открыл глаза Петр.
— И ты меня!
Он поднял ее, посадил на стол и спросил серьезно:
— Фаинка, это правда, что я окончил институт?

Глава двадцать пятая

Прошел еще год, отзвенел комарами, оттрещал морозами. Вот-вот уже соединятся два конца новой магистрали — один, идущий на север, другой — навстречу ему, с севера. Уже прощупывали свежий путь тепловозы, тащили маленькие поезда с рабочими, едущими на перегоны, с шурдинскими бабками, которые повадились в тайгу по грибы, на болота по клюкву; ближние леспромхозы отправляли на платформах истомившуюся в ожидании древесину. На новых станциях стояли с флажками дежурные, вагонники бдительно простукивали скаты, стрелочники двигали рычагами.

Настал день, когда Петр Росляков весело напомнил Гурьянову разговор в шурдинском кабинете.

— Ну что, «до лампочки» тебе то болото, под которым речка течет?

Случилось так, что прорабство гурьяновского поезда и «Горем» встретились как раз на этом месте. Кто думал, что именно здесь придется забивать серебряный костыль! Какие-то шестьсот с лишним метров мешали соединить дорогу, пустить дрезины, мотовозы, поезда с продуктами, с материалами, с людским пополнением.

Проектом было утверждено построить через болото свайно-эстакадный мост и организовать поездную возку дренирующего грунта. Но на это уйдет уйма времени, невероятно дорого будут стоить заготовка свай, конструкций, плотничьи работы. Песчаные карьеры далеко отсюда, а те, что близко, не годятся: нужен только пропускающий влагу грунт — песок, галька, супесь.

Как ускорить дело?

И люди думали. Думали возле болота, в палатках, в уже обжитых домиках... Даже дед Кандык прикатил на

мотовозе поглядеть на трудное место, покрутил головой — беда, да и только! Вроде болото как болото, не такие пройдены, да под этим речка течет, она еще даст напиться.

Хмурился заказчик Клестов, подозрительно поглядывал на строителей, говорил, что его не проведешь, «на шармачка» не сработаешь — насыпь через болото должна пройти надежная, «не на месяц, а на века», требовал, чтоб та речка была прижата накрепко или начисто выведена из-под пути. Ему говорили, что «сработать на шармачка» никто не собирается, что если по всей таежной магистрали путь определяют хорошим, а на некоторых участках отличным, так кому охота, чтоб какие-то несчастные полкилометра черной кляксой улеглись на новой дороге? Но он все равно хмурился.

Петр подолгу сидел дома ночами, сидел и рисовал на листках насыпь, накладывал по ней путь, штриховал болото, как когда-то Гурьянов в своем шурдинском кабинете. Что-то высчитывал, пересчитывал. Наконец снял с полки перевязанные шпагатом учебники, разворошил их, заглядывал в оглавления и листал страницы.

И однажды сказал Гурьянову:

— А может, пока любым местным грунтом, хоть глиной, перекрыть болото?..

Тот какое-то время смотрел на Петра, потом схватил его за плечи и крепко потряс:

— Черт усатый!

— А что? — продолжал Петр, чувствуя, что идея его совсем неплоха. — Во-первых, быстрее соединимся, и тогда можно будет нормально «питать» всем необходимым твое прорабство, во-вторых, можно одновременно начинать пересыпать болото дренирующим грунтом. А в-третьих, насыпь-времянка, оставшись рядышком «на века», как сказал бы наш заказчик Клестов, будет надежно защищать, укреплять постоянное полотно!

Предложение докатилось до главка. Оттуда пришла телеграмма: «Обоснуйте, подсчитайте экономию, сообщите результаты».

И опять сидят люди в таежных конторах, в кабинетах треста. Сидит и Петр. Отлично знает: эстакадный мост — дорого и долго, постоянную насыпь быстро не сделаешь. Все пока за насыпь-времянку. Но обосновать, доказать толково не может. Не хватает еще инженерного опыта.

— Давай я тебя побрею, Петя.

Только Фаинке доверяет Петр свои усики, но сейчас отмахивается:

— Ладно, потом.

— Ложись, поспи.

— Лягу. Ну их всех!

«В конце концов Заварухин — главный инженер, вот он пусть и беспокоится. На подмогу ему трестовские умы прибыли. Вот пусть и «доказывают».

— Ма-а-ленький мой, — пряча улыбку, Фаинка гладит его взъерошенные волосы. — Сообразил что-то на свою голову, — целует в макушку, — а теперь ночи не спит, думает.

— Все думают, — вздыхает Петр и, как теленок, трется о ее плечо.

— Поспи.

— Посплю. Ну их там всех!

В конце концов обосновали, доказали, сообщили в главк. От Кузевапова телеграмма — делайте временную обходную насыпь.

И началась на болоте работа...

На стыковом месте стройки Петр часто встречался с Гурьяновым. В часы отдыха садились в сторонке, курили.

— Ты когда был в Шурде, о Звяньгине чего-нибудь слышал? — спросил как-то Петр.

— Нету Звяньгина, Петя... — задумчиво, с грустью ответил Гурьянов.

— То есть как... нету? — отпрянул Петр, почувствовав холодок внутри.

Гурьянов недоуменно посмотрел на него. Потом хлопнул по плечу.

— Ну, теперь долго будет жить Звяньгин! Совсем не так ты понял меня, Петя!

И рассказал: отправили Звяньгина в другой конец области поднимать самый захудалый колхоз. Теперь там будет мостить дорожки Звяньгин...

— У-ух! — облегченно выдохнул Петр. — Напугал ты меня.

Петру часто приходилось сидеть и в кабинете, потому что люди стали все больше к нему ходить со своими заботами. Иной раз придет кто-нибудь и скажет:

— Начальник меня направил к вам, Петр Николаич...

Петр, слушая просителя, думал: «Почему Ступин всех ко мне посылает? Устал, наверно, человек...»

Однажды тот сам пришел к нему. Сел, взял какую-то бумажку и по давней своей привычке начал ее скручивать. Петр заметил, что Ступин похудел, сник, был не очень опрятен. Жена его уехала в Горноуральск, опять жил один.

— Петр Николаевич, — тихонько откашлявшись, заговорил Ступин. — Вы, может быть, даже обижаетесь на меня, что я работу по трассе, да и по многим другим вопросам, в последние два года на вас валю.

— Да нет, что вы! — смущенно заверил Петр.

— Здоровье у меня, конечно, неважное. Но я не отлеживаюсь, сами видите... Дело в другом.

Петр выжидательно смотрел на него.

— Я это все прошел, — кивнул Ступин куда-то за окно. — И мне уже ни к чему. Слышали такую песню: «Что было, то было, и нет ничего...»?

— Ну зачем вы так... — начал Петр, но Ступин, как прежде, властно поднял ладонь.

— А вам это все нужно, Петр Николаевич. Именно на такой стройке и должны вы многому научиться.

И замолчал. Петр тоже ничего не говорил.

— Мне ведь через месяц шестьдесят, — посмотрел Ступин в глаза собеседника.

— Но неужели вы, товарищ начальник... — взволнованно начал Петр.

— Нет, — покачал головой Ступин. — Стройку я доведу. Но на новое место с вами уже не поеду. И Заварухина переводят в главк — это решено. Так что, Петр Николаевич, — развел он руками, — вам буду сдавать дела. Готовьтесь.

— Нет, нет, — горячо заговорил Петр. — Мне еще рано, я еще...

— Вам уже двадцать восемь, голубчик, — напомнил Ступин.

— Но дело не в этом! — Петр схватил какую-то бумажку, разорвал ее и бросил в корзинку.

Ступин рассмеялся.

— Видите? Не рано. В самый раз.

— Может быть, вы потому так думаете, — волновался Петр, — что я насчет перекрытия болота предложил? Так вам я могу сказать...

— Не только поэтому,— возразил Ступин. — Я еще кое о чем писал в своей рекомендации вам.

— Нет, товарищ начальник...

— Петр Николаевич, — устало проговорил Ступин,—я понимаю — дело серьезное, и верю, что сомневаетесь вы искренне, а не для виду. Давайте закончим пока разговор, — предложил он. — Поверьте и вы, что мне не безразлично, кто будет руководить коллективом.

Помолчал немного и заговорил снова:

— Правда, есть еще у вас... — он покрутил пальцами над головой, и Петр, мгновенно нахмурясь, быстро взглянул на него.

— Вот-вот, — улыбнулся Ступин, — раз, два — и вспыхнул наш Петр Николаевич.

Он задумался и, будто отвечая на свои мысли, сказал:

— Это уйдет со временем. А опыт придет. Но уже сейчас, — он поискал слова, теребя бумажонку, — у вас есть такое...

Петр, не сумев скрыть любопытства, снова взглянул на него. Ступин прошелся по кабинету и, остановившись возле Петра, неожиданно положил руку на его плечо...

— У вас есть доброта. А она, оказывается, так нужна! — выдохнул как признание. И, заторопившись, продолжал: — Всякое случается в жизни и работе. Бывал я неправ, может, несправедлив...

— К чему вспоминать, — откликнулся Петр, обескураженный.

— ...а только именно я первым назвал вашу кандидатуру в тресте.

И не обращая внимания на то, что Петр опять запротестовал, Ступин закончил совсем уже шепотом:

— Мне хочется, чтоб вы знали об этом.

Глава двадцать шестая

Клавдия сидела у себя в конторке, писала заявку на продукты. Строители пообедали, девчата убирали посуду, мыли полы. А в кухне на плите уже все опять булькало, шипело — готовился ужин.

Шура, постучав, заглянула в конторку.

— Вас Петр Николаевич к себе в кабинет приглашают.

— Зачем? — быстро спросила Клавдия.

— Не знаю, разве что по делам каким...

...Клавдия открыла дверь, зашла, поздоровалась. В кабинете у Петра сидела Наталья Носова. Она кивнула Клавдии, с тревогой посмотрела на Петра, вернее, на бумажку, которую он держал в руках.

— Садись, Клава, — сказал Петр и обратился к Наталье: — Я сегодня же напишу, не беспокойся.

Та поднялась, но не уходила, все глядела на листочек. И Петр, догадавшись, быстро положил его в стол.

«Секреты», — подумала Клавдия.

Наталья ушла, и Петр, улыбаясь, повернулся к Клавдии.

— Есть для тебя интересная новость!

Клавдия усмехнулась: что уж может быть для нее интересного. Петр порылся в папке и вытащил телеграмму.

— Вот. В срочном порядке предлагается послать когонибудь на полуторагодичные курсы товароведов в город Омск, — торжественно сообщил он.

Клавдия вскинула на него широко раскрытые синие глаза.

— Уй, и красивая ж ты! — улыбаясь, зажмурился Петр. — Хоть не гляди на тебя!

— А я тут при чем? — настороженно смотрела Клавдия.

— Что красивая-то? Конечно, это от бога, — рассмеялся Петр.

— Я про курсы...

— А-а! Так уж будто не догадываешься, — продолжал Петр весело. — В Омск надо ехать тебе.

У Клавдии мгновенно в памяти Айкашет... Все уезжают, а ее не берут. Чтоб не мутила воду, не путалась под ногами...

— Подальше с глаз отослать надумали? Почему обязательно меня? Почему?

Петр встал озадаченный. Ничего подобного не ожидал.

— Значит, ты считаешь, что тебе и учиться нечему? — спросил осторожно. — Уж такая ты всезнающая у нас?

Клавдия молчала.

— Между прочим, до завстоловой вполне доросла Маруся Плетнева, — уже хмуро продолжал Петр. — Поезду нужен хороший товаровед. Я-то знаю, сколько у нас путаницы всякой из-за того, что не имеем квалифицированного работника.

Он сел, все еще недоумевая, почему Клавдия так встретила его предложение.

— У меня же восемь классов всего, — напомнила она.

— А там и сказано — с образованием не ниже восьми классов.

— Все уж перезабыла.

— Вспомнишь. Главное — опыт, а он у тебя есть.

Клавдия все еще волновалась, но теперь уже сама не знала почему.

— Я уеду, а вы достроите дорогу да и отправитесь куда-нибудь...

— Ох и дурочка! — проговорил Петр ласково. — Свой поезд иголкой в стогу считаешь? Да ты где угодно найдешь нас. Приедешь, вступишь в новую должность. И поезду выгодно, и тебе.— Он откинулся на стуле.— Омск — красивый город. Я бывал там. Летом он, как клумба, буквально весь в цветах. Ну? Согласна?

— Поеду.

— Вот и хорошо. Отправляться через неделю, еще все обговорим.

Он вышел из-за стола проводить ее.

— Петя...

Петр насторожился. Клавдия неосознанно шагнула к нему, и он чуть отступил.

— Спасибо тебе, Петя, за все! И первым делом, за ту записочку.

— За какую записочку?

— Вот ты забыл, а я ее на память знаю...

И слово в слово повторила самое первое распоряжение молодого заместителя начальника поезда.

Петр несколько смутился, потом сказал весело:

— Ну и правильно! «Что еще за новая мода!» С какой это стати оставлять в Айкашете своего человека?

Прощаясь, сообщил:

— Слышала новость? Наперерез железной дороге по тайге ведут автотрассу. И, представляешь, по проекту она пройдет впритык с поселком наших стариканов, — и рассмеялся: — Кабы еще какой домишко не сковырнула!

— Они знают об этом? — обрадовалась Клавдия.

— Знают, — кивнул Петр. — И, понимаешь, в глазах вроде тревога, а больше того — любопытство.

— Вот так, — вздохнула Клавдия. — Сами не хотят к людям, так люди придут к ним. Иларион, наверно, пуще всех рад?

— Ожил мужик!

Широко распахнув двери, в кабинет вбежала заплаканная Настюра Мартынюк.

— Петя!.. Петр Николаич! Митрофановна скончалась! Ты бы видел, что делается с дедом Кандыком!

Глава двадцать седьмая

Митрофановну похоронили рядом с маленьким Колькой Праховым. Таежное кладбище раздалось. Здесь же были и могилы трех трагически погибших в прошлом году мехколонновцев. Один из них — тот самый экскаваторщик, который на свадьбе Петра так ловко отплясывал чечетку и так хорошо «рыл канавку» на трассе. Взрывники на вырубке временно закопали тол с капсюлем, а место не обозначили. В обеденный перерыв рабочие мехколонны развели большой костер: варили похлебку, кипятили чай. Трое задержались у своих машин, обедали позднее...

Фаинка не может смотреть на эти могилы. Ведь к тому костру, проходя по трассе, подсел тогда Петр. Поел с экскаваторщиками, покурил, погрелся и пошел дальше. А минут через пять взрыв...

На квартиру к деду Кандыку все время заходил кто-нибудь из горемовцев. Старого путейца не утешали, просто сидели возле него. Он лежал на койке и шептал изредка:

— Беда, да и только...

На третий день сказал бабе Лизе:

— А ведь я уж не поеду с вами на новое место.

Баба Лиза не уговаривала, не звала.

— И правильно, Иван Матвеич, могилка у тебя тут. Попривыкнешь. Да ведь и не бросят тебя наши. Навестят. — И вздохнула: — Все мы так, старые-то, живем, живем — да и нету нас.

— Не хворала вовсе Митрофановна...

— Лучше это, Иван Матвеич. Вот я себе только такую смертушку и желаю. Чтобы ни на часик не быть в тягость ни дочери, ни зятю моему Василию Макаровичу.

— А мы бы и не отпустили тебя, — заявил навестивший деда Кандыка рыбак из леспромхоза. — Кто наши моторы стерегчи станет? Их вон сколько развелось на твоем причале. Железнодорожников же тьма понаехала!

Забежала к деду Кандыку Клавдия и встретилась там с Натальей Носовой. Та хотела уйти, но Клавдия остановила ее:

— Погоди, Наташа, вместе пойдем. Завтра я уезжаю.

— Куда это?

— Вот побудем с дедушкой и пойдем ко мне. Все тебе расскажу.

...Они сидели в комнате с пустыми стенами, с окнами без шторок, с полом без домотканых половичков. От «Княжны Таракановой» остались на стенке только четыре маленьких гвоздика. На койке стоял небольшой чемодан, а все остальное унесла к себе новая завстоловой Маруся Плетнева: имущество Клавдии поедет на новое место без нее, там будет дожидаться свою хозяйку.

Клавдия уже все рассказала Наталье.

— Наконец-то образумилась. Я тебе сколько говорила: «Учись, Кланька, учись...»

— И сейчас, как видишь, еду не от своего ума, — усмехнулась Клавдия и добавила задумчиво: — Петр Росляков какой стал. Хоть влюбляйся в него.

Лицо Натальи Носовой мгновенно ожесточилось.

Клавдия, все поняв, сморщилась:

— Да не бойся ты, не бойся. Господи! Пошутить нельзя. — И посмотрела на подругу с настоящей обидой: — За кого уж ты меня принимаешь?

Наталья сказала негромко:

— Может, в Омске найдешь свое счастье и приедешь в поезд не одна.

— И думать про это не хочу!

— А ты не зарекайся...

Клавдия встала, отошла к окну. Обернулась.

— Скажи, какую бумажку тогда положил Петр в стол? Помнишь, когда я пришла к нему? — и поспешно заверила: — Не ради интереса спрашиваю, а хочу, чтобы перед разлукой у нас с тобой все как раньше было.

— Да тут, Кланя, большого секрета нет, — сразу откликнулась Наталья, сама истосковавшаяся по прежней дружбе. — Просила я Петю, чтоб написал он в Москву тому профессору, который Васю осматривал. Адрес клиники принесла.

— А что определил профессор?

— В том-то и дело, что ничего толком не сказал. Операцию, говорит, делать пока нельзя. Таблетки выписал... Вот я и подумала, что, может, он Пете, как начальнику, побольше напишет.

Клавдия сказала:

— Я тут как-то подсела в столовой к Васе, так мы с ним хорошо поразговаривали!

Наталья недоверчиво взглянула на нее.

— Мне кажется, Наташа, таблетки помогли Васе.

— Да так-то он иной раз хорошо соображает, — оживилась Наталья, — а только смех этот... все равно есть у него.

— Ох, Наташка, пусть уж лучше смеется, чем плачет! — воскликнула Клавдия.

Он пошла проводить подругу. Над поселком плыла луна, шумели на ветру вершины кедров. Наталья отметила про себя: Клавдия прошла мимо окон Заварухина, даже не взглянув на них. Вроде и не вспомнила.

Они обнялись у дверей общежития.

Клавдия осталась одна. И чувство тревоги, с которым она жила в эти дни, усилилось. Вдруг стало так не по себе, что захотелось постучать к Наталье в окошко, снова вызвать ее. Клавдия подошла к окну, но удержала себя. «Да что это я, в самом деле... Пойду лягу сейчас, и все пройдет...»

Но пошла не домой, а по главной улочке поселка, которую строители шутя называли «проспектом». Луна освещала щитовые домики, маленькие, «выстраданные» огороды возле них, длинные поленницы. На этой же улочке стояли контора и клуб, больница и школа. А чуть в стороне — столовая, где Клавдия еще сегодня давала последние наставления Марусе Плетневой. «На той стороне трассы дома двухэтажные, магазины красивые, а здесь у нас все равно милее, — думала Клавдия, — все обжитое, знакомое. Жалко расставаться».

Этим и объяснила непонятную тревогу, хотя тут же вспомнилось, что оставляла в своей жизни не один посе-

лок, а такой тяжести на сердце не было. Наоборот, ей всегда нравилась предотъездная суматоха, интересно было думать, что ждет впереди, как там будет на новом месте.

Даже отъезд из Айкашета, несмотря на неприятности, казался сейчас Клавдии более легким, чем нынешний ее отъезд из Кедрового.

«Проспект» кончился. Завершал его совсем новый колодец, в котором, по единодушному мнению строителей, оказалась самая вкусная вода. Кое-кто не ленился приходить за ней с другого конца поселка. Жалели люди, что не догадались «копнуть» в этом месте пораньше.

Клавдия опустила бадью, вытащила ее, полную, и напилась.

«В последний разочек!»

И направилась обратно, вглядываясь в темные окна. Шла и называла имена тех, кто отдыхал сейчас за тонкими стенами домов-времянок. Настюра... Федор... Ислам... Галия... Максим Петрович..., Елена и Александр Праховы...

«Господи! Ни с кем толком не попрощалась. Ведь они остаются, а я уезжаю. Одна! В первый раз одна, без них еду!»

Клавдия закрутилась на дощатом тротуаре, выискивая хоть одно светлое окошко. Любое! Увидела вдалеке и быстро пошла на этот огонек...

...Фаинка разбирала постель. Стояла возле койки в ситцевой ночной рубашечке. Влажные волосы были закручены в большой жгут и уложены на затылке. На полу, возле горячей печки, высыхало пятно от расплесканной воды.

— Мылась? А я проститься зашла. Извини, что поздно так.

— Да что ты! Я же не спала. Садись, Клава!

— Петр на трассе, на том стыке?

— Ага. Вчера приехал, натаскал воды в бак и опять укатил.

— А ты чего дома моешься? Сегодня же обе бани женские, и у нас, и в постоянном поселке.

— Печку топила, да и надумала помыться...

Фаинка вдруг смутилась, взяла мокрое полотенце, стала развешивать его над плитой.

Клавдия смотрела на нее, улыбаясь.

— Я правильно догадалась, Фаечка?..

— Правильно...

Клавдия подошла и обняла ее за плечи.

— Петру-то кого надо?

— Сына, Володьку...

— Сколько уж времени, Фаечка?..

— Да всего три месяца...

Клавдия чуть подумала и хлопнула ладонями:

— С ума сойти! Когда я приеду с учебы на новое место, Володьке уж годик будет! — воскликнула с веселым удивлением.

Фаинка рассмеялась:

— На своих ногах к тебе побежит.

— Ага! Телеграмму пришлю, пусть встречает меня Володька!

Счастливо смеясь, Фаинка раскрутила тяжелый жгут волос, встряхнула, и на Клавдию повеяло влажной тайгой. Самой-самой весенней... Когда еще кругом снег, а на проталинках сквозь прошлогоднюю листву уже пробиваются к свету первые цветочки... Белые-белые подснежники...

Глава двадцать восьмая

Хохряков сидел в своем кабинете и писал характеристики. Этим же занимались сейчас и в парткоме, и в постройкоме. Многие отличились на трудной таежной стройке — и свои, коренные, и те, что уже здесь накрепко «прикипели» к поезду.

Устала рука. Хохряков выпрямился и посмотрел в окно. Виднелась унылая, «облысевшая» площадка бывшего поселка мехколонновцев. В середине лета их срочно отправили на другое место. Уехали субподрядчики, увезли свои домики. Прибывшие в тайгу железнодорожники погоревали: жаль — время упустили, хорошо было бы с весны раскопать под огороды прогретую землю.

Хохряков подошел к окну. Теперь отлично был виден новый поселок по ту сторону железной дороги. Белый

вокзал, двухэтажные оштукатуренные дома, магазин, сверкающий широкими окнами, школа-десятилетка, баня... Все, что потребуется людям, которые будут здесь жить. И дальше, к северу, по сторонам новой магистрали стоят такие же станции и поселки.

Придет срок, и города будут в этих краях...

А пока что вокруг тайга. Хохряков думал о ней с уважением. Встретила сурово, покорялась нелегко, научила преодолевать трудности. Возмужали люди, поднабрались упорства, опыта, стали увереннее в себе. Спасибо, помогла вырастить своих командиров, своих мастеров. Теперь за ними в люди не ходить, теперь можно и «порыться», принимая новичков.

К станции подошел поезд. Остановиться не успел, а уж вдоль состава побежали двое в разные стороны. Хохряков видел, как они тыкались масленками в каждое колесо, помахивали молоточками. Едва ли три минуты прошло, а тепловоз опять загудел и двинулся дальше, на север. Видно, срочный груз, если самая большая станция в тайге есть, можно сказать, на проход пустила. Может, для нефтяников что идет, может, для газовщиков... Или еще для кого. Теперь там — жизнь...

Первое время, заслышав гудок тепловоза, Хохряков вскакивал и бежал к окну — хотелось видеть на новой дороге каждый состав. С лесом, с нефтью... Или пассажирский поезд... Если сейчас этим заниматься — работать было бы некогда. К окну уже больше не бегает, но гудки слушает и не перестает радоваться им.

Да-а... Дорогу построили. Предстояли награды. Но ордена и медали найдут своих хозяев уже на новом месте. Не быстро это делается. Бердадыша, например, орден Трудового Красного Знамени отыскал уже здесь, в тайге, а заработал он его на Братской ГЭС.

Хохряков снова сел. Отдохнула рука, надо писать характеристики. Писать обстоятельно, убедительно. Чтобы там, где их будут рассматривать, поверили — достоин этот человек награды.

Вот и еще одна написана. На Мишу Козлова. Все хорошо у парня — образование высшее получил, на работе хваткий, сообразительный, наверняка будет ему в скором будущем повышение в должности. А в личной жизни не повезло. В поезде столько новых семей создалось, а Миша Козлов все ходит холостым. Была у него девушка, та

«бирюсинка», которую привел когда-то на Петину свадьбу Леха-механик. Дружил с ней Миша, но вот уехала она в отпуск и не вернулась — видно, зацепила ее где-то другая любовь.

Ну что ж... Так и бывает на больших стройках — один уехал, другой приехал... Вчера пошел Хохряков на вокзал и вдруг видит: незнакомый пожилой человек выдает из вагона в протянутые руки Галии старуху. Хохряков только ахнул: ну, братцы!

— Не померла, выходит? — глупо спросил у Ислама.

— Зачем помер? — осклабился тот. — Отлежался. С нами новая места ехать захотел.

Ну и хорошо, что не померла, думал сейчас Хохряков. Очень интересная старушка! Еще давно слышал он от Галии, что дома бабка всей семье приказывает разговаривать только по-татарски. Имеет уважение к своему языку. Плохого тут ничего нет. Правда, Ислам, наверно, из-за этого никак не научится хорошо говорить по-русски.

Думая об Исламе, Хохряков вспомнил про именные часы, которые тот должен был заработать от начальника главка. Но дело, кажется, повернется иначе: к ордену представляется печник Шарипов.

Не он один. Многие. И Петр Росляков в том числе.

Хохряков посмотрел на карту «Боевой и трудовой путь». Взял карандаш, подошел к ней и осторожно повел от конца зеленой линии тонкую пунктирную нить, круто завернув ее с севера к востоку.

Вот... Пока легонько, пунктиром... А когда приедут в те места, где будут строить подъездные пути к большому комбинату, — вот уж тогда густо наложит Хохряков на этот пунктир мирную зеленую краску.

На улице потемнело, одно за другим угасали окна в поселке, только в отделе кадров горел свет — многое хотелось записать Хохрякову в свой заветный блокнот. Да и решил уж подождать, когда прибудет пассажирский поезд. Петр увидит огонек и обязательно зайдет рассказать, как съездил, все ли «в ажуре» получилось.

Петр второй день был в Шурде — «закруглял» дела с разными организациями. Управившись с этим, побывал в семье Гурьянова, передал привет от него.

Оставалось купить Фаинке валенки — дело шло к зиме. Пока поезд переберется на новое место, этот товар станет самым ходовым. Лучше приобрести заранее.

В одном из магазинов нашел подходящие по размеру, но обувка эта была такой грубой, твердой, что продавщица сама посоветовала Петру сходить на рынок. Там всегда можно купить легонькие самодельные катанки.

Так и вышло. Петр, довольный, уже уходил с рынка, как вдруг увидел на приступке лабаза одиноко сидящего старика.

— Дедушка Савелий!

Тот встрепенулся, вглядываясь в молодое лицо.

— Не узнаешь меня?

— Никак не признаю, сынок.

Петр напомнил ему о бабушке Моте, о всей той тяжелой истории, в которой дед Савелий был свидетелем.

— А-а-а, — всполошился старик и похлопал Петра по колену. — А у ей уж другой мужик, такой же хапуга, как сама, два сапога пара.

— Семечки у тебя где? — улыбнулся Петр, взглянув на руки старика, упрятанные в суконные рукавицы.

Дед Савелий весь съежился, собрался в «кучку».

— Сын у меня прошлогодь в одночасье помер. Каки уж семечки...

Петр сел рядышком на приступок.

— А живешь где? У снохи?

— Какое! — махнул старик рукавицей. — Через месяц выгнала из родного дому.

— Что, если я сейчас зайду к твоей сношеньке?!

— Не ходи, сынок, не бейся за меня. Я и сам не хочу с ей жить. Ты не думай, — продолжал он, — не все такие на нашей улице. Пригрела меня суседка напротив. У ей у самой двое стариков. Ничего, говорит, может, не столкнетесь ложками в одной миске.

— Пенсия есть у тебя?

— А как же! За сына дали. На приварок вполне хватает. Хотели в старческий дом определить, да неохота мне уезжать с нашей улицы.

Петр порылся в кармане, вытащил оставшиеся деньги, набралось двадцать шесть рублей.

— Возьми, дедушка, пригодятся.

— Да что ты, сынок, не надо, — быстро выговорил старик, а сам уже снял рукавицу, протянул желтую ла-

дошку. — Ну, спасибо тебе, приду домой, отдам тетке Анне, скажу, стряпай-ка нам, хозяйка, мясные пельмяни да ставь пол-литру!

Петр уже хотел попрощаться, но дед Савелий, видно, из великой благодарности вспомнил еще кое-что из тех времен.

— Девчоночка-то в ихнем доме жила, знаешь? Забыл как звать... Глазастенькая такая... Так она вместе со своим неродным отцом Глазыриным уехала куда-то далеко-далеко, и обоих их там зарезало поездом.

В груди у Петра до боли сжалось сердце, будто на миг поверило этому жуткому бреду.

— Кто сказал тебе такое? — пришел он в себя.

— Так она же... хапуга ета суседям сообчала.

Петр закурил папиросу, глубоко заглатывая дым.

— Та девчоночка глазастенькая — моя жена, — наконец сказал он. — Ее неродный отец Глазырин — с нами, в тайге... Жив-здоров. Женился на Шуре... Так что жива та девчоночка. Понял меня?

Дед ошарашенно глядел на него.

Петр стащил с плеч рюкзак, расстегнул его и вытащил вдвое согнутые мягкие катанки.

— Вот, смотри! Сейчас купил Фаинке на вашем базаре! — И почти крикнул, заглядывая в глаза старика:— Ты понял меня? Жива та девчоночка!

Дед понял.

— Вот же паскуда, вот же хапуга окаянная! — замотался он на приступке лабаза из стороны в сторону.

В Кедровый Петр приехал поздно вечером. По дороге домой неожиданно столкнулся с Георгием Лихим, идущим к вокзалу.

— Ты куда, Гоша?

— Тебя встречаю.

— Здравствуй, — растерянно проговорил Петр и невольно бросил тревожный взгляд вдоль улицы, нашел свое окно с ярким огоньком...

— Дело в том, — поторопился объяснить Георгий, — что я уезжаю рано утром в Горноуральск на десять дней. Хотелось повидаться с тобой.

— Спасибо, Гоша, — облегченно и искренне сказал Петр. — Я бы тоже очень пожалел, что не попрощался с тобой.

Они тихонько пошли рядом, еле умещаясь на узком тротуарчике. Петр думал — сколько встреч было у них с Георгием и на трассе, и в столовой, и в клубе, и в конторе... Но эта, он чувствовал, особая, не похожая на те. И слова должны быть иными. Но они не приходили.

— Выходит, прощай, Гоша? — остановился Петр возле конторы.

— Ну уж сразу и «прощай»,—откликнулся Лихой.— Может, еще и увидимся. Живые ведь!

— А что? — ухватился за эту мысль Петр. — Годика через два-три можно прикатить сюда, посмотреть, что вы тут понаделали.

— Через два-три годика мы тут «понаделаем»! — улыбнулся Лихой. — Приезжай!

Петр неожиданно строго взглянул на него.

— Только с умом, Гоша. Мы не для того вам дорогу через тайгу пробивали, чтобы вы тут... все... под корень...

— Ты что это, Петя? — Георгий даже растерялся. — Я ведь совсем не в том смысле. Неужели ты думаешь...

— Да нет! — уже весело отозвался Петр. — Это все из-за фамилии твоей, — пошутил он. — Думаю, ка-ак пойдет леспромхозовец Лихой по тайге, ка-ак начнет подминать под себя кедры!

Оба рассмеялись.

— Ну, до свидания, Гоша.

— До свидания, Петр.

А сами все стояли на узком тротуарчике.

— Тебе привет от Гали...

— Правда?! — Петр выкрикнул это, не скрывая радости. — Она пишет тебе?

Георгий улыбнулся.

— Точнее будет сказать — я ей пишу доклады о всех таежных делах, о трассе... как тут у нас, что... и прочее...

— Понятно, — кивнул Петр. — Гоша, передай ей большое спасибо за привет! — попросил горячо. — Еле-еле додумалась послать его! — выдохнул сердито.

И крепко пожал руку Лихого.

— Ну, счастливо оставаться, Георгий! Дед Кандык ваш тут у вас... Так ты уж...

— Ладно. Не беспокойся, Петя.

— И, помнишь, я тебе про тех стариков, про староверов говорил?..

— Ладно. Побываю. Не беспокойся.

— Ну, до свидания, Гоша! А то Фаинка, наверно, уже волнуется, а мне еще к Хохрякову заскочить надо.

Глава двадцать девятая

Большого празднества не ожидалось. До сдачи Министерству путей сообщения новую дорогу еще будут «доводить» строители поезда Гурьянова и шурдинской мехколонны. Но право вбить в нее символический «серебряный» костыль уже было завоевано. Этот почетный акт единогласно решили поручить молодому коммунисту, начальнику поезда Петру Рослякову.

Из Москвы никого не ждали. И как же удивились и обрадовались, когда, возвращаясь с другой сибирской стройки, в Кедровый приехал Кузеванов.

Первым делом повели его в столовую. В ней не было никаких ситцевых «отгородок», на столах громоздилась неубранная после обеда посуда. Смущенные подавальщицы таскали ее в кухню, вытирали столешницы.

Вот уже сдвинуты вместе три столика, на них поставлены наспех сготовленная глазунья и кое-какие остатки от обеда.

Ели и разговаривали, рассказывали Кузеванову про свои дела. А он нет-нет, да и взглядывал на широкое кухонное окно, где мелькали девчата в белых халатах. В конце обеда спросил:

— А что же не видно вашей таежной красы?

— Уехала учиться в Омск, — почти одновременно сообщили Ступин и Малыгин.

— Вон как! — не скрывая огорчения, воскликнул Кузеванов и признался: — А я, между прочим, кроме серебряного костыля надеялся увидеть и ее.

— Через год, полтора приезжайте к нам на новую стройку — увидите, — улыбнулся Петр.

— Приеду! — весело заверил Кузеванов.

...Народу собралось много. Прибыли не только строи-

тели трассы, но и леспромхозовцы, газовщики, нефтяники, железнодорожники. Отзвучали приветствия. Петр уже держал в руках молоток, как вдруг увидел в толпе деда Кандыка.

Тот стоял тихий, отрешенный, будто все, что здесь происходило, его уже не касалось. Петр мгновенно увидел старика не здесь, среди празднично настроенных людей, а в толпе провожающих... Вот шумно погрузились в вагоны люди, с которыми дед Кандык проездил столько лет, пережил войну, испытал и горе и радости. Они уедут по дороге, своими руками проложенной по глухим лесам и болотам, а он останется на свежем асфальте молодой таежной станции «Кедровый»...

— Дорогие товарищи! — голос Петра чуть дрогнул, но тут же окреп. — Попросим старейшего путевого мастера Ивана Матвеевича Кандыкова забить серебряный костыль!

Петр сунул молоток под мышку и первым громко захлопал в ладоши.

После короткого замешательства люди откликнулись аплодисментами.

Петр буквально за руку привел ошеломленного мастера, вложил молоток в мелко дрожащие руки, помог направить костыль. Дед Кандык, волнуясь, глянул на Петра, и тот подмигнул ободряюще и еле слышно, но твердо произнес: «Ну! Ну!»

Старый мастер выпрямился, занес над головой молоток и со всей своей многолетней выучкой с одного маху вогнал костыль в путь.

И повеселевшим взглядом — опять на Петра. А тот даже руками развел от восхищения:

— Красота, да и только!

ОГЛАВЛЕНИЕ

Долинова Евгения Алексеевна

РАДОСТЬ С СОБОЙ, БЕДУ С СОБОЙ

Роман

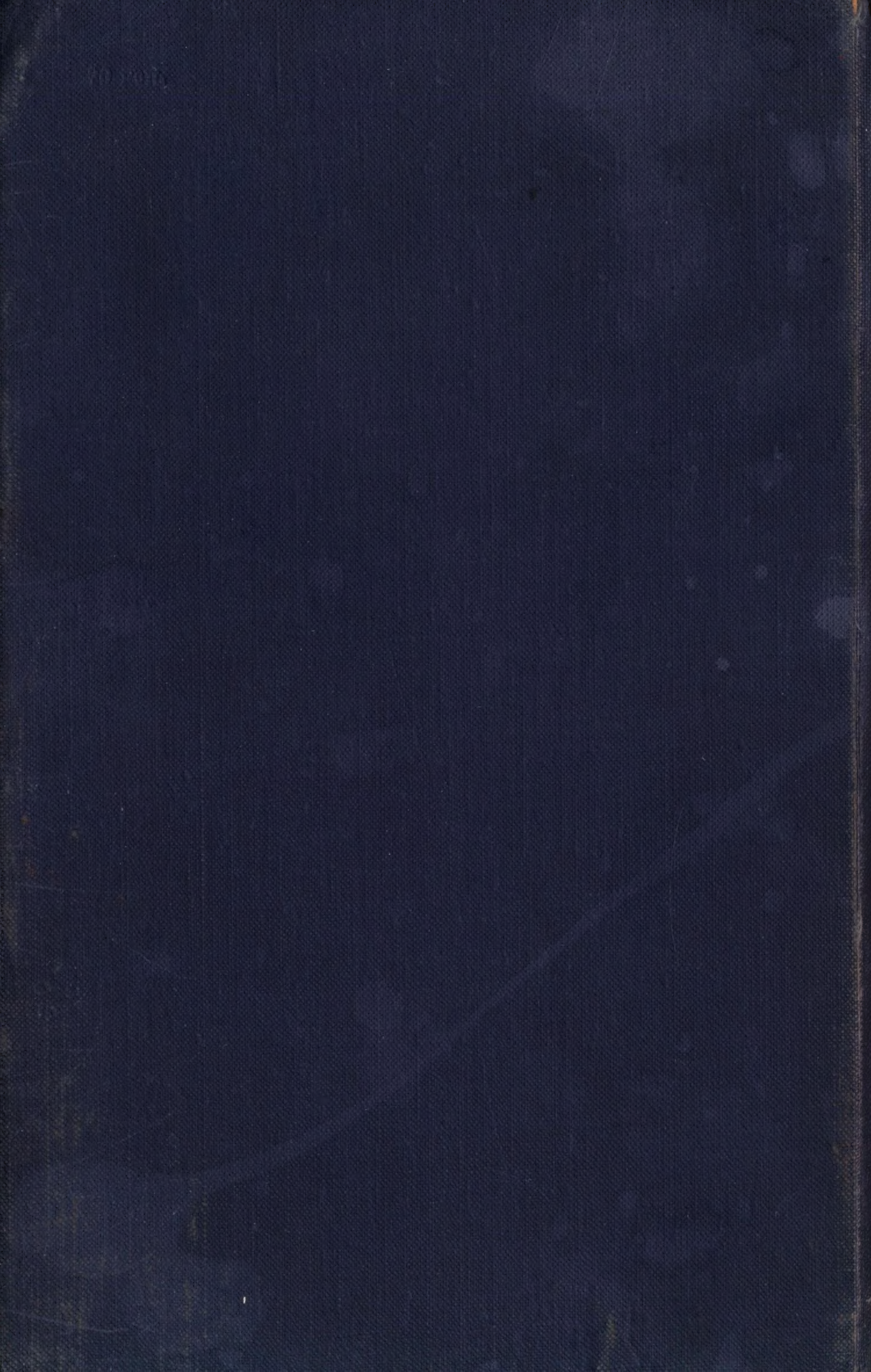
Редактор **Л. Костина**
Художник **М. Шевцов**
Художественный редактор **Б. Мокин**
Технический редактор **Л. Анашкина**
Корректор **Л. Антонова**

Сдано в набор 30/X-1974 г.
Подписано к печати 29/I-1975 г. А10610.
Формат из. 84×108$^{1}/_{32}$. Бумага тип. № 1. Печ. л. 9.
Усл. печ. л. 15,12. Уч.-изд. л. 15,38.
Тираж 100 000 экз.
Заказ № 4062. Цена 70 коп.

Издательство «Современник» Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли и Союза писателей РСФСР
121351, Москва, Г-351, Ярцевская, 4

Рязанская областная типография
390012, г. Рязань, ул. Новая, 69

ЕВГЕНИЯ
ДОЛИНОВА